а. величанский

Охота на эхо

стихи переводы

Перевод - тот свет оригинала,
где значений тени и созвучий.
Тени мучатся невнятностью своею,
перевоплощенностью прозрачной.
На подспудном этом перевозе
ваш слуга работает Хароном:
спозаранку, выпив чаю, он
погружает весла в Ахерон
и мешает воду с отраженьем.

а. величанский

а. величанский

Охота на эхо

Прогресс-
Традиция

ББК 84. 5
В 27

Издание осуществлено при участии
М.В. Белостоцкого, В.А. Севрюгина, А.И. Сергиенко,
М. и К. Хаммонд

Составитель *Е.Д. Горжевская*

В 27 А.Л. Величанский. Охота на эхо. М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 368 с.
ISBN 5-89826-072-2

В книге в переводах А. Величанского представлены стихотворения известнейших английских поэтов Дж. Донна и Дж. Герберта, классика американской поэзии Э. Дикинсон, всемирно известного греческого поэта К. Кавафиса, грузинских поэтов Н. Самадашвили и Г. Табидзе, а также переводы старинных английских баллад и грузинского фольклора.

Переводы дополнены стихотворениями Александра Величанского, которые представляют собой своеобразную перекличку с переводимой им поэзией.

В приложение включены заметки о возможности перевода, судьбе русского фольклора и статья об Эмили Дикинсон.

ББК 84.5

*В оформлении книги иаюльзована картина
художника XV века Тот Синт Янса.
На фронтисписе - автопортрет А. Величанского.*

ISBN 5-89826-072-2

© Величанский А.Л., 2000
© Оформление А.Б. Орешиной, 2000
© Прогресс-Традиция, 2000

Джон ДОНН

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

«He is stark mad who ever saith
That he hath been in love an hour».
D. Donne

Безумен утверждавший,
что он хоть миг любил.
Таким безумцем ставши,
он лишь любимым был:
твоей любовью жил он,
владел твоей тоской...
А ты - ты не твердила
бессмыслицы такой.

* * *

Звон твой, Джон Донн,
или кубков на тризне –
что означает сей звук? –
с райских времен
смерть - условие жизни
невыполнимое, друг.

Джон ДОНН

Л И Т А Н И Я

I Отец

Отец небес, сотворший их
И нас для них, и прочий мир - для нас,
Приди, владыка из владык,
И воссоздай все то, что было «аз»:
Мой дух в сквернейшем из сердец
Самоубийством ал.
Адамов бурый прах очисть, Отец,
От тленных пятен - чистым, как кристалл,
Чтоб я до смерти из нее восстал.

II Сын

О, Божий Сын, узревший их –
И грех, и смерть, что в вечну жизнь вползла,
Отдавшись смерти, Ты постиг
Какими муками казнит нас ангел зла;
Пускай же снова пригвоздят
Тебя к душе моей –
Не кинь ее, хоть будет рваться в ад,
Дай приобщиться к Твоим мукам ей –
Пусть канет в кровь и в смерть Твоих страстей.

III Дух святой

О, Дух Святой, ведь храм Твой аз
Есмь - хоть из стен, что грязь и низкий прах,
Почти исчез Ты, расточась
На спесь, пыл, похоть во младых годах;
Недугом новым полнь мне грудь,
Удвой свой пламень в ней,
Чтоб разгорался в скорби слез, и будь
(Пусть плоти от сияния больней) –
Будь - жертва, огнь, алтарь и иерей.

IV Троица

Блаженна Троица Свята –
Мышленью - остов, вере - молоко,
Как мудрый змей, всегда не та –
Ты, ускользая, вяжешь накрепко;
Мощь, милосердье, знанья дух
Ты неслиянно слей –
Пусть хаоса стихий замкнется круг,
Да усмиряют пыл моих страстей
Любовь, мощь, знание троичности Твоей.

V Святая Дева

Благословенна Дева-Мать,
Чья плоть спасла нас; Дева-Херувим –
Врата отверзла в рай опять:
С Ней первородный грех несовместим,

Чье чрево - небо дивное, зане
В нем воплотился Бог,
О коем мы ревнуем. Что мы вне
Ее деяний ли, Ее молитв-подмог?
Ее величие - их верности залог.

VI Ангелы

Раз в этой жизни всяк - дитя,
Всяк - подопечный ангелов Твоих,
Жильцов чертогов тех, куда
Лишь Ты нас пустишь из краев чужих;
Земля, от солнечных лучей
Зачав различный злак,
Не ведает, как брак свершился сей –
Так дай и мне быть правым в их очах,
Хотя - слепому - мне незрим их зрак.

VII Патриархи

Пусть патриархов страсть во мне
(Сих церкви праотцов - Ты им сиять
Мог в облаке светлей, чем нам в огне,
В ком даже плоть - закон и благодать,
Что молят, пусть на славу в нас
Прибудет новых сил) –
Пребудь их страсть во мне, плодотворясь,
Чтоб новый свет *мне* ум не ослепил
И знаньем новым веру не затмил.

VIII Пророки

Всяк Твой пророк орлиноок –
Он, как орган, чей в сводах храма звук
Столь гармоничен, что извлек
Единство из Твоих Заветов двух -
Сии певцы, знав Твой Глагол,
Рекли веленью в лад,
Моляся купно, чтобы не прешел
Черты я, чтоб отверг излишеств яд,
Взыскуя тайн, что звуки лишь таят.

IX Апостолы

Твой достославный зодиак
Апостолов - им препоясан мир -
(Их свет отвергнув, ввергнет всяк
Себя с приверженцами купно в глубь могил) –
В молитвах их дал знать мне Бог,
Что труд их богодан;
Пусть молятся и впредь, чтоб знанья лег
Пред ними древний путь; развей обман,
Когда Глагол Твой моим словом обуян.

X Мученики

И раз так страстно было в вас
Желанье смерти до ее поры
И после - когда минул смертный час,
Рассеянным Христовым телом вы

И в Авеле погибли, и
В самих себе потом,
Чтоб мы смиренно смерть превозмогли
Иль - хуже - жизнь: иной ведь, если он
Не мученик - мученью обречен.

XI Исповедники

Засим с Тобой на небесах –
Сонм исповедников, невинных, словно снег,
Их обручение - не брак;
Их кровь предложену не взыщет изверг век.
Они познали, чтобы знать
Мог всяк из христиан,
Что, как гонениям не бушевать,
Своим соблазном человек раздран;
Сам для себя всяк - Диоклетиан.

XII Девственницы

Обитель дев, как снег, бела;
Игуменья их, словно Божья Мать,
Вернет заемные тела
Сих дев тебе невинными опять,
Хоть от Тебя, как всяк из нас,
Как церковь, далеки,
Чтоб изначальный свет в нас не угас,
Извергнувши из нас, избыв грехи,
Безгрешность нашу девством нареки.

XIII Богословы

Сонм богословов в небесах –
Их долг снимать печати и учить
Обеим Книгам (ибо в знак
Любви к Писанию сподобимся мы жить
И в Книге Жизни). Помолись,
Чтоб в свойственных уму
Обмолвках не коснела наша мысль,
Греша их рвеньем. Проведи сквозь тьму
Стезей их звезд, но к солнцу Твоему.

XIV

Пускай поет вселенский хор
Победу церкви над враждой земной,
Любовью победив раздор –
Той, что удержим мы, Как Ты, любой ценой –
Хор молит вечно, Ты ж вонми
(Тот милосерд, кто смог
Стать Тройцей муки, подвига, любви)
И сей молитве: да избавит Бог
От веры в то, что мы - молитв исток.

XV

От страха ли, беспечности ль
Печалей праха иль отрад-шутих,
От мысли, что Твой двор стеснил
Застенком всех, лишив отрад людских,

Что в сей темнице Ты стяжал
Все чувства тех, кто мог
Стяжать любовь Твою и тем их покарал,
Лишив мирских услад, от тех, чей рок –
Сверх сил стремление к Тебе, избавь нас Бог.

XVI

От страха ради дел благих,
От долга слезного, что не зачтен поднесь,
От веры: кровь страстей Твоих
Излечит в наших душах всяк рубец,
От подаянья мзды, что не
Покроет грех премног,
От тяги к суеверий новизне
И от того, чтоб дух не пренебрег
И плотским долгом в нас, избави Бог.

См. Рим., 15-27

XVII

От искушенья искусить
Бесов - потворством, дружества тщетой
И от стремленья попустить
Свой грех, сравнив с тягчайшим злом, от той
Нескромной скромности - она
Всем праведным упрек,
От суеты иль тех, в ком суета,
От жажды славы только славе впрок
И от презренья к ней избави, Бог.

XVIII

Избавь сошествием Своим
Во чрево Девы - в то пространство меж
Божественным от века и людским,
В Ней благодатью став для нас - невеж,
Своим рожденьем нищету
Прославив в первый раз,
Ты и богатства не отверг тщету,
Раз царские дары приял, родясь –
Избавь от бедности и от богатства нас.

XIX

Постичь чрез корчи крестных мук
Благочестивому мучительно поднесь,
Что исказило Божий Дух
Страданием - мир безмятежный весь,
Ведь Сам Собой назвавшись, Ты
Сброд ослепил и мог
От воинов иудиных уйти,
Спаси ж нас, Боже, научивши впрок,
Когда нам вместно обмануть порок.

XX

Приявши все - удар в лицо,
Раздранье риз, попранной славы срам,
И правосудья ярость - все –
Свою телесность доказал Ты нам,

И подвигом смиренным тем,
Что в смерти Ты явил,
У шедши Сам, не изгнанный никем,
Избавь от смерти нас, поправши смертью мир,
Покуда этот мир нас не избыл.

XXI

Когда рассудок - Твой конвой –
Мы ополчаем на Тебя грехом,
Нужда нас не смиряет - в бой
Мы шлем ее в отчаянья пролом;
В довольстве же не Божий лик,
А идола подлог
Мы чтим - не тайну лишь пустой тайник;
От веры, чье начало и итог –
Лишь плод ума, спаси, избави, Бог.

XXII

Когда во храмах Твой Глагол
Бесчестит низкий низким языком,
Когда мы видим произвол
В суде духовном и в суде мирском -
Цари в миру Твой ангел-мор,
Войны ль твой меч рази,
Правь ересь ли - второй потоп-разор –
В час смерти до суда на Небеси
Спаси нас от ошуйныя стези.

XXIII

Вонми, вонми нам, Боже; для
Тебя молитва грешника звучней
Музыки сфер, и ангелов хвала,
Их Аллилуйя не сравнится с ней,
Вонми: пока Ты слышишь нас,
Мы знаем, что сказать.
Твой Дух даст нашим слезным вздохам глас.
Ты, разрешивший Иова пытать –
Вонми своим молитвам в нас опять.

XXIV

Пусть ровным рвеньем станет в нас
Сей лихорадки набожный надрыв,
Порока спазм, что нас сотряс –
Греха апоплексию умертвив;
Пусть благозвучный Твой обет,
А не гроза угроз,
Затеплит в нас служенья ровный свет,
Писанью вняв, Тому, кто Слово нес,
Чтоб вняли мы, Ты нам вонми, Христос.

XXV

Чтоб исцелить в нас глухоту,
Звук проведя сквозь слуха лабиринт –
Тот, где на ближних клевету
Иной из нас себе хвалою мнит –

В безумье да не соскользнем –
Верны Твоим стезям –
До дерзких шуток на земным царем,
Который богодан своим рабам –
Чтоб слух замкнуть наш, Свой отверзи нам.

XXVI

Мирской закон и суд мирской,
Что призван нас судить в пример для всех,
Винит нас тяжкою виной,
Клеймя еще не совершенный грех -
Пусть нашим гладом сей синклит
Сыт - с ним и дьявол сам –
Пусть их навек раскайнье в нас родит,
Но Ты отринь на нас взводимый срам, Замкни
Свой слух, чтоб наш отверзнуть нам.

XXVII

Познанье, послано Тобой
В нас преданность Тебе не соблазнит,
Цветок сей райскою красой
Целил бы нас, не будь столь ядовит -
Сей ум, рожден творить добро,
Став суетою слов
Ничтожества мирского, сам - ничто:
Чтоб не мертвила страсть Твоих рабов –
Услышь свой слабый отзвук, Слух и Зов.

XXVIII

Вонми нам, Божий Сын, зане
Проливши нашу кровь, восполнишь вновь
Своей кончиной на земле,
Не дашь Ты и Свою пролить в нас кровь.
Ты, Агнец, наши взяв грехи,
Их злом не осквернен,
На них наш род опять не обреки,
Целитель и Целимый исцелен,
Раз грех - ничто, да сгинет всюду он.

Джордж ГЕРБЕРТ

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

* * *

Поначалу лишь обрядом скорби
кажутся нам смерти годовщины.
А чуть позже - юбилейным лаком лессируется
о близких память, словно удаляются от нас
они, но после,
если хватит незаметной жизни,
в праздник превратятся эти даты,
оттого ль, что с каждым годом ближе
мы к ушедшим, оттого ль, что в смерти
глиняной и вправду мы не видим, но
предчувствуем рождение второе.

* * *

А может быть, премудрый Боже,
душа и смерть одно и то же –
один-единственный, но миг
в подушках влажных, чуть живых.

Джордж ГЕРБЕРТ

ДОБРОДЕТЕЛЬ

С землей венчая небеса,
Сей день столь ярок, свеж, хорош! –
Оплачет вечер твой роса,
Ведь ты умрешь.

О роза, гневный пламень твой
Разит глаза зевак, как нож,
В могиле корень твой живой –
И ты умрешь.

Весна - сих роз и дней ларец –
Все благовонья в нем найдешь –
В моем звучанье твой конец:
Ты вся умрешь.

Лишь в добродетельной душе –
Лес обожженный не гниет –
Пусть мир сгорел дотла уже,
Жизнь не прейдет.

* * *

Совсем вблизи она походит на
ту предотъездную не суету пустую,
но пустоту, что тупо стеснена
в подвздошье где-то. И пока ты всуе

одно и то же тщишься в сотый раз
не позабыть - но что? - вот в чем загвоздка,
она стоит, как позабытый класс
на фотоснимке вкруг тебя подростка...

Вблизи она походит на пробел
в подспудной памяти иль в знании ответа...
Как будто «на дорожку» ты присел,
и нету сил подняться, Лизавета.

* * *

Морей раскинутые сети,
вершины храмов, гор прибой –
как много, Господи, на свете
еще не виданного мной...

Но разве невидали эти
сравнятся с невидалью ТОЙ?

СМЕРТЬ

Смерть, ты казалась мерзкою сперва -
Пустой костяк,
Печаль, в чьих стонах всяк иссяк –
Уста отверзнув, петь ты не могла.

Мы мыслили, что где-то через шесть
Иль десять лет,
Уж раз угас сознанья свет,
Плоть превратится разве в праха персть.

Наш здешний взор полета не проник
За скорлупой
Души, пробившей прах собой, -
Бесслезен, сух, что жаждет слез чужих.

Но кровь Спасителя вдруг прилила к твоим
Пустым щекам,
И вмиг ты стала доброй к нам,
Ты стала в нас желанием благим.

Се зрим тебя отрадой пред собой,
Как в Судный день,
Вновь души ризою одень,
Останки плоти облачив красой.

Так погрузимся в смерть, как сна во мрак,
Доверив сей
Могиле лишь полсущности своей,
Взбив в головах своих иль пух, иль прах.

* * *

В утробе - стать монастыря,
на праздник в «зимнем» храме,
сойдясь из дальних деревень
дорогою большой –
кто молится перстами лишь,
кто молится устами,
кто молится ушами,
кто соблазном иль душой.

* * *

Лес Тебе, закатно тлея,
причастился, чуть дыша,
это кровию Твоею
очищается душа.
Собираются в леса
дерева-единоверцы,
в сердцевине, т.е. в сердце
пепел слов Твоих неся.

(ПРИТЧ., 25,20)

Это Он снимал одежду от стужи бел,
это Он лил уксус себе на раны,
это Он опечаленным лишь о печали пел,
и Его ненавидели бездари и тираны.

ВИТРАЖИ В ХРАМЕ

Как было проповедать Твой глагол
Рабу, что хрупким был стеклом?
Все ж в Твоем храме аз - Твой раб - обрел
Возможность стать в сиянье том
Через Тебя в Твой свет окном.

Но, привнося цветной закал Собою
И проблеснувши житием
Своим, и Сына Своего - красою,
Все водянистое огнем
Ты победишь в стекле Своем.

Учение и жизнь, цвет, свет - в одно
Смешавши, пробуждаешь в нас
Священный страх, а словесам дано,
Сверкнув, исчезнуть сей же час,
Не в совесть, в уши к нам стучась.

НРАВ

Как я б воспел Тебя в своих стихах, Бог мой,
Твою любовь навеки утвердя,
Коль то, что чувствую порой,
Я б чувствовал всегда.

И будь небес над нами без числа,
Их все порой проникнет взгляд,
Порой пред ним лишь облак мгла,
Порой он зрит лишь ад.

* * *

Господи, отчего тиранов
сотворил Ты подобно людям –
т.е. им Твоего подобья
тоже толика перепала,
отчего, как Шекспир, не сделал
Ты тирана горбатым карлой,
колченогим, кривоколенным,
чтобы лик его безобразным
был, как мерзость и как проказа,
и как козни его тиранства;
отчего, как Шекспир, Ты дал им
дар чернейшего красноречья,
а порою, как тот же Уильям,
ум давал им, хоть безоглядный,
но ухватистый и глубокий,
словно прорва иль ров могильный?
А ведь мог бы, Господь, тирана
Ты дебилом наглядным сделать,
чтоб безмозглости ряской трусы
оправдали его злодейства.

Не мучь меня - мне дыба сей простор –
Его бескрайность - Твой полет:
Вселенной мал Тебе шатер,
Велик мне Склепа свод.

Ужель Ты дал крупице тлена даль –
И свяжет ад с Эдемом прах?
Соизмерима ль с Богом тварь,
Возвысится ли так?

Под кровлею небес Своих храня
Мой дух от Твоих гроз,
Себя от грешника, меня,
Избавь от страхов, грез.

Но поступи, как знаешь, - натяни
Иль отпусти струны моих грехов,
Всяк Твой настрой в моей груди –
Лишь благозвучья зов.

Взлечу ли с ангелами ввысь иль кану в прах –
Тобой взнесен, низвержен буду:
Таков союза нашего размах –
Рай или ад - повсюду.

ЦИТАТЫ

Живи же, всяк живущий,
как слово: без возврата.
Звучи же, звук - созвучий
очарованье свято.
Жизнь, полнись, хоть как холод,
погост или больница,
«пока Господь в нас ходит,
пока в нас веселится».

* * *

Перед тем, как отвечать главою,
вернее - вечною душой,
скажу я: «Боже, пред Тобою
я согрешил - но пред Тобой.
Пусть в словоблудие облек я
простое, словно хлеб, «прости»,
но согрешил, как человек я,
а Ты, как Бог меня прости».

ЦВЕТОК

Столь чист и свеж, Господь, восстань,
Как Ты даешь восстать весны цветам –
Ведь сообразно их красам
Морозов поздних воздана им дань;
Печалей всех
Где в мае снег? –
Да были ль эти холода и впрямь?

Увядшей мнил ли я душой
Вновь зелень обрести свою? Она
Ушла под землю, как цветы: родня –
Корней цветенье - дом ей под землей.
В ненастны дни
Живут они –
Мертвы для мира - дружною семьей.

Се чудеса Твои, Господь:
Мертвишь, живишь; вот кто-то низведен
Во ад, но неба достигает вновь:
Стал благовестом погребальный звон.
Слов невпопад –
Где рай? где ад? –
Лишь Твой глагол Тобой в нас прояснен.

Будь я за гранью перемен
В раю, где нам увянуть не дано!
Но здесь всяк год я рвусь сквозь тлен
Ввысь, и цветение мое напоено
Без ливней, гроз
Потоком слез –
Здесь я и грех мой суть одно.

* * *

Пир горой. Глубока посуда.
Боже, из одного сосуда
наполняешь Ты до свершенья –
чашу ужаса, чашу блуда,
чашу гнева ль, опустошенья.

* * *

Высоко иль низко,
тяжко иль легко,
но пока Ты близко –
мы недалеко:
Ты - фитиль, мы воска
жар и холод враз,
пока словно воздух Ты
окружаешь нас.

Раньше или позже,
но в урочный час,
удаляясь, Боже,
оглянись на нас
еще не испитых
судьбой до дна,
пока даль путей Твоих
не отдалена.

Пока, считая собственностью их,
Я в небеса ломился тяжело,
Ты гнев явил, и я поник –
Что холод перед гневом сим - сожгло
Всех Арктик и
Антарктик льды
Его пыланье, чуть нахмурил Ты чело.

Цвести с годами довелось
Мне, пережив чреду смертей, -
Вновь чую запах ливней, рос,
Смакуя стих. О, кто Тебя светлей –
Ужель я тот,
Кого Твой гнет
Постиг грозою яростных ночей.

Ты в чудесах прояснишь нам,
Что всяк из нас - лишь цвет, - ему отцвесть
Придется, но постигшим то цветам
Отдашь Ты сад существованья весь.
Кто ж ревновал
О большем - мал,
Лишится рая через эту спесь.

* * *

Стена стволов,
кустов ли прутья.
Обрывки слов.
Обрывы круч.
И коль не путь –
хоть перепутья
дай, Боже, - пустошью
не мучь.

* * *

Они идут ко Мне
не сердцем, а устами,
за псевдо словесами
сердец их суть извне –
далеко где-то. Для
Меня их вопль несносен.
Но тщетно чтут Меня.
(Матф. 15,8).

ПАСХА

Восстань, душа! Твой Бог восстал. Тому
Воспой хвалу,
Кто вел тебя, чтоб ты, как Он,
Был вознесен:
Очищен смертью Бога, в жизнь восстав,
Возвышен будешь и - что выше - прав.

Проснись же, лютня, глас возвысив свой
Моей игрой, -
Крест дал звучанье глубине древес –
Его же нес,
Напрягши жилы, словно струны, Он, -
Сей день возвысить - где взять выше тон?

С душою звук сплети, чтоб песнь была
Славна, долга.
Иль раз музыка - лишь трехзвучий строй,
Восполнь Собой
Звучанье лютни и души, Дух Свят –
Душа и лютня лучше зазвучат.

Вот и цветы - Твой путь устлать,
Но благовоний благодать,
Что полнит ветви и цветы,
Восстав с зарею, дал им Ты.

С востока солнца свет встает,
Восточен благовоний дым,
Но с Воскресением Твоим
Сравним ли их кичливый мед?

Сей день другим не заменишь.
Пусть вспыхнут солнц поденных вехи –
Мы числим триста солнц, но лишь
Одно есть - ныне и вовеки.

МОЛИТВА

Пир всех церквей; как ангел присносущ,
Дух Божий, к Богу рвущийся из нас,
Сердец паломничество, просветленье душ,
Земли и неба христианска связь;
Осадна башня высей неземных,
Отзывный гром, Христовых мук копье,
Шесть дней творенья во единый миг,
Мелодия - нет трепетней ее;
Блаженство, мир, любовь и кротость, и
Взносима манна, верх людских отрад,
Рай - в литургии, душ драгой наряд
Иль райска птица Млечного Пути,
Надзвездный колокола звон, сердечна кровь,
Оплот наш; нечто понятое вновь.

ИСКУПЛЕНИЕ

Давно от Господа я клок земли имел,
Но, вовсе не разбогатев на нем,
Дерзнул просить я Господа о том,
Чтоб, старый взяв, мне новый дал надел.
В небес поместьях я искал Его,
Но мне сказали, отлучился-де:
Клочок земли купил Он на земле,

Хоть им владел уже давным-давно.
Я, зная род Его высокий, там,
Внизу, искал Его в возвышенных местах –
В садах, в театрах, в пышных городах,
И наконец, вняв дикий хохот, гам,
Узрел его среди воров, громил.
«Возьми, что просишь», - рек и с тем почил.

Эмили ДИКИНСОН

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Пчелы, бабочки, шмели
Улетучились вдали.
Потускнела вся трава,
и деревья - как дрова,
и цветы завяли;
и цвели едва ли.

Ствол осины бел и сух.
Изваяния старух
на порогах клонит в сон
под постриженный газон.
Не глядит в жилища
небо-пепелище.

Вот опять, опять, опять
медленно - за пядью пядь -
Эмили идет сюда
в белом платье, как всегда,
в роще пропадая,
и совсем седая.

12

Смиреннее рассветы –
Смуглей орехов плоть –
Пухлее щечки ягод –
И розу не вернуть.
Пестрее галстук клена –
Алей наряд полей –
И я по новой моде
Принаряжусь скорей.

15

Тот гость - он злат - малинов –
Опалов гость и сер –
И плащ - из горностая –
И ярче нет - камзол –

Под вечер прибыл в город -
Взошел на всяк порог -
Хватившись его утром –
Ищи - где та же ширь –
Мир жаворонка или
Где чибисовый мир!

Двадцать, тридцать, сорок лет
белый цвет на ней одет.
Времена - какой пустяк:
в пальцах стебель не иссяк,
обрываясь астрой –
старой, но прекрасной.

Нет ни бабочек, ни пчел.
Ей известно - что почём –
правды смертная цена –
черных прядей седина:
и холмы, и поле - изваянье боли.

* * *

«How happy is a little stone».
E. Dickinson

Уважаемая мисс Дикинсон,
Ваш маленький камушек
такой неприметный... пыльный,
беззаботный и в вечность канувший,
затерявшийся на земле обильной –
он больше любого огромного камня,
хоть тот настоящий и его можно потрогать,
и он даже не уместился бы на дороге,
по которой вы гуляете вечером несказанным,
уважаемая мисс Дикинсон,
аккуратно глядевшая себе под ноги.

19

Листок, и шип, и лепесток
В обычный солнечный денек –
Росы глоток да пчел чуток –
Да ветерок - в деревья скок –
А я - я стану розой среди них!

32

Когда увянут розы,
Фиалки сгинут, сэр,
Когда шмели исчезнут
За солнечный предел –
Когда рука, что медлит
срывать сегодня цвет -
Зазолотится праздно –
Примите мой букет!

47

Сердце! Мы забудем
Нынче же его –
Я позабуду его огонь –
Ты же забудь тепло.

Но лишь забудешь - тотчас
И мне напомни, чтоб
Я без напоминанья
Не вспомнила его б.

* * *

«What inn is this?»
E. Dickinson

Что за странный предвечерний
постоялый двор? –
у крыльца бродяга черный
да глухой забор.
Где хозяин? - только эхо –
нету до сих пор.
Не дозваться человека,
девку - экий вздор!
Что за комната прореха!
Не трещит очаг,
лишь сумерничают тихо
тени при свечах.
Щас бы пива для почину...
Эй, хозяин - ты? –
что еще за чертовщина,
Господи прости!

49

Что хуже этих двух потерь –
Их скрыл чертополох.
Два раза нищенкою в дверь
к Тебе стучалась, Бог!

Дважды ангелы спускались –
Чтоб нужде воздать –
Вор! Банкир! - Отец Небесный! –
Я бедна опять!

57

Благословив простые дни -
Годичных сроков строй –
Помни лишь - они-то
И лишат нас той
Малости насущной -
СМЕРТНОСТИ самой!

ВМЕСТО ПЕРЕВОДА

Когда она проезжала
мимо заката солнца,
мимо детей ученых,
мимо людских могил,
то рожь сильнее рыжела,
и дети кричали отчетливей,
и слышали звук колокольца
те, кто в могилах был.

67

Всего милей удача
Тем - кто не знал удач –
Вкус нектара удастся
Лишь горечи постичь.

Никто из алой рати
Поднявшей ныне стяг –
высокий смысл победы
Не постигает так –

Как побежденный - павший –
Победы ясный звук
Мучительно и точно
Его терзает слух!

76

Ликованье - душ стремленье
К морю от материка,
Где за домом - где за мысом –
Только вечность глубока –

И как мы, в горах родившись,
Моряки понять должны
Неземное упоенье
Удаленья от земли?

89

Вечно лететь могли –
Птицы - часы - шмели –
Нет им элегии.

Вечно стоять могли –
Вечность - печаль - холмы –
Но без меня - одни.

Покой есть стремленье ввысь.
Небес достигнет ли мысль?
Как тихо загадке здесь!

99

Шаги в саду моем новы –
Новы персты в траве –
Певец из вяза возгласил
Об одиночестве.

Вновь чье-то детство в зеленях –
Усталость - под землей –
И все ж опять - весны печаль
И снег - своей порой!

101

Будет ли и вправду «утро»?
Вправду ль где-то «день» возник?
Можно ль с гор его увидеть –

Будь сама я ростом с них?
Есть ли ножка - как у лилий –
У него - иль перья птиц?
Занесен ли к нам от славных
Мне неведомых границ?

Мореход! Ученый некий!
Некий умница с небес!
Вы мне - страннице - скажите –
«Утро» - из которых мест?

102

Великий Цезарь! Снизойди
Принять вот эти маргаритки,
Что дочь Катона собрала,
Коль этому благоволил ты!

108

Осторожней быть хирургам
Нужно - взяв ножи!
Под надрезом их трепещет
Подсудимый - жизнь!

113

Наша доля ночной неволи –
Утреннего прозренья –
В наслажденье наш пробел –

Наш пробел в презренье.
Тут звезда и там звезда –
Чьих-то странствий след!
Тут туман и там туман –
А потом - свет!

125

За каждый миг восторга
Мученьем спросят с нас –
Таких процентов прытких
Не выплатит экстаз.

Нужды горчайшей - годы –
отрады - краткий час –
Сравнится ль жалкий грошик –
С казною, полной слез!

126

Бой на виду отважен –
Но доблестнее тот –
Кто с эскадроном скорби
На сердце бой ведет –

Кто победит незримо –
Неведомо падет –
Чьи очи не закроет
Умильно патриот –

Но ангелы в плюмажах
Пойдут ему вослед
За рядом ряд - чеканя шаг –
Мундиры словно снег.

135

Учит жажда воде.
Море - земле впереди.
Мука - чреде утех.
Миру - сражений бред.
Любви - лелеемый прах.
Птицам - снег.

155

Пчелиный лепет в дар
Принес мне силу чар –
Коль спросят - почему? –
Умру - не помяну
О том.

Красный склон холма
Сводит меня с ума –
Кто усмехнуться мог –
Побойся - ведь это Бог –
Во всем.

Заря наступленья дня
Возвышает меня –
Как? - интересно им –
Пусть говорят с моим
Творцом!

170

По сравнению с дневными
Лицами - портрет –
Как закат и день - одетый
В чопорный жилет.

177

Что слаще тайных чар!
Ах, чернокнижник, в дар
Дай мне уменья яд,

Сей дар внушенье мук –
Что никакой хирург,
Ни трав целебных луч
Не исцелят -

182

Если до малиновок
Мой настанет срок,
Той, что в алом шарфе, дай
Поминальных крох.

Если благодарных слов
Не скажу сквозь сон,
Знай, что я пытаюсь
окаменевшим ртом!

193

Пойму - когда иссякнет время –
И станет тщетным всяк вопрос –
Зачем Христос в воскресной школе
Откроет смысл скорбей и слез –

«Петра» помянет обещанья —
И горю Божьему дивясь -
Я позабуду каплю боли -
Что жжет сейчас - что жжет сейчас!

201

До утра на пари пловцы
Боролись - кончен бой –
И к берегу поплыл один –
Но Господи! - другой!

Плутая видели суда
Водой носимый лик –
Застыли в смерти - глаз мольба –
Мольба простертых рук!

210

Мысль за тончайшей пленкой
Куда точней видна –
Так пена разъяснит волну
И Апеннины - мгла.

214

Я пью нерукотворный хмель –
В жемчужинах мой ковш –
Все бочки Рейна откупорь –
Такого не найдешь –

Опившись воздухом — росой –
Пьяна - бреду я чрез
Всю бесконечность летних дней
Из кабака небес –

«Хозяин» пьяную пчелу
Прочь гонит из цветка –
И бабочки пьяны - лишь я
Не напилась пока!

И шляпы белые сорвав –
Все серафимы враз
Бегут к окну - пьянчужка ишь
Спит, к солнцу прислонясь -

241

Мне нравится агония
Правдивая - кто б смог
Сыграть удары судорог,
Подделать вопль мук?

Взгляд потускнел - и это смерть –
Кто так сыграет роль –
Как лоб усеет каплями
Обыденная боль.

249

Ночь бурь! - ночь бурь! –
Коль пополам
Ее делить –
Отрада нам!

Что ветр сердцам –
Обретшим порт –
Не нужен компас –
Не нужно карт!

О это море!
В рай - по волне!
Чаю ныне найти причал
В тебе!

254

Пернатая «надежда» -
На душу нам слетев –
Поет мелодию без слов –
Не молкнет сей напев

Сладчайший средь порывов бурь –
И как жесток тот шторм –

Что птаху малую смутит
С ее для всех теплом –

Слышней - чем холодней земля –
Безвестнее моря –
Поет - в нужде не попросив
Ни крошки у меня.

288

Я никто! А ты кто? –
Тоже ведь - никто?
Итак мы пара? - но молчи! –
Нас огласят не то.

Как сумрачно быть кем-то!
Публично! - этак вот
Лягушка о себе твердит
Болоту из болот!

301

Я знаю, краток прах –
И бесконечна боль –
И страждет всяк,
Да что с того?

Я знаю, мы умрем –
живейший из живых
Не одолеет тлен,
Да что с того?

Я знаю, в поднебесье
Все как-нибудь сгладится после –
В иное придет равновесье –
Да что с того?

305

Отчаянье отлично так
От страха - словно миг
Крушенья, катастрофы ли
От памяти о них -

Спокоен ум - недвижен –
Доволен - словно взгляд
Слепого изваяния –
Ведь камни не глядят

307

Кто летний день способен воссоздать
Тот более велик - чем самый день –
Будь он ничтожнейшим среди людей

А тот - кто солнце передаст
В медлительный закатный час –
Как оно тает - красками сочась –

Когда восток теснимый бледен –
А запад - нов и неизведан –
Тот имя оставляет среди нас -

318

Скажу - как всходит солнце –
За лентой лента - вмиг
Всяк шпиль стал аметистов –
Молва - как белка - мчит -

Холмы снимают шляпки –
Миг птицами воспет –
Я тихо говорю себе –
«Вот - стало быть - рассвет!»

Закат же мне невнятен –
Чрез алый палисад
Детишки ярко-желтые
Перемахнуть хотят –
Но чуть перескочили –
Священник - весь седой –
Подняв щеколду вечера –
Уводит их гурьбой -

324

Всем - воскресенье - чтоб в церковь ходить
В дому я воскресным днем –
С хористами-дроздами –
А сад - свод храма в нем –

Тот в воскресенье наденет стихарь –
Я ж - крыльев своих полет –
Не бьет в нашем храме колокол - но
Дьячок - воробьей поет.

С краткой проповедью Господь
Сам явился сюда -
И вместо того, чтоб на небо попасть –
Иду я - иду всегда –

Итак - во имя пчелы –
Бабочки легкой и
Легкого ветра - Аминь!

335

Не в умиранье наша боль –
Живя страдаем мы –
Смерть - за пределом жизни –
Как будто за дверьми –

У птиц - привыкших к югу
Есть потеплей насест –
Но мы - такие птицы –
Что остаются здесь.

Дрожать у фермерских дверей –
Ждать неохотных крох –
Покуда жалостливый снег
Домой нас не увлек.

341

Вослед за сильной болью ты застыл –
И нервы церемоннее могил –
Душа дивится: я ль ту боль снесла –
Столетия назад или вчера?

И машинально каждый шаг
Обходит воздух, прах –
И одеревенел всяк путь –
Как камень - кварц - доволен будь –

И этот час свинца
Тебе запомнится –
Замерзший так запомнит снег:
Озноб - столбняк - и все - прощай навек -

389

Случилась смерть в доме том, что напротив -
Недавно - нынче днем –
Я по оцепенению
Такой узнаю дом –

Снуют соседи в дом - из дома –
И доктор - за порог –
Окно само собою вдруг
Раскрылось - как стручок –

На двор тюфяк выносят - дети
Спешат пройти бочком –
И мне казалось в детстве –
На нем - поди - на нем –

Священник по-хозяйски в дом
Проходит - ведь ему
Днесь вся родня подвластна - вплоть
До детворы в дому –

А вот и та - что саван шьет
И тот - что в аккурат
Измерит домовину –
Безрадостный парад

Грядет - кистей златых - карет –
Вот ряд примет - легко
Предчувствовать дурную весть
В заштатном городке -

409

Падут - как снег –
Как звезды вдруг –
Как розы лепестки –
Когда протянет к ним июнь
Ветров свои персты –

И пропадут в сплошной траве
Отыщешь след едва ль –
Но Бог заносит каждый лик
Навек в свою скрижаль.

431

Мой выход! - Слепнет лик
Среди огней таких!
Мой выход! - Вчуже слух
Приветствий слышит звук!

Забудут те, кто свят –
Мой робкий шаг –

Мой праздник невелик –
Памятованье их –
Мой рай - меня они
Зовут по имени -

441

Тебе мое посланье - мир –
Хоть ты не знал меня –
Весть - что природой молвлена –
В величии нежна.

Ее наказ завещан
Рукам незримым - к ней
Любовь питая - мой земляк –
Суди меня нежней -

449

Я умерла за красоту -
И сразу вслед за мной
Тот - кто за правду отдал жизнь -
В соседний лег покой.

«За что?» - спросил –
«За красоту» -
Шепнула я в ответ –
«А я - за правду - ведь они
Сродни» - сказал сосед.

Как близкие - сойдясь в ночи –
Мы говорили с ним –
Покуда мох не тронул губ
И наших имен не скрыл -

469

Багряный отсвет утром –
Лиловый - белым днем –
И желтый - дня в исходе –
И никакой - потом –

Но вечером - созвездья
И пыла полоса –
И серебро пространства
Век не растратится -

471

Ночь между дней заключена –
День - тот - что не возник –
И день исчезнувший - одно –
Но вот ведь - ночь меж них –

Ночь - чей медлительный уход –
Как точечки песка –
Неразличим - незрима ночь –
Не станет днем пока -

475

Судьба - жилище без дверей –
С востока входишь в дом –
И отнимается крыльцо –
Раз ты уже спасен –

Лишь снится внешний мир –
Где ягод куст засох –
И где склоняется трава
Перед Тобою - Бог -

478

Мне ненавидеть некогда –
Имея смерть в виду –
Не столь просторна
Жизнь моя –
Чтоб разрешить вражду –

И некогда любить –
Но коль
Стараться всякий час –
То малый тяжкий труд
Любви
По силам мне как раз -

486

Я крохотнее всех в дому –
Всех меньше мой мирок –
Под вечер - книга, лампа и
Герань - да вот пучок

Из мяты - вечно падает –
Мне век ловить его –
Корзина с рукодельем и –
Что ж больше? –
Ничего –

Молчу - а коль заговорят –
Ответ мой краток, тих –
Жить громогласно не терплю –
Мне этот гам претит

И если б не был так далек
Всем предстоящий путь –
Наверно - незаметней всех
Смогла б я умереть –

491

Коль она жива
До смертного часа -
Коль мы с ней воздух пьем один -
В одной крови
Живем - одним причастьем –
Каким деленьем союз наш разделим?

Страсть - словно жизнь - лишь дольше жизни –
Страсть - словно смерть - когда в могиле мы -
Страсть - крестный брат святого воскресенья -
Что зачерпнув наш прах - речет ему: «Живи»!

502

Что ж делать днесь? - молюсь - молюсь -
Воздушный Иисус –

Не ведаю - где твой приют –
В любую дверь стучусь –

Постиг ты бурею моря –
Землетрясеньем - юг –

Из Назарета Иисус-
Мне - что же не помог?

516

Не искома - ЕСТЬ краса –
От погони сгинет –
Не гонись за ней - жива –
Улови все сгибы

На лугу - когда ветра
В травы пальцы прячут –
Бог присмотрит за твоей
Полной неудачей -

526

Иволгу услыхать
Проще простого - хоть
Может быть - благодать.

Птица не то поет
Сама себе - звук не тот –
Что слышит люд –

Сам выбирает слух –
Чтобы украсить звук –
Свет или мрак –

Песнь ли то слышна
Или не песнь - тишина –
В душе рождена.

«Мелодия - в листве», -
Скептик укажет мне, -
«О, нет - в тебе!»

540

Вся мощь моя в моей руке –
Мир сопротивен мне –
Давид - пожалуй - был сильней –
Отважней я вдвойне –

Праща метка - и все же я
Повержена была –
Что ж - Голиаф был столь велик?
Настолько ль я мала?

543

Страшусь молчальника - того
Чья бережлива речь –
Могу оратора постичь
Иль болтуна развлечь –

Но этот скуп - хоть ставят все
Последний грош на кон –
Такого я остерегусь –
Боюсь - здесь главный он.

556

Рассудка точен - тих –
В извечном русле ток –
Но чуть излучина одна –
И легче - видит Бог -

Разлив направить вспять –
Что холмы режет вмиг –
Преграды строит сам себе
И мельницы громит -

568

Мы познаем любви
И буквы и слова –
Всю книгу - Откровенье в ней –
Последняя глава –

Но каждый дышит взгляд
Ребячьей простотой –
И каждый - как дитя –
В той простоте святой –

Невнятный смысл толкует –
Но кто его поймет –
Так велика премудрость –
Так много разных правд -

572

Отрада живописнее –
Коль смотришь через боль –
Настолько недоступна –
Прекрасна столь -

Так гор устойчив в отдаленье
Янтарный блеск –
Приблизишься - янтарь исчез - и –
То - блеск небес -

578

Плоть тянется вовне –
Привычнее ей там –
Но если скрыться хочет дух,
То безымянный храм

Открыт гостеприимно –
Здесь душу никогда
Не предадут пришедшую
Искать приют сюда.

583

И жаба умрет - от луча –
Смерть-привилегия –
Князей и мух,
Людей и жаб.
Одно из прав -
И чваниться к чему -
Коль в привилегиях ты равен комару.

Иное дело - жизнь –
Отмерь вина-
С него уж сорваны одежды бочек, фляг -
Рейнвейн без дна -
Какой из отблесков багряных для меня?

585

Гляжу - как мили он сглотнет –
Слизнет долину вмиг –
Потом - подкормится водой,
Потом - огромный шаг –

И обогнул он груду гор –
Лишь глянув свысока
На придорожный строй лачуг –
Вот втиснул он бока

В карьера ров
И в нем ползет –
И жалоб его станс
Столь душераздирающ –
С холма - как под откос –

Заржав - как чадо грома –
Слетел - звезды точней –
Могучий и покорный –
Стал в стойле у дверей

599

Есть боль столь абсолютна –
Свою же суть она
Поглотит - спрятав бездну –
Чтоб наша память шла
По ней через нее ли –
Так спящему идти
Надежно - но открой глаза –
И грянешься костьми.

608

Страшиться! Но кого - скажи? –
Кончины - что ж она?
Служанкой в отчем доме я
Не больше смущена.

Иль жизни? Много стала
Она в одном иль двух
Рожденьях данных Богом мне –
Чего ж страшиться вдруг?

Иль воскресения? Восток
Страшится ли зари
С ее сияющим челом –
Вот мой венец - смотри!

615

Продвинувшись вперед –
Приблизились мы тут
К развилке жизненной стези –
Что вечностью зовут –

Охвачен страхом шаг –
Ногам невнятен зов –
Небесный град предстал - но
Пред ним стеной - лес мертвецов –

Для нас отрезан путь
Возвратный - белый флаг
Пред нами - знамя вечности –
И Бог во всех вратах -

623

Хоть минул срок людской –
Не пробил Божий час –
Беспомощно творение –
Молитва лишь при нас –

Едва утратишь землю,
Как дивен небосвод.
И как гостеприимен Бог –
Старинный наш сосед.

647

Нерукотворный торный путь –
Доступный лишь для глаз –
Есть дрожки-бабочки на нем –
Пчела в возок впряглась -
Быть может - в город он ведет –
Я не скажу о том –
Я лишь вздохну - где ж экипаж –
Чтоб ехать тем путем -

650

У боли есть такой пробел –
Не вспомнить ей никак –
Начальный миг - и был ли миг
Без боли в тайниках -
Ей нет грядущего - но в ней
Вся бесконечность - коль
Все прошлое являет ей
Лишь будущую боль.

654

О, долгий сон - о, славный сон –
Он утру напоказ.
Не тянется и глаз не трет –
Он сам себе указ.

Была ль когда такая лень? –
На берегу средь трав
Столетья млеть, ни разу глаз
На полдень не подняв.

657

Живу я в вероятности –
Не в прозе - этот дом
Светлее - больше окон –
Дверей открытых в нем –

В него - как в гущу кедра –
Взглянуть извне нельзя –
И вместо скучной кровли –
Предвечны небеса –

В нем гости - нет прекрасней –
В нем есть заняться чем –
В размах широкий узких рук
Вдруг заключить Эдем -

668

«Мир» - то - что зримо нам –
Час пополудни - холм –
Белка - затмение солнца - шмель –
Нет - мир - это небосклон –
Мир - то - что внятно нам –
Птичьи трели - моря –
Грома раскат или сверчок –
Нет - мир - гармония -

Мир это - наш секрет –
Не объяснить какой –
Бессильна наша мудрость
Пред мира простотой.

683

Душа самой себе
Иль повелитель-друг -
Иль - как подосланный врагом
Лазутчик в стане мук –

Самой себе верна –
И не страшась измен –
Душа царит и для себя
Гневливый суверен -

686

Что ж «время лечит», брат?
Не лечит время, нет –
Как мышца крепнет боль
С теченьем долгих лет.
Нет - время - бед мерило –
Не снадобье - а вдруг
И прослывет за снадобье –
То вряд ли был недуг -

687

Из шляпы я пошлю перо!
И может статься - вид его
Смягчит - владыка - вас?
Так безделушка - детства след –
Вглядись - ее утешный свет
Затмит и сам алмаз!

692

Все ниже, ниже солнце - но
Нет отсвета зари –
Полдневный свет над городком –
Куда ни посмотри.

Все гуще, гуще сумрак, но
Где ж на траве роса -
Лишь лоб мой увлажнит, и вскользь
Мелькнет в чертах лица.

Все глуше, глуше шаг мой, - но
Нет сна в моих перстах –
И отчего же я на слух
Себе невнятна так.

Я знала прежде этот свет –
И днесь он мне знаком.
Я умираю - вот что - но
И не страшусь притом.

712

Навстречу смерти я не шла –
И смерти добрый дух
Сам предложил мне экипаж –
Бессмертье с ним - сам-друг.

Он ехал тихо - не спешил –
Меня отвлечь сумел
От всех утех - от всех забот
Любезный кавалер –

Мы миновали школьный двор –
Где школьники шалят –
С глазами-зернами поля
И средь полей - закат –

Иль нас он миновал? – Озноб
Затрепетал с росой –
Был паутинкой мой наряд –
Из поля - капор мой –

Помедлили у дома - дом –
Казалось - в землю врос –
С землею слился крыши холм –
Осыпался карниз –

Прошли века - но этот день
Был всех веков длинней,
В бессмертие - наверняка
Стремился бег коней -

726

Сперва мы жаждем - жаждет в нас
Природа - а потом
На смертном ложе - хоть глоток
Из чьих-то пальцев ждем -
Желанье изменилось в нас –
И утолит его
Лишь Запад величавых вод –
Бессмертие само -

729

Изменюсь? - с холмами лишь –
Усомнюсь? - когда С
олнце спросит подлинна ль
Его красота –

Лишь когда нарциссу
Приестся роса –
Доведется вами - сэр –
Мне пресытится -

739

Не раз мне мнилось - мир настал –
Хоть мир был так далек –
Так гибнущим мерещится
В средине моря - брег –

Чтоб с безнадежностью моей
Узнать они могли –
Как много мнимых берегов
До гавани вдали.

744

1.
Раскаянье в памяти просвет –
И пробужденье вдруг –
Когда дела былые –
В окне и при дверях.

2.
Былое сев перед душой
При свете спички ей
Являет подлинную явь
Невероятных дней.

3.
Такой недуг неизлечим
И Бог не исцелит –
Он сам его и учредил
Как ада адекват.

761

От бездны к бездне
Зыбок путь -
Шагам моим темно -
Встать? Сгинуть? Двинуться ль вперед? -
Не все ли мне равно –

Дойду ль конца –
Окажется -
Что нет конца за ним –
Иду - зажмурясь - ощупью –
Светлее быть слепым

764

Предчувствие - та тень - что пала на газон -
Значит - солнце оставляет небосклон –

И вздрогнув - чувствует трава –
Наступит тьма - гляди того -

770

Живу я ужасом –
для тех,
кто жил средь сей грозы
живительной – безжизненны
другие импульсы –

Пришпорив душу ужасом
Идешь ты сам собой –
(Без Гамлетовских призраков)
С отчаяньем на бой.

771

Того не ущемить –
Кто щедрости не знал.
Откуда б взялся голод,
коль не было зерна.
Нужда есть скудный дар –
где взяться ей одной –
Не будь богатством нищета,
не стала бы нуждой.

772

Сиянье боли - как
Сияние небес –
Лишь плоти мглой окупится –
Вершины не обресть
Тому - кто весь в трудах –
Посереди холма –
Тому ж - кто до вершин дошел –
Лишь все - всего цена -

808

Закат отдав тебе
День темен, и во тьме
Даль далека.

За ней я вижу как
Корабль в твой ткнется брег
Хоть изредка.

813

Сей мирный прах - он - из господ и дам, из девиц, парней
Из смеха, из ухватов ловких, вздохов,
Одежд, кудрей.
Покорный прах - чертог живого лета –
Где хоровод
Цветов и пчел венком восточным вьется
И вдруг замрет.

818

Невмочь мне, милый, пить,
Сперва попробуй ты -
Хоть жажды вдумчивость - по мне
Свежей самой воды.

825

Всяк срок - простор морской
Меж несколькими душами и мной –
И кроме них нет пристани иной -

827

Мне в новость среди дня
Лишь сообщение
Из недр бессмертия

Глаза не отвести –
Вчера - сегодня ли –
Мне лишь от вечности

Где - с кем - вдруг встречусь я
В пределах бытия –
Лишь с Богом – и

Расстанусь. Коль еще –
Вдруг - новость - зрелище –
Тебе лишь сообщу.

829

Шире ту постель
С трепетом стели –
В ней ждать Страшного Суда –
Праведного ли.

Растолкай тюфяк
И подушку взбей –
Да не тронет утром их
Желтый шум лучей.

836

Правда стара - как Бог –
Она Его двойник –
Взаимовечно до поры
Существованье их -

Она прейдет, когда
На гибель обречен,
Из мироздания-дворца
Сам будет изгнан Он.

838

Недостижимость - как вино –
Отведавших ее
Развеселит; возможность
Безвкусна - Но еще

Везенья привкус тонкий
Вслед пресного глотка
Возникнув очарует вдруг
Как рок - наверняка.

844

Собой весенний срок
Являет Бог.
В иное время года
Он одинок.
Но в марте и в апреле
Избегнуть кто бы смог
С Тобой сердечной встречи –
О, Бог.

850

Я пела в ожиданье –
Поправить шляпку и
Захлопнуть двери за собой –
Вот все дела мои

До приближенья лучших
Шагов - Мы выйдем в день
И вспомним - как мы пели –
Гоня ночную тень.

856

Отчетливое чувство
За гробом ощутим –
Свободу от грядущего –
Безмерности пучин –

В отважном свете смерти
Ясней нам - кто мы есть –
И назначенье вечности
Понятно наконец.

871

Спешите солнце и луна
И звездный хоровод
Зане в пределах райских кущ
Горит один Господь.

Его глаза суть запад и
Восток, суть север, юг –
Его сосредоточен лик –
Рой светлячков вокруг.

Сколь слеп, далек
Сколь вязок взор,
Что ловит отблеск дня –
Когда Господь зажег свечу
для одного тебя.

875

По досточкам я шла –
Рассчитывая шаг –
И звезды чуяла челом –
И океан - у ног.

Не ведала - что пядь
Последняя - вот-вот –
От этого и поступь та –
Что опытом зовут.

882

По разуменью тень проходит –
Так в облаках
Полдневное исчезнет солнце –
Я вспомню тех –

Кто слишком нем и неприметен –
О, Господи -
Зачем любимых дал, коль их же
Отымешь ты?

891

Мой острый слух поймет листву –
Куст - колокольный звон –
Мне негде спрятаться - как страж –
Весь мир со всех сторон -

В пещере ль спрятаться решусь –
заговорит стена –
Все сущее - как будто щель –
Чтоб я была видна -

893

Чей это скучный дом?
Куща ль? Могильный холм?
Звал его червь дворцом?
Или крылечком - гном?
Эльф ли - одной из своих катакомб?

894

Душе от страшной спутницы
От совести - куда
Сокрыться - разве спрятаться
За взоры Господа.
Но чем потайней, тем видней –
И что ему до всех,
Кто тщится линзою прожечь
От Господа побег.

917

Любовь - предтеча жизни –
Наследство смерти –
Творения начало –
Энергия земли.

919

Унять одно сердцебиенье –
И жизнь пройдет не зря
Иль чье-то облегчить страданье –
Боль утоля –

Спасти малиновку-малютку –
В гнездо обратно водворя –
И жизнь пройдет не зря.

923

Как над ним сомкнулись воды
Не узнать вовек –
Боль его - что к нам тянулась –
Не всплывет наверх –

Смело ткет покров из лилий
Пруд над мальчиком –
Чьи лишь курточка да шапка –
Весь рассказ о нем -

946

Достопочтенна эта мысль –
И в пору шляпу снять
Пред ней - как будто средь толпы
Вседневной - встречен князь -

Де - мир бессмертен наш –
Хоть рухнут пирамид
Века и царства улетят –
Как желтый сад летит.

949

Ниже, чем свет, все ниже,
Ниже, чем травы и прах,
Ниже землянки шмеля,
Ниже, чем корни трав,

Дальше руки захвата,
Руки гиганта хоть,
Дальше сиянья солнца –
Будь день длиною в год,

За светом, дальше света,
За птичьего лёта дугой,
За дымом печным кометы,
За локтя толчеей,

Дальше, чем мчит загадка
И чем отгадки лёт –
Кривая расстоянья
Меж нами и тем, кто мертв!

954

Закон о сохраненье
Химических веществ
Надломленную веру
Мою поддержит днесь -

Увидев каждый атом
В лицо - понять должна –
Как много совершенных душ
Покинуло меня!

967

Болью миг разъят –
И столетья вдруг
Втиснет разум - крохотный –
В свой мгновенный круг –

Болью стиснут так —
Так исполнен миг
Всею гаммой вечностей –
Словно нету их -

974

Души с ее бессмертьем
Связь явственней видна –
Когда грозит опасность
Иль грянула беда -

Так молния из мрака
Окрестность вырвет всю
Нежданно - своей вспышкой –
Своей внезапностью -

976

Смерть это спор меж духом
и прахом. Смерть речет –
«Рассыпься» - Дух в ответ - «О, нет –
У нас иной расчет» -

Смерть спорит в доводах земных –
Дух покидает плен –
Лишь сбросив в доказательство
Своей одежды тлен.

985

Все упустив - я сберегла
Лишь мелочи досель.
И коль не более - чем мир –
Сорвется вдруг с петель
Иль солнце станет угасать –
Не велика беда –
Я даже глаз не подниму
От своего труда.

986

Подружка - что скользит в траве
Стройнее всех подруг –
Ее встречали вы - поди –
И коль встречали - вдруг –

Как гребень сквозь траву пройдет
Пятнистая стрела –
И вдруг свилась у ваших ног –
Вдруг развилась - ушла –

Живет она в тени –
Где сыро для зерна –
Но в детстве босоногом –
И среди бела дня –

На солнце бич ременный
Увидишь - и не раз –
Подашься чуть его поднять –
Он свился и исчез -

С земными существами
Как дружбу не свести –
они во мне рождают
Восторг сердечности –

Но чуть завижу эту
Подружку на пути –
Дыханье перехватит –
И холодок в кости –

1005

И в узах я петь вольна.
В изгнанье - моя струна
Во мне туга –

И в гибели - надо всем
Я воспою Эдем –
Тебя.

1008

Безмолвствуют колокола –
Но вот набухли небом –
И скачет серебро их ног
В неистовстве напева!

1013

Смерть за тебя принять - пустяк,
И грек бы смог любой –
Куда труднее жить - но мне
По силам труд такой –

Смерть это лишь прошедший миг
А жизнь в себя вместит
Смертей так много - только в них
Покоя смерти нет.

1014

Изгнали б мы мороз –
Век было б лето - враз –
Тепло иль холод победит
Зависит лишь от нас.

1025

Дает мне моя ферма
достаточно зерна –
Могу отсыпать даже
Соседям в закрома.

У нас ведь жатва круглый год –
В преддверии зимы –
Вспять повернув светило –
Обманем почву мы.

1030

Кто умер - успокоит нас
В наш смертный час тайком –
А тот - кто жив - уверит нас
В бессмертии людском -

1045

Изо всех цветов природа
Желтый цвет с утра
Бережет для зорь вечерних –
На лазурь щедра –

Тратит алый цвет по-женски –
Желтый лишь едва –
Очень скаредно - как милый
Нежные слова.

1065

Открой ворота, смерть –
Пришли - устав - стада –
Замолкло блеянье - шаги
Затихли навсегда.

Твоя тишайша ночь -
Надежен твой загон -
Ты слишком близка - чтоб искать тебя -
Чутка - чтобы звать тебя.

1071

Постигнуть нечто - значит
Утратить нечто вслед.
Познанье впрочем возместит
Нам стоимость утрат.

Само же нечто суть ничто –
Красно познаньем лишь –
Познаньем - совершенство
Ты в чем-то укоришь.

1075

Низки - убоги облака.
Снежинка-пешеход
Между амбаров и борозд
Пройдет иль не пройдет?

И ветер сетует весь день –
Обидам нет конца –
Порой природу - вроде нас –
Застанешь без венца.

1078

Наутро в доме смерти –
Уборка, суета –
Важнейшая забота
Здесь на земле проста -

Из сердца вымести,
Упрятать прочь любовь.
До самой вечности она
Не пригодится вновь.

1079

Закат - никто не поднял взгляд –
И только мы с землей
Глядели - как величье дня
Уходит на покой –

Рассвет - никто не видел - нет –
Присутствовали мы
С землей - да птица некая
При коронации -

1081

Дар превосходства над судьбой
Так трудно обрести –
Не снизойдет с небес - трудом
Его добудешь ты –

И каждый раз его в обрез –
По крохам собирай –
Но душу бережливую
Он препроводит в рай.

1083

Мы узнаем, прощаясь,
Сколь был огромен тот,
Кто жил меж нас недавно –
Так - солнце западет,

И станет нам милее
Исчезновенья даль –
Чем в час его златого
Присутствие дотоль.

1092

Огромен слишком - не святой
Не снег - уж слишком мал –
Нет - то - что держится вдали
Как некий идеал -

1101

Легко от внешней отличить
Нам истинную жизнь –
Один напиток - на губах –
Другой налит в кувшин –
Кувшин горазд его хранить –
Но жажды в пылкий час
Куда приятней влагу пить –
Я пробовала раз.

1114

Ярчайший изо всех пожар
Случится вечерком-
Не изумляя никого –
Средь безучастья он
Сжигает втайне от людей
Закатный некий град,
Наутро град воздвигнут вновь –
Чтоб сжечь его опять.

1121

Время идет-
Благовещу я всем - кто страждет ныне –
Им жить да жить –
Не сгинет солнца свет –
Хотя они в него не верят ныне -

1129

Скажи всю правду - но скажи
Уклончиво - окрест –
Восторг незряч - еще не в мочь
Снести нежданный блеск –

Спокойно детям объясни
Далеких молний свет –
Степенно истиной слепи –
Иль всякий станет слеп -

1139

Высок ли строит свод
Иль гному саван шьет
Сам знает наперед.

Но если на века
Искусство паука
Физиогномика.

1144

Себя хороним мы в насмешке милой.
Кто праха на стезю хоть раз всходил,
Тому уже не в прок религия, где равен
Сомнения и верованья пыл.

1147

Через сотню лет –
Никто не отыщет след –
Здесь разыгравшаяся буря
Тише воды стоит –

Бравый пройдя бурьян –
Произносит чужак
Все - что осталось - правописанье –
От тех - кто под ним лежит –

Летние лишь ветра
Помнят путь в небытье –
Ключ - оброненный памятью –
Поднимает чутье -

1151

Душа, рискуй –
Пусть смерть, губя,

Придет - с ней лучше,
Чем без Тебя.

1155

Даль это вовсе не царство ли.
И птицы бы не смогли
Ее полетом утолить
Лишь ты один - вдали.

1162

Да, эта жизнь так велика –
Но та - что узришь ты –
Размером превзойдет ее
До бесконечности.
Но и малейшая из душ –
Так необъятна - что
Огромный космос рядом с ней
Уменьшится в ничто.

1168

Старо - как скорбь –
Так сколько лет? –
Да тысяч восемьсот
Иль - как восторг –
Так сколько лет? –
А тот же самый срок -

Они равно важны - но их
Одна не свяжет нить –
И их как мы не тщимся
Нам не дано избыть -

1172

Вся облачность сошлась плечом к плечу –
Ее толкает хлад –
И вспышка молнии - как мышь –
И до упаду чащи мчат

И гром - как сущего распад –
Лишь глубины могил –
Не достигает камнепад –
Природы грозный пыл -

1181

Мне надеяться страшно –
Моя смелость - надежда –
Я повсюду одна –
Словно церковь видна –
Призрак не страшит –
Змей не заворожит –
Ты низвергнул рок –
Коли превозмог -

1186

Уж слишком мало утр,
Срок ночи маловат.
И где найти приют
Для тех отрад
Что в мир придти не прочь,
Но не найдя жилья,
Уходят прочь.

1205

Далече слово «вечность», коль
Все временное - здесь –
Но вышел срок - и вечность вдруг
Нужна нам позарез.
А в том, что есть небесный рай –
Уверит нас с тобой –
Хоть и не крал у мертвых душ –
Наш бывший рай земной.

1212

Сказал - и все –
Мертво словцо –
О, нет! –
По мне оно
Лишь рождено
На свет.

1222

Загадку - отгадав –
Запрезираем враз –
Ничто так долго не претит –
Как давешний сюрприз -

1230

Любовь пришла - но смерть живой
Заполонила дом
Своею бледной мебелью –
Спокойствием стальным –

Когда б любовь была точна –
Как пунктуальный хлад –
Отрада - выше чем врата –
Загромоздила б вход.

1233

Не видела бы солнца –
Могла б снести и тень –
Но запустенье горше –
Когда сияет день -

1240

Коль нищим к славе на порог
Придешь - получишь грош –
Но хлеба благодатного
Ты так не обретешь.

1242

Бежать от памяти –
Имей крыла –
Мы б улетели прочь
И птица бы могла
Глядеть - дивясь –
На вялых крыл покрой
Людей - летящих
От памяти людской.

1263

Какой же бриг быстрее книг
Нас увлекает вдаль?
И за поэзией рысак
Угонится едва ль –
И нищему доступен сей
Беспошлинный полет –
Как скор и скромен экипаж –
Что душу вдаль несет -

1270

Неужто Бог - целитель?
Неужто лечит Бог? –
Но за пределом смерти
Какой в лекарствах прок?

Неужто казначеем
Взыскует Он долги –
Но я ведь не пускалась
В подобные торги?

1275

Паук - он - как художник –
Какие с ним дела –
Хотя его заслуги
Удостоверила

Метла любой служанки
В сей набожной стране –
Беспечный сын гармонии –
так дай же руку мне -

1289

Вечно юными в той
Низине обитать –
Где нет воспоминаний –
Нет «опять» -

Откупясь от лет –
Гниения - огня
Избегнув - как рассвет
Скрытый в пространстве дня –

1309

Мнят - бесконечность - самый
Нежданный гость из всех –
Но как же может он придти
Не уходив вовек?

1311

В нечистом сердце том –
Царю я там –
Причиной - сноп волос –
Веснушек храм -

Но в меру хороша
В глазах того - кто зрел
За тленом - лик души
Не блик колен.

1333

Безумье легкое весной
На пользу и царю порой.
Но Богу ближе шут –
Кто замышляет этот трюк
Отчайный - с зеленью вокруг –
Как будто свой дебют!

1369

Надежней звезд,
Что гаснут также быстро –
Как зажигались мной
С началом бытия –
Прочнее, чем рассвет,
Чье ветхое цветенье –
Конец земных тревог
И ликование.

1376

Грезы сделают нас
Крезами на час –
Чтобы после назад
Бросить из царских врат
Яви в глухой загон –
Видишь - все тот же он -

1378

Душа его черней - чем ночь без звезд –
У той есть утро хоть –
Но в этом средоточье тьмы
Какой уж тут восход.

1398

Иной мне жизни нет –
Лишь здесь пребуду –
И смерти нет, чтоб не
Уйти отсюда -

И нет иных земель,
Иных ли дел –
Твоих владений не
Пройдя предел.

1423

А лучший из известных мне
был вмиг построен дом -
Его построили при мне
Паук с цветком вдвоем -
Из пуха и из кружева брабантского дворец -

1431

Ах на крыльях презренья
душа летит в края –
Которых не достигнет
Орнитология –
она возносит прах –
Грозой высот дыша –
За те его пределы –
Где тело есть душа –
тем самым показав
как просто отрясти
Все путы плоти и достичь
бессмертья вечности.

1434

Жилища розы сторонись –
И так - то вторгнувшийся бриз –
Иль наводнение росы –
Гляди того - его снесут -

Не вздумай мотылька стеснить,
Засов восторга отворить –
Непрочностью облечена
Отрада - что и впрямь прочна.

1438

Сей горестей предлог
За благо чтит любой –
И как незнанье - прост предмет
По имени любовь –

Коль нет любви - беда –
Коль есть она - обида –
И разве что в раю любовь
Доподлинного вида –

1441

Дней этих жар вести под своды леса –
Где мох ползет прохладных вод окрест –
Где разве тень нарушит неподвижность –
Сдается в этом - всё - что в жизни есть -

1461

«Боже правый, отреши
Зло, что сделал от души
Сам и Сам же пропустил
Контрабандой в этот мир

Верить нам - нам мнится так
ВЕЖЛИВЕЕ - «мы есть прах»
Ты прости нам, коль найдешь
В нас двуличие свое ж.

1479

Будь дьявол склонен к верности
Он был бы лучший друг
Ввиду его способности
Не изменяться вдруг –
И вероломство доблестью
В нем чтили б - отрешись
От вероломства он - и впрямь
Святым прослыл бы бес.

1503

Одна ль могила предо мной –
Могила с вечностью родной
И вечности верна –
Я за нигде держусь еще –
Ничто обрушится иль все –
По мне беда одна -

1521

Вот мотылек - но невдомек
Ему как звать его –
И нет налова на полет,
Не надобно жилье –

На той же высоте - что мы –
И даже выше - вдаль
Порхнет - ни разу не вздохнув –
Лети за ним - печаль -

1539

Итак - ложись навеки спать –
И да хранит твой прах Господь –
А к пробуждению как раз
Пусть тебе душу Бог создаст -

1540

Неразличимо - как печаль –
Уходит лето прочь –
И - наконец - его уход –
Предательство точь-в-точь –
Сочится тишина
На долгом склоне дней –
Природе впору вечерком
Сумерничать одной –
До срока сумрак вхож –
Нездешний утра свет
Приличен - но мучителен –
Как гость - что вдруг уйдет -

Так без посредства крыл –
без киля - парусов –
Былое лето налегке
Спасается в красу.

1546

Пират сердечных бурь -
А не морской пират -
Так кто ж в твоем крушенье виноват?
Пряностей ли мятеж
Иль благовоний ложь? -
Откройся, брат.

1551

В былые дни
Сквозь смерть они
В десницу Божью шли –
Днесь отнята десница
И Бог исчез вдали -

От веры отказавшись –
В миг измельчает всяк –
Всё ж лучше ignis fatuus* -
Чем безысходный мрак -

* Блуждающий огонёк *(лат.)*

1563

Через скромный дар - помехи слов –
Лишь сердцем знаем мы
Ничто -
«Ничто» есть сила –
Что обновляет мир -

1568

Глядеть ее - картина –
Услышать ли - мотив –
Узнать - так и в излишествах
Огонь неприхотлив –
Не знать ее - несчастье –
Но если ты ей друг –
Тепло - как будто солнце вдруг –
Блеснет из твоих рук.

1571

Как медлит ветр
пространств морских –
как медлит оперенье их!

1577

Утро дается всем –
Некоторым - ночь –
И лишь немногим избранным –
Авроры луч.

1578

Отцветает цвет,
Пирог лишь день царит,
Но память, словно музыка,
Вечно-розова.

1587

Вкушал блаженные слова –
И дух его крепчал –
Забыл - что он оживший прах,
Что жалок он и мал –

Он ликовал в темнице дней
И взмах сих крыльев двух
Был взмах страниц - сколь высоко
Взмыл нестесненный дух -

1599

Хоть океаны спят извне
В их изначальной глубине
Не усомнимся мы -

Кто из мерцающих богов
Просветит нам меж берегов
Хоть отсвет этой тьмы.

1600

В седло вскочил и скачет птах
Чрез тысячу дерев –
Но вот забор без седока
Привлек его - присев
И горло запрокинув - взял
Он столь высокий тон –
Что космос - слышавший его –
доныне потрясен -

1601

У Бога просим только
Прощения, а в чем –
Лишь Он дерзает знать - вина
От нас сокрыта в Нем –
Замуровав свой век
В таинственной темнице –
Мы счастие казним за то –
Что с небом мнит сравниться.

1612

Аукцион разлуки –
До трех последний счет
Звучит и у распятья -

Вниз молоток влечет –
Пустыня продается здесь –
Отчаянья цена –
От одного до двух сердец
Колеблется она -

1619

Не зная, скоро ли рассвет,
Все двери распахну –
Одет, как птица, в перья он?
Или, как брег, в волну?

1627

До родословной меда
Пчеле нет дела - для
Нее лишь клевер испокон –
Аристократия -

1630

Как от земли воздушный шар
Прочь рвется - ведь его
Занятье - Вознесение
В парящее жилье.

Так дух глядит на целый век
Его теснивший прах
Разгневанно, как глянул бы
Лишенный песни птах.

1632

Верните в смерть меня –
Она лишь тем страшна –
Что в ней тебя лишусь навек –
Как в жизни лишена –
В могиле я дышу –
Ну что же - тесно здесь? –
Просторнее - чем будет ад –
Чем был весь свод небес -

1634

Молчи о летних деревах –
Листва умна подчас –
И всяка скиния для птиц,
Не для телесных нас.

Идут полдневные ветра
В эфирный свой приют.
Но их рожки кого ж из нас
В незримый край зовут?

1640

Всего лишив вполне, восторг оставьте мне,
И буду состоятельнее всех –
Но все ж к лицу ли мне богатой быть, зане
Ждет у моих дверей богаче богатей
В презреннейшей нужде -

1660

Слава трагична и ярка –
Господством тешит
Лишь мгновенье –
Имя пригрев –
Не знавшее лучей –
Тихо сменяется
Забвеньем -

1672

Всходит желтая звезда
До своих высот –
Из под яркой шляпки вдруг
Лик луны блеснет –
Вечер мягко освещен –
Светом звездных люстр.
Отче - точности Твоей
В небесах дивлюсь.

1695

Есть одиночество пространств –
Морей ли - смерти - но
Всем этим одиночествам
Сравниться не дано
С тем хладным отчуждением –
Полнее не ищи –
С конечной бесконечностью
Души внутри души.

1711

Лицо без милости в чертах,
В нем - тяжесть, ненависть, успех,
Лицо, с которым камень
Накоротке, как сам с собой,
Как будто встретились впервой
Старинными дружками.

1717

Когда бы жизни срок
Отраду жизни множил,
То люди б среди дней
Так радостью зашлись,
Что стерлись бы зубцы
Вращающейся мысли,
Чью тайную броню
Безумью не пронзить.

1719

Бог - Он и впрямь ревнивый Бог –
Наш род Ему невыносим.
Предпочитаем мы играть
Друг с другом - а не с Ним.

1726

Когда б все скорби - что я жду –
Ко мне сошлись бы днесь –
Увидев счастие мое –
Бежали бы - смеясь.

А все отрады - что я жду –
Когда сошлись бы днесь –
Они бы не затмили той –
Сияющей сейчас.

1732

Кончалась дважды жизнь моя –
Осталось посмотреть –
Как мне бессмертье разъяснит
По счету третью смерть

Ее не смерить, не постичь –
Как боль тех двух утрат.
Разлука - вот и весь наш рай,
Разлука - весь наш ад.

1735

Всем в тягость сей венец –
Лишь выше всех чело
Его разлук возжаждало
И язв его –

Коли Пилат живет
В аду своем –
Поднесь той коронацией
Он уязвлен.

1743

Могила - дом мой.
Для тебя «Веду хозяйство» там –
Тебе в гостиной прибранной
Чай мраморный подам.

Мы - двое разлученных –
Здесь скоротаем час,
Пока в незыблемый союз
Не свяжет вечность нас.

1755

Нужны лишь клевер и пчела,
Чтоб прерия цвела,
Лишь клевер и пчела,
И чтоб мечта была.
Мечты достаточно причем,
Коль мало пчел.

1760

Элизиум не дальше чем –
Перешагнуть порог
Соседней комнаты - где друг –
Отрада или рок -

Насколько же душа сильна –
Коль вынесет теперь
Звук приближающихся ног
И скрипнувшую дверь -

1763

Слава - пчела.
У ней есть песнь –
И жало есть –
Но также есть крыла.

1769

Закат придет длиннейшему
Из всех Господних дней –
Боль до черты своей дошла –
Пора обратно ей -

1772

Не дай Бог мне жаждать с Рейнвейном у губ,
Просить с состояньем в кармане -

1774

Рассеется счастливый миг –
Весь выгорит дотла –
У боли оперенья нет
Иль тяжелы крыла.

Константинос КАВАФИС

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

* * *

Два чернофигурных
воина. Безгласно
третьего влекут они
по лаконской вазе.
А под ними, будто
символ вечной ссоры
два чернофигурных
петуха бойцовых.

* * *

На декадрахме
древней, но явной –
вот фотография
юной Дианы.
Смертный, взгляни-ка
на плеск этих линий.
Вкруг ее лика –
танец дельфиний.

Константинос КАВАФИС

ОН КЛЯНЕТСЯ

Порою он клянется
начать совсем иную жизнь,
но вот нисходят ночи,
у каждой свой совет.
О, сколько компромиссов
у ночи обещающей.
Но вот нисходят ночи, наделяя силою
своей, и тело хочет, велит, и вновь к той же
отраде гиблой потерянно он тянется.

КОНЧИНА АНТОНИЯ

Когда ж услышал он причитания женщин,
что оплакивали его горе –
о, эти азиатские позы и жесты госпожи,
рабынь ее речь - варваризированный греческий –
в глубине души его вдруг гордыня
воспрянула, и кровь италийская возмутилась,
ему вдруг стало чуждо, враждебно даже
все, что допрежь слепо боготворил он –
буйные дни его в Александрии разгульной.
Рек он: «Довольно плача. Плачь днесь неуместен.
Превознести скорее подобает
его, ведь он был правителем великим –
сколько блага и добра он содеял.
И днесь, когда он пал, не покорясь –
римлянин римлянином побежденный».

* * *

Оттого сошел я
в теней этих царство,
где бумаги шорох –
время и пространство,
что порой чудесной
от родного хлада
тень моего детства
занесло в Элладу.

* * *

Посмотри сквозь Ахиллеса,
Агамемнона послушай
речи мертвые, и если
не затопчут тебя души,
ты спроси кого попало –
безызвестности не бойся –
там ли Элиот и Паунд,
нет ли там такого - Джойса?

ИХ ИСТОКИ

Наслаждений их недозволенных утолен
голод. Вот поднялись они с матраца
наспех одеваются, безмолвно спешат - о чем говорить?
Вот выходят порознь крадучись из дома; и пока
идут они как-то опасливо проулком, мнится
им: для окружающих должно быть слишком очевидно,
какое ложе только что они разделили.
Все ж для художника снова восполнилась жизнь. Завтра,
послезавтра, а то через годы возникнут сильные строки
стихов и здесь их истоки.

МАСТЕР ПО ВИННЫМ ЧАШАМ

На этом кубке, а он –
для дома Гераклитов
дом сей вкусом тончайшим
сколь изящны цветы,
вестимо, поместил я в центре царства –
он нежно обнажен,
мгновенье медлит приятно –
помочь мне воссоздать вид юноши,
любим, сей лик, каким он
но в том была помеха
пятнадцать лет прошло ведь
когда средь воинов в битве той
серебряного чекана –
сделана эта чаша –
отличался всегда –
ручьи, ростки тимьяна,
красавца -
голень в воде ручья на
память умолял я
что был мной
являлся мне, бывало –
для моего труда:
с дня того рокового,
при Магнезии пал он.

ЧТО Ж ТОТ ЧУДАК

Что ж тот чудак,
что в смертный час Помпеи
ловил руками падавшие камни
и перебрасывал с ладони на ладонь,
как мы подчас картофель испеченный? -
мир пеплу своенравному его:
из горожан, проснувшихся в то утро
никто его искусства не приметил -
они ведь даже гибели своей
в тот ясный день путем не разглядели.

ЖЕЛАНИЯ

Так дивные тела умерших, не состарившись -
роскошным мавзолеям в слезах мы отдаем
(жасмин у них в изножии и розы над головой) –
подобны желаниям нашим, нас навек оставившим,
не сбывшись, не одарив ни одной –
ночью наслаждения, ни ее наступающим днем.

ФЕРМОПИЛЫ

Честь и хвала всем тем, кто в этой жизни
обрел и защищает Фермопилы.
Кто никогда не поступался долгом,
кто справедлив равно во всех деяньях,
но справедливостью печальной, милосердной;
кто щедр в своем богатстве и тогда,
когда он беден - щедростью врожденной,
готовностью всегда помочь посильно,
кто только правду говорит, и все ж
сам не унижен ненавистью к лгущим.

Честь еще большая им подобает, если
они предвидят (а ведь многие предвидят),
что под конец возникнет Эфиальтис
и что мидийцы обойдут их все же.

* * *

Упадок, где твой Рим
в тряпье племен приблудших
и для времен не лучших
грядущий пилигрим?

Упадок, где твой Рим? –
твой новый бог из воска
и средиземноморский
его ультрамарин?

Упадок, где твой Бог,
твой Сын рыжеволосый,
казнящие колеса
катящий за собой?

...Куда же мы пойдем
и как себя поделим?
Сколь глубоко паденье,
таящее подъем?

СТАРИК

Среди таверны, суеты ее и крика,
склонившись над столом, сидит старик - он –
один - газета перед ним и больше - никого.

Унижен жалкой старостью, он думает, как мало
он радовался в те года, когда не миновала
пора красы и сил, и разума его.

Он чувствует, что постарел, об этом помнит поминутно.
Но все же юности пора - она как будто
была вчера. Ничтожный срок, ничтожный срок.

Все осмотрительность - она всю жизнь его водила за нос, -
а он ей верил, как безумец, этой лгунье, что смеялась:
«До завтра подождешь. Еще вся жизнь осталась впрок».

И сколько он порывов обуздал в себе отказом
от радости возможной, и его безмозглый разум
все упущенья днесь высмеивают в нем.

Но от печальных дум вдруг головокруженье
он ощутил. И вот среди кофейни,
на стол облокотясь, забылся сном.

АВЕССАЛОМ

«И бысть спасение в той день
в рыдание всем людям»
II Царств, 19, 2

...И камнями, буреломом
яму ту с Авессаломом
 забросали: поделом
ты погиб, Авессалом!

...И пустыня угасает
безутешная на вид –
обветшалыми глазами
плачет царь Давид:

Авессалом! Авессалом!
Все домочадцы за столом,
где столько снеди, столько вин –
и только твой отец один.

Пропала царская овца! –
где сын, продолживший отца? –
побега лучшего надлом –
Авессалом! Авессалом!

Мой сын, теперь ты знаешь сам,
что Бог не внемлет мертвецам –
и это главный мой псалом:
Авессалом! Авессалом!

Огня не скроет гарь и дым.
И проклят Иерусалим.
И опустел Давидов дом:
Авессалом! Авессалом!

МОЛИТВА

Глубь моря поглотила матроса волнами.
Не ведая о том, матерь его во храме

высокую свечу ставит Богородице -
пусть скорей вернется сын и пусть распогодится —

все-то она прислушивается к ветрам.
Ее молитв и просьб усердным словесам

серьезно и скорбно внемлет древняя икона,
зная, что не вернуться сыну в родное лоно.

CHE FECE... IL GRAN RIFIUTO*

Для иных есть час, когда надобно без фальши
сказать во всем величье Да иль Нет, во всем величье
сказать. И тот немедленно становится отличным,
кто Да имел наготове, сказав его, он дальше

идет в чести - попробуйте такого разуверьте.
Сказавший Нет стоит на том. Когда б спросили снова
он снова Нет сказал бы... но, как камень, это слово
гнетет его. Хоть вновь он прав. И так до самой смерти.

* *Букв.:* «Кто сказал... великое нет» *(итал.).*

* * *

Музыка, ты родилась не подобно Киприде из пены
постепенных морей - не из безмолвия волн –
нет, как Зевесова дочь, из его волосатого уха
грозно возникла в душе во всеоружии вдруг.

* * *

Пены мхом поросли смехотворно старинные волны.
Мокрой Киприды из них идол выходит на брег:
властен классический стан, грудь горда,
в ренессансе осанки
рук барокко, ушных раковин, скорбных бровей...
Боги, ликуйте горц: родилась богиня порока!
Чаши нетленных колен всласть подносите к устам.

ТРОЯ

Вот усилия наши, усилия обреченных.
Мы в усилиях наших подобны защитникам Трои.
Порой удача улыбнется, чуть удача
нам улыбнется, сразу к нам нисходят
и дерзость, и великие надежды.

Но вечно что-то останавливает нас.
Ахилл во рву является пред нами
и громовыми криками на нас наводит ужас.

Мы в усилиях наших подобны защитникам Трои.
Надеемся, что решимостью и отвагой
мы рока злые козни отвратим
и за стеной продолжим нашу битву.

Когда же срок великий наступает,
решимость и отвага оставляют нас;
волнуется душа в нас, ослабев;
мы вкруг троянских стен бежим, спасаясь,
и бегство - все, что остается нам.

Все же паденье для нас неизбежно. На стенах
уже начинается плач погребальный.
То плачет печаль, плачут наши воспоминанья;
и громко рыдают о нас Приам и Гекуба.

В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ

Чего мы ждем здесь, отчего форум так переполнен?

Ибо варвары к нам днесь пожалуют.

Отчего же сенат наш сегодня бездействует?
Сенаторы почто сидят, не издают законов?

Поскольку варвары к нам днесь пожалуют.
Зачем законы станет принимать сенат?
Вот варвары придут - ужо создадут законы.

Почто же император наш нынче чуть свет поднялся,
почто сидит у городских ворот, у самых главных,
на троне в парадном облачении он и при короне?

Поскольку варвары к нам днесь пожалуют,
и император должен будет принимать
вождя их. Для вручения готов уже
у императора роскошный свиток. В нем
привел он все титулы, все обращения.

Почто два наших консула и претора явились
нынче в пурпурных тогах, украшенных каймою?
Почто на них браслеты эти в стольких аметистах,
почто на кольцах их блестят роскошные смарагды?
Почто им вдруг понадобились дорогие жезлы,
те, что из злата, серебра сделаны столь блестяще?

Поскольку варвары к нам днесь пожалуют,
слепящий блеск таких вещей их прельщает.

Почто ораторы славные не встают, как обычно,
чтоб речи огласить свои, как то им подобает?

Поскольку варвары к нам днесь пожалуют,
а им претит риторика сих речей публичных.

Почто внезапно началось всеобщее беспокойство,
смущение (серьезными такими стали вдруг лица).
Почто пустеют площади и улицы внезапно
и все по домам расходятся, задумавшись глубоко?

Поскольку пала ночь, а варваров не видно.
От рубежей прибыв, люди некие
поведали, что варваров как не бывало.

Что станется без варваров с нами теперь?
Приход сих дикарей все ж неким был исходом.

МОНОТОННОСТЬ

Дни монотонно идут за днями,
такими же монотонными. Всегда одно и то же
произошло иль вновь случится с нами -
все тот же миг ты жил и тот же миг ты прожил.

Месяц прошел и новый месяц залучил он.
Чтоб знать, что ждет нас, не надо быть провидцем:
все те же вчерашняя скука и кручина.
И завтрашний день уже завтрашним днем не мнится.

ГОРОД

Рек ты: «Иные края найду за иными морями,
город иной разыщу - лучше этого города он.
Всякий порыв мой, однако, заранье судьбой обречен.
Как не восставший мертвец - мое сердце.
Долго ль рассудок изжить в распаде сего соседства?
Куда ни глянь, куда ни кинь, куда ни поверни –
всюду развалины жизни моей черны.
Сколько лет жизни сгубил я, разрушил заранее.

Моря иного не сыщешь и край иной не увидишь.
Твой город всюду тебя настигнет. В тех же и впредь
улочках будешь плутать, в тех же предместьях стареть,
в тех же домах постигнут тебя седины.
Ты этим городом кончишь. Надежды ни единой.
И нет тебе пути, ни судна вдалеке.
Изжив, разрушив жизнь, здесь в своем уголке
ее и всюду на земле сгубил, разрушил ты.

ОКНА

В этих комнатах темных, где мне суждено
тяжкие дни влачить, я ищу хоть одно
окно, во мраке кружа. Если б мог отворить я
одно из окон хотя б, я в миг бы нашел утешенье.
Но не находятся окна, иль мне не дано
их отыскать. Но, может быть лучше, что темно.
Возможно, искомый свет обернется новым мученьем.
Кто знает, какие еще сделает он открытья.

СВЕРШИВШЕЕСЯ

Страхом охвачены и подозреньем,
ум возбужден и тревога сквозит во взоре,
строим столь отчаянно спасительные планы мы
во избежанье неминуемой
опасности, что нам разительно грозит.
Однако ошиблись мы - не то нас ожидало,
лживыми были все известия
(иль не расслышали мы, иль не поняли толком?).
Бедствие, да не то - его как раз не ждали мы –
неистово, внезапно обрушилось на нас
врасплох - знать, припозднились мы -
и всех нас сокрушило.

ИОНИЧЕСКОЕ

Зачем разбили мы кумиры их,
зачем изгнали их из древних храмов? –
изгнание для них не стало смертью.
О, ионийская земля, они тебя как прежде любят,
и память о тебе хранят их души.
Когда восходит над тобой высокий августовский день,
пропитан воздух твой их жизненною силой,
порою образ молодой, бесплотный,
неясный образ поступью крылатой
легко проходит по твоим холмам.

СЛАВА ПТОЛЕМЕЕВ

Я - Лагидис, царь. В совершенстве владеющий
(благодаря моей силе и моему богатству)
искусством наслажденья
Македонец ли, варвар ли - нет никого,
кто б сравнился со мной или хотя бы
приблизился ко мне. Смешон
этот Селевкид с его наемными (покупными)
негами (похотью)
Однако, если вы интересуетесь чем-то иным,
имейте в виду также и это:
этот город - наставник (научит вас всему),
вершина эллинизма (всегреческая вершина)
в любом знании, в любом искусстве гениально искушенный.

СТРАХИ

Сказал Митриас (один школяр сирийский
в Александрии, в царствование
Констанция августа и августа Константина,
отчасти сириец, христианин отчасти):
«Столь укрепленный и самой мыслью и ее знаньем,
не устрашусь я, подобно трусу, своих страстей.
Я предам тело свое усладам,
наслаждениям самым вожделенным,
самым отважным эротическим желаньям,
самым сладострастным порывам крови - безо всякой
боязни, ибо я знаю, стоит захотеть мне –
а захотеть-то я захочу - что укрепленный,
подобно мне, и самой мыслью и ее знаньем,
в урочный час вновь обрету в себе я
свой аскетичный изначальный дух.

ИТАКА

Когда ты отправляешься в Итаку,
моли, чтоб долгой была дорога,
исполнена приключений, полна открытий.
Ни лестригонов и ни циклопов,
и ни гневного Посейдона - не страшись ты:
о нет, ты их на пути своем не встретишь,
пока возвышена мысль твоя, пока твои
душа и тело ощущениям сопричастны редчайшим.
Ни лестригонов и ни циклопов,
ни дикого Посейдона ты на пути не встретишь,
коль ты не заключал в своей душе их,
коли душа не воздвигнет их преградой.

Моли, чтобы долгой была дорога.
Да встретишь множество в пути рассветов летних,
с какой отрадой, с наслаждением каким
войдешь ты в первый раз в невиданные бухты,
чтобы помедлить возле лавок финикийцев
и выбрать из товаров что получше –
кораллов, перламутра, янтаря, слоновой кости,
благовоний сладостных всех мыслимых сортов,
сих благовоний сладостных ты в изобилье накупи;
во многих городах Египта побывав,
учись, учись себе у тамошних ученых.

Всегда имей в виду свою Итаку.
Прибытие туда - твое предназначенье.
Однако, не спеши окончить путь свой –
пусть долгие года на благо он продлится,
пусть к острову пристанешь стариком,

столь обогащенным пройденной дорогой,
ты же не искал богатства в обретении Итаки.

Итака дала тебе странствий отраду,
не будь ее, куда б ты в путь пустился.

Коль ты найдешь Итаку скудной - в том обмана нет.
Столь умудренным и многоопытным ставши,
ты уже сам постигнешь, что Итаки эти значат.

СРОК СМЕРТИ НЕРОНА

Не потревожен был Нерон, когда услышал
оракула дельфийского слова:
«Семьдесят третьей годины остерегайся».
Есть еще время на развлеченья.
Ему всего лишь тридцать. Довольно щедро
Сам Бог ему отмерил сроку для того, чтоб
предотвратить угрозу напастей грядущих.

Вот возвращается в Рим он, утомленный немного,
но восхитительно утомленье от путешествий таких -
из удовольствий вечных состоят они -
театры ли, сады ли, стадионы ли...
вечера эти во градах ахейских,
ах, но превыше всего телом нагим наслажденье...

Вот что до Нерона. В Испании ж некий Гальба
собирает тайно и муштрует свои войска,
сей старец - ему как раз семьдесят три года.

В ЦЕРКВИ

Люблю я церковь и ее имперские знамена,
ее паникадила, огни ее, иконы,
серебряную утварь, вершину амвона.

Когда вхожу я в храма греческого врата,
в церковь, где ароматны ладана куренья,
где благозвучно литургическое пенье,
где столь величаво служителей явленье –
торжественный ритм в каждом жесте их есть неспроста
и блеск облачений их очи слепит, тогда
я думаю с гордостью: сколь прославлена раса наша.
Византизма нашего древняя лепота.

ЦЕЗАРИОН

Отчасти для того, чтоб суть эпохи уяснить,
отчасти для досужего время препровожденья
вчерашней ночью я открыл одну из книг
бытописанья Птолемеев - что за чтенье –
хвалой и лестью в изобилье
все удостоились равно. Всяк знаменит,
славен, могуч и благостен на вид;
в своих деяньях всяк наимудрейший.
А что касается до женщин их династии - они –
все Береники, Клеопатры, какую ни сравни.
И вот, когда эпоха предо мною прояснилась,
я был готов оставить книгу, не останови
меня заметка небольшая о царе Цезарионе –
она вдруг привлекла мое вниманье...

И вот вошел ты во всем неизъяснимом
очаровании. В истории немного
осталось по тебе невнятных строк,
но тем свободней я создал тебя в своем воображенье,
сотворил прекрасным, чувствующим глубоко;
мое искусство наделило лик твой
влекущей, совершенною красой.
Я так вполне вообразил тебя
вчерашней ночью, что когда задул я
лампаду - я нарочно ей дал тогда погаснуть -
вообразил я дерзко, как ты входишь в мою келью,
и вот мне мнится, что стоишь ты предо мною, как стоял ты
перед Александрией, в прах поверженной,
бледный и изнемогший, но совершенный и в отчаянье,
все еще надеясь, авось пощадят
подлые, те, что нашептывали: «Цезарей слишком много».

С ДЕВЯТИ

Заполночь на дворе. Быстро минуло время,
да, с девяти, как засветил я лампу,
сел вот на этом месте, и сижу, не читая,
ни слова не говоря. Не очень разговоришься,
когда ты один в одиноком дому.
Былого тела моего виденье
да, с девяти, как засветил я лампу,
явилось мне, нашло меня, напомнив мне
благоуханье замкнутых покоев
и наслаждения любви, какой бесстрашной любви!
Явило взору моему оно
улицы, которые теперь неузнаваемы,
места наших сборищ смолкшие, опустевшие,
театры и кофейни, которых больше нет.

Былого тела моего виденье
явилось и печали привело;
семейный траур, горечь разлучения,
страдания родных, страдания
умерших близких, столь неоцененных.
Заполночь на дворе. Как часы пролетели.
Заполночь на дворе. Как пролетели года.

ДАРИЙ

Нынче поэт Ферназис о важнейшей части
своей эпической поэмы мыслит,
о том, как царства персов мощный трон
достался Дарию, сыну Гестапса. (А от него
ведет свой род наш достославный государь,
наш Митридат Дионисий Эвпатор). Здесь нужно
мотивы обдумать серьезно, разобрать подробно
ощущения те, что Дарием владели:
то ли гордыня и опьянение, или нет, скорее
то был, возможно, род осознания тщеты величья.
И вот задумался всерьез над этим поэт.

Но прервал его мысли слуга, ворвавшийся внезапно
к нему и сообщивший наиважнейшее известье.
Нынче началась война с державой римлян.
Границу перешла почти вся наша армия.

Ошеломлен поэт. Случилась же беда!
Где теперь наш достославный государь,
наш Митридат Дионисий Эвпатор
время найдет читать греческие стихи.
Греческие стихи во время такой войны, представь себе.

Обеспокоен Ферназис. Неудача!
Он ведь был уверен, что своей поэмой «Дарий»
он отличится и кретинов этих,
этих завистников замолчать навек заставит.

Отсрочены вновь, отсрочены вновь все планы его.
Когда б одна лишь отсрочка эта - не беда.
Можем ли мы на безопасность рассчитывать
в Амизе здесь. Не так уж этот город надежно укреплен.
А средь врагов кто римлян сих ужаснее?
Достойны ль как противники для них
каппадокийцы? Кто его знает!
Сможем ли мы устоять против их легионов?
Боги великие, Азии защитники, спасите нас!

И все же этому переполоху вопреки
все та же творческая мысль в нем упорна -
нет-нет да явится –
да, вероятней всего, воистину – гордыня и опьянение,
гордыня и опьянение владели бы Дарием.

БЛАГОСКЛОННОСТЬ АЛЕКСАНДРА ВАЛЕСА

Из колеи не выбит я тем, что сломалась ось
у колесницы, и далась мне этих состязаний слава.
Среди тончайших вин, среди прекрасных роз
ночь проведу я. Антиохия досталась мне по праву.
Кто среди юношей со мной сравнится тут?
Валес меня обожает, я - слабость его - в этом суть.
Завтра, увидишь, заезд этот и вовсе не зачтут.
(Но будь невеждой я, тайком отдай приказ
ничтожным лицам,
льстецы б отдали первый приз моей безногой колеснице).

В ИСКУССТВО ПЕРЕНЕС Я

Вот сижу я и грежу,
в Искусство перенес я –
лица или строки;
смутные воспоминанья.
Ему ведомы формы,
Почти неощутимо
сочетания впечатлений,
Все желанья и чувства
где одни полунамеки –
о любовных связях
Все искусству предам,
всяк Образ Красоты,
в нем жизни завершенье,
дней былых сочетанья.

ИОАНН КАНТАКУЗИН ОДЕРЖИВАЕТ ВЕРХ

Поля он видит, которыми он распоряжается еще,
с пшеницей, со скотом (с животными), с плодоносящими
деревьями. И вдали дом свой отчий (родительский),
полный одеждой и мебелью дорогой и серебром.
У него все это отнимут, - Иисус Христос! - у него все это
отнимут теперь.
Разве сжалится над ним Кантакузин,
если он пойдет и падет к его ногам? Говорят, он терпим,
весьма терпим. Но те, кто вокруг него? Но армия?
Или госпоже Ирине пасть в ноги и умолять ее?

Глупец! - и надо было ему связаться с партией Анны –
если бы только на ней не женился
господин Андроник никогда. Видели ли мы успех
от ее действий, видели ли человечность?
Даже франки и те не уважают ее больше.
Смехотворны планы ее, нелепы приготовления ее.
В то время, как они угрожали всем из Константинополя,
их уничтожил Кантакузин, их уничтожил господин Иоанн.

И подумать только - у него же был план выступить на Иоан стороне! Если бы он это сделал, он был бы сейчас счастливым важным господином по-прежнему, в положении безопасном если бы епископ не убедил его в последний момент, благодаря своему духовному сану, внушающему почтение, благодаря от начала и до конца неверным сведениям, благодаря своим обещаниям и своей глупости.

АНА ДААСИНА

Золотую буллу издал Алексей Комнин,
в ней достойно почтил свою мать почтительный сын –
госпожу Анну Даласину, славившуюся умом –
ей равной в делах, в нраве не было дотоле.
Оставляя в стороне разнообразную хвалу,
мы из всего сказанного фразу одну,
прекрасную и возвышенную, здесь приведем:
«Она ни разу не рекла сих хладных слов «твое», «мое» ли».

НА ИТАЛИЙСКОМ БЕРЕГУ

Ким, сын Менедора,
дни свои проводит
столь привычных для тех,
возрос среди утех,

Нынче ж нет и следа
в нем - уныл, задумчив
угрюм, как никогда,
трофеи, что суда

юноша италийский,
в праздных развлечениях,
кто в Греции Великой
среди роскоши праздной.

природной веселости
пришел он один сюда,
глядеть, как разгружают
везли с Пелопонеса.

Греческое добро:
Нынче веселиться
нарушит ли запрет
о развлечениях
коринфские трофеи.
нельзя и охоты нет –
юноша италийский,
помысливши без стыд

В БОЛЬШОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИИ В ДВУХСОТОМ ГОДУ ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Чтобы убедиться, что дела в колонии идут не так, как надо,
достаточно одного взгляда,
но все же мы почти что движемся вперед,
и срок настал, как полагает чуть ли не народ,
вождя и реформатора призвать нам.

Однако трудности и всякие препоны
могут возникнуть, оттого, что склонны
делать из мухи слона в одночасье
все эти реформаторы. (Было б счастьем
в них вовсе не нуждаться.) Вечно нужно знать им
всю подноготную, во всякую мелочь вникнуть,
чтобы идеи преобразований в мозгу их сразу возникли,
идеи преобразований - немедленных, срочных.

У них несомненно есть склонность к жертвам.
Откажитесь, скажем, от этого владенья,
ибо влияние ваше здесь непрочно.
Такого рода победы чреваты пораженьем.
Ни к чему, скажем, вам этот вот доход, ну
и этот, кстати, да и тот -
нужно им тоже пожертвовать, коль на то пойдет;
он, правда, самый важный, но таково положенье -
излишняя ответственность обращает прибыль в лишенье.

И чем дальше идут они в своих расчетах точных,
тем больше находят излишнего, и устраняют тотчас
установления, которые не так легко устранить.

И вот, наконец, довершив свои старанья –
все уточнив дотошно, искоренив, они
удаляются, получив достойное воздаянье,
а мы довольствуемся тем, что может остаться
после столь тяжелых хирургических операций.

Возможно, час их долго не придет.
К чему спешить. Насилие опасно.
Поспешные меры ведут к сожалениям вечным.
Конечно многое в колонии неладно - это ясно.
Но несовершенство присуще делам человечьим.
И все ж... и все ж мы движемся вперед.

ТАМ ЖЕ

Домов окружение, кофейни, предместья –
годами их видел, ходил средь них годами.

Я создал вас в часы своих отрад, в часы печалей –
сколько обстоятельств, деталей сколько создано.

Во мне преобразились вы в отчетливое чувство.

ТИМОЛ-СИРАКУЗЕЦ

Велик Тимол - первейший музыкант
в первейшем граде сицилийском.
И греки нашей Западной Эллады –
кто из Неаполя, кто из Марселя,
Таранто, Акраганта и Панормы,
из стольких градов Западных Пределов,
что эллинизма связаны венцом,
во множестве стремятся в Сиракузы,
чтоб музыканту знаменитому внимать.
Столь умудренный в лире и в кифаре
познал он и свирели тонкий звук,
а также нежность нежной флейты. Он может
извлечь из арфы мелодии рыданий.
И когда в руки магадис свой
возьмет он, в струнах моментально
азийского зноя откроется тайна –
и сладострастия и грез отрадных,
всех ароматов Экбатана и Нина.

Но среди славы, среди множества похвал,
средь множества подарков драгоценных
печалится достойнейший Тимол.
И вина Самоса ему не в радость –
пиры молчаньем оскорбляет он.
Незримая печаль его терзает,
печаль необратимого бессилья.
Пустуют, ему мнится, инструменты,
тогда как музыкой исполнена душа.
Освободить эти таинственные звуки
вотще стремится он, хоть боль его свежа;

совершеннейшие из его гармоний –
они немотствуют и зря таятся в нем.
Пусть, восторгаясь, толпы возносят
то, что он презирает и порицал не раз.
Ему звучит похвал широкошумный глас,
но самых драгоценнейших даров
печальный музыкант не замечает.

ЭДИП

Ужасный Сфинкс набросился внезапно,
оскалив зубы, выпустивши когти,
собрав в бросок всю жизненную силу.
И наземь пал Эдип, не сдержав напора,
испуган появленьем слишком скорым.
Подобное обличье, речь такую
едва ли мог вообразить он себе доселе.
Но хоть и упирались страшные лапы
чудовища столь тяжко в грудь Эдипа,
он скоро собрался с силами и нисколько
теперь не страшился чудища, ибо знал он
отгадку издавна и ждал победы.
И все же торжество ему не в радость.
А взор его исполнен мыслью скорбною,
не обращен на Сфинкса, смотрит дальше
Эдип - на дорогу, ведущую в Фивы,
ту, что найдет завершенье свое в Колоне.
Предчувствие говорит душе его ясно,
что Сфинкс к нему там вновь с речами обратится,
с куда труднейшими в своем значенье
загадками, на которые нет ответа.

ОДА И ЭЛЕГИЯ УЛИЦ

Звучат шаги, уже спешит прохожий первый;
торговец первый жизнерадостно кричит;
и первый звук при открыванье первых окон,
и первой двери - эту оду вам
даруют улицы ночные по утрам.

Шаги последнего прохожего проходят;
в последний раз торговец прокричал;
закрылись дверь последняя и окна
последние - и смолкший улиц гам
элегией звучит по вечерам.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ТАЦИТА

Недуг владеет августейшим Тацитом.
Под старость не осталось больше сил,
с которыми он трудности войн переносил.
И должен в лагере проклятом оставаться он.
Тиана, далека ты от родных пенат.
Он вспоминает о своей Компании -
сады и виллу и наутро в сад
прогулку - жизнь свою шесть месяцев назад.
И проклинает он в огне агонии
Сенат злокозненный, бессмысленный сенат.

ГРАЖДАНЕ ТАРАНТО В ЛИКОВАНИИ

Полны театры. Всюду музыкальный гам.
Распутство, пьянство здесь и состязанье там –
софисты, как гимнасты, ищут почестей речам.
Вечною лозою Диониса изваяние
убрано. Ни пяди нет земли, чтоб возлияния
не кропили. Граждане Таранто в ликовании.

И только города отцы веселия бегут,
разгневан, хмур в речах своих синклит.
Всплеск каждой тоги варварской то там, то тут,
как будто туча скорой бурею грозит.

КОРОЛЬ КЛАВДИЙ

В далекие края мысль моя стремится.
Ступаю я вдоль улиц Эльсинора,
по площадям брожу и вспоминаю
печальнейшую из историй
о злополучном короле, том самом,
которого убил его племянник
из-за каких-то диких подозрений.
Все бедняки под кровлею укромной
тайком (остерегаясь Фортинбраса)
оплакали его. Спокойным, кротким
был он и к тому ж миролюбивым
(вдоволь перенесла страна его во время
войн при его предшественнике бравом),
был в обращенье он равно любезен
с великим или малым. Произвола
чурался он, всегда искал совета

в решеньях дел и судеб государства
у тех, кто многоопытней, мудрее.

За что его убил его племянник
не объяснилось и поднесь на деле.
Принц короля подозревал в убийстве,
на том основывая подозренья,
что как-то ночью, прогуливаясь по верхней
площадке одного из бастионов,
он возомнил, что видит некий призрак,
и с этим призраком вступив в беседу,
узнал от призрака о неких обвиненьях,
на короля последним возводимых.

То было лишь воображенья вспышкой
наверняка или обманом зренья.
(Известно нам, что принц был крайне нервным;
и в Виттенберге, где он обучался,
маньяком он прослыл среди студентов).

Так вскоре после встречи той явился
принц к матери, чтоб переговорить с ней
семейных дел касательно. Внезапно
во время разговора он смешался
и начал дико кричать, вопить о том, что
ему опять-де явлен тот же призрак.
Но мать так ничего и не узрела.

В тот же самый день убил он старца
знатного и без видимой причины.
И так как принцу предстояло днями
отправиться в английские пределы,
король и постарался наспех, наспех
его отправить, для его ж спасенья.

Но все ж народ настолько возмутился
чудовищностью этого убийства,
что вспыхнул бунт - восставшие пытались
взять приступом дворцовые ворота,
и вел их сын убитого вельможи
Лаэрт достойный (юноша бесспорно
отважнейший, к тому ж честолюбивый;
и в этой свалке «Короля Лаэрта
на трон!», - его приверженцы кричали).

Потом, когда покой настал в державе,
и сам король успокоился в могиле,
племянником своим убитый, принцем
(до Англии последний не добрался;
дорогою туда бежал он с судна),
некий Горацио вдруг объявился
с рассказами, в которых он пытался
найти деяньям принца оправданье.
Он заявил, что в Англию поездка
была злоумышленьем, был де послан
туда приказ об умерщвленье принца
(и все же нет тому подлинных доказательств).
Также сказал об отраве в напитке
и короля обвинил в отравленье.
Правда, и Лаэрт проговорил о том же.
Но если лгал он? Если обманулся?
Как говорил он? Раненый смертельно,
чуть очнувшись, не утвердившись в мыслях,
так что речи его казались бредом.
Что до отравленного оружья,
то позже оказалось - к отравленью
король был вовсе непричастен, поскольку

оно отравлено самим Лаэртом.
Тут-то сей Горацио - велика нужда –
вдруг призрака в свидетели выводит:
де призрак говорил о том и этом,
де призрак сделал то и это сделал.

И потому, речам его внимая,
все ж большинство датчан в глубинах сердца
жалело милосердного владыку,
который из-за призраков и сказок
убит несправедливо, зря низвергнут.

Однако Фортинбрас, не быв в убытке –
и трон и власть легко ему достались –
выслушав все внимательно, признал он
важность и значение слов Горацио.

«О ПРОЧЕМ ПОВЕДАЮ Я ТЕМ, КТО В АИДЕ»

«И впрямь, - промолвил проконсул, закрыв при этом книгу, -
строка эта весьма прекрасна и весьма строга;
она звучит у Софокла очень философично.
Сколько мы там расскажем, сколько расскажем всего,
какими мы там покажемся не от мира сего.
То, над чем здесь, как стражи, мы зорко несли охрану –
в нас заключенные тайны, тайные раны,
то, над чем тряслись мы, счет теряя дням,
там мы огласим столь свободно и прямо».

«При одном условии, - улыбнулся софист софистично, -
если об этом принято разговаривать там».

КОГДА БЫ ПОЗАБОТИЛИСЬ

Вот теперь я каков: без гроша и без крова.
Это проклятый город, о, Антиохия -
плакали здесь мои денежки, -
что за проклятый город, в роскоши утонувший.

Все же я еще молод и здоров на славу,
греческий язык - мое сокровище.
(Знаю, да как еще знаю Платона и Аристотеля,
риторов и поэтов - всех тебе не упомнить.)
Даже в военном деле кое-что смыслю,
запанибрата с начальником наемников наших.
Также к правителям здешним в какой-то мере я вхож.
В прошлом году шесть месяцев прожил в Александрии;
там хотя бы отчасти (и это неплохо) постиг я
Какертиса подлость, воззренья его и так далее.
Все это памятуя, я считаю,
что вполне готов служить стране родимой,
своей отчизне, Сирии желанной.

Какое б дело мне не дали, постараюсь на пользу стране
обратить его. В этом намеренье тверд я.
Если же мне помешают по их обыкновенью –
мы выскочек этих знаем - уж не рассказать ли ? –
если они мне помехой будут, я ль виноват?

Я к Завиносу обращусь сначала,
и если неразумный не оценит
меня, к Грипосу я пойду, к его врагу.
А коль и сей кретин меня не примет,
сейчас же к Кирканосу постучусь –
один из трех без промаха возьмет.

И все ж моя спокойна совесть,
хоть неразборчив выбор мой.
Все трое Сирии вредили в равной мере.

Но все ж, пропащий человек, в чем виноват я?
Свожу концы с концами кое-как.
Когда бы позаботились создать
четвертого поправеднее боги,
я б с легким сердцем поспешил за ним.

БАЛЛАДЫ

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

BOOTTOMLESS BOAT*

Бездонный челн, бездонный челн
бездонный челн причалит
и к нашим черным берегам,
и строй братоубийц –
все те, кто вовсе ни при чем,
кто знать не знал, не чаял –
сойдут в глубоководный срам
под вопль прибрежных птиц...

---

* Челн, судно без дна *(англ.)*.

БАЛЛАДЫ

ДЕЙВИС И ЛАЗАРЬ

Богатый Дейвис в оный день
Богатый пир дает,
Зовет он всех своих друзей,
Зовет он всех господ.

Тут бедный Лазарь, павши ниц,
Простерся у дверей:
«Подай, брат, ества и питья
Убогому скорей».

«Не брат мне Лазарь, что приполз
Просить к моим дверям,
И я ни ества, ни питья
Убогому не дам».

Тут Лазарь распростерся ниц
И просит у ворот:
«Подай, брат, ества и питья,
А то мне смерть придет».

«Не брат мне Лазарь, что приполз
И просит у ворот,
Не дам я ества и питья –
Пускай его умрет».

ТРИ ВОРОНА, ТРИ ВОРОГА, ТРИ ДРУГА

Три ворона, три ворога на ели
черней, чем могут вороны, чернели.

И рек один: вдали в зеленом поле
лежит боец и он не встанет боле.

У ног его лежат его собаки
и витязя оберегают паки.

И соколы его над ним кружатся,
чтоб мы к нему не смели приближаться.

К нему пришла его душа-молодка:
моложе, чем сама ее походка.

И раны его долго целовала,
а раны те алее крови алой.

А после в чистом поле схоронила
в могиле, что чернее, чем могила.

Пережила недолго друга-млада –
не дольше, чем шотландская баллада.

Дай Бог тебе, скиталец неизвестный,
таких - собаку, сокола, невесту.

Тут Лазарь, распростершись ниц,
Приполз к его крыльцу:
«Подай, брат, ества и питья
По Господу-Христу».

«Не брат мне Лазарь. Зря приполз
Он к моему крыльцу,
Не дам я ества и питья
По Господу-Христу».

Тут Дейвис шлет проворных слуг
Гнать Лазаря плетьми;
Но силы нет у них в руках,
Роняют плеть они.

Тут Дейвис шлет голодных псов:
«Куси его, куси!»
Но язвы Лазаря без сил
Зализывают псы.

Убогий Лазарь занемог
И умер в тот же день.
Сошли два ангела к нему
Вести в небесну сень.

«Вставай, брат Лазарь, в небесах
Со мной пребудешь впредь,
Там на коленях будешь ты
У ангела сидеть».

Богатый Дейвис занемог
И умер, словно брат.
Два змея выползли к нему
Вести его во ад.

МОЛЧАНЬЕ

В одной балладе, что поют под банджо
у смеркшихся амбаров Арканзаса,
все происходит так же безнадежно,
как в жизни, что уходит нараспев.
Был человек на улице зарезан,
но люди убегавшего убийцу
со мною спутали, и я к утру был связан,
хоть не сопротивлялся, и шериф
сказал: «Без алиби спастись ты не надейся»,
но я молчал, поскольку тою ночью
я был вдвоем с женою друга детства –
да, в их постели. Господи прости.
Вот так я стал убийцей и воочью
увидел казнь свою однажды ранним утром,
стал мертв бесповоротно и навечно.
И десять лет она о мне грустит.
Ночами непогожими за хутор
она уходит на мою могилу,
и низкой шалью голову закутав,
стоит подолгу около меня.
Не плачет. Ни слезы не проронила
за десять лет - всё думает упорно:
она свое молчанье схоронила
под этим камнем. Бедная моя! –
молчанье сохранится в преисподней,
как сохранилась эта вот баллада,
и вот ее поет твой муж исконный
на склоне утомительного дня.

А что еще для вечной жизни надо?

«Вставай, брат Дейвис, и со мной
Отправься в мрачный ад,
Там есть местечко для тебя,
И нет пути назад».

Богатый Дейвис, вверх взглянув,
Зрит Лазаря в раю.
«Брат Лазарь, дай глоток воды,
От жажды я горю.

Живи я даже столько лет,
Сколько стеблей у трав,
Мне б все равно пришел конец,
Но бесконечен ад.

Когда б пожить хоть полчаса
Мне довелося, брат,
Я б мир душевный заслужил –
Бессилен стал бы ад».

КЛАРК КОЛВИЛ

Кларк Колвил с госпожой своей
Гулял по саду зелену;
И пояс тот, что был на ней,
В пятнадцать фунтов встал ему.

«Кларк Колвил, обещай же мне
Иль ты не оберешься бед,
Не ездить к Слейнским родникам,
Покуда жив и видишь свет».

СТРАНЕ, ЧТО ПОД ВОЛНОЙ

Всяк кельт измлада знал о том,
что обретет покой
не на заморских островах,
не в небе над собой
и не в Аиде, не в аду –
под бренною землей –
в окрест лежащая стране –
в «стране, что под волной»,

что, даже лежа на земле,
ты должен утонуть,
но из «страны, что под волной»,
к нам не заказан путь –
хотя слепым, хотя глухим,
в забвении по грудь –
ты можешь к нам придти живым,
как ледяная ртуть.

«Довольно, госпожа моя,
Своих речей умерьте прыть;
Иль не встречал красотки я,
Чтоб сразу с ней не согрешить?»

Тут госпожу покинул он,
Забыв, что можно, что нельзя,
И к родникам он скачет, где
Стирает девица-краса.

«Стирай же, девица-краса
Ты набело свои шелка».
«Ах, милый рыцарь, я для вас
Сама белее молока».

Ее за белу руку взяв
Или за зелен взяв рукав,
Он в травы девицу кладет,
Совету госпожи не вняв.

Тут громко, громко крикнул он:
«О, как чело болит увы!»
«Лоскут от платья моего,
Лоскут скорее оторви.

Вот нож - отрежь скорей лоскут
И обвяжу тебя, изволь,
Смертельно бледное чело», -
Еще сильнее стала боль.

Но громче Колвил закричал:
«Еще сильнее боль увы!»
«И будет, что ни миг, больней
Покуда не умрете вы».

О, ЛИФФИ

В начале столетья ирландец и бард
был схвачен врагами и ввергнут в амбар,
чтоб утром его, где круты берега
старинной реки, расстрелять как врага.

Но барды в Ирландии очень ловки,
и утром, покуда дремали враги,
ирландский поэт из-под стражи бежал
и прыгнул в реки леденящий пожар.

Очнулись враги и помчались вослед.
«О, Лиффи, - к реке обратился поэт, -
спаси меня ныне от этих людей
и я подарю тебе двух лебедей».

Хоть пули хлестали, как ливень,
но вот он вышел сухим из декабрьских
вод. Когда же беда миновала, поэт
дословно исполнил свой белый обет.

Над ней занес он свой клинок,
Чтоб с места дева не сошла,
Но рыбой обернувшись вдруг
Краса-русалка уплыла.

«Мать, волосы мне расчеши,
Стели мне, госпожа моя.
Брат, меч наследуй. Повстречал
Коварную русалку я».

ЧАРОДЕЙ И ЧАРОДЕЙКА

Стояла дева на крыльце,
Чем ивы прут прямей;
И с молотом своим в руках
Кузнец стоял пред ней.

«Прекрасной деве свой наряд
Багрян надеть пора,
Как раз девичества лишу
Я деву до утра».

«Поди, кузнец чумазый, прочь,
Не сможешь спрохвала
Лишить меня того, что я
Так долго берегла».

Она воздела длань свою
И поклялась землей,
Что не пойдет за кузнеца
Хоть с целою казной.

БАЛЛАДА О ЗАХОЛУСТЬЕ

Когда бы знать, когда бы знать
свой срок и свой черед,
две годовщины отмечать
мне б полагалось в год,
мне б полагалось дважды в год
устраивать пиры
для всех, кто до сих пор живет
средь этой, брат, дыры.

Когда бы знать, когда бы знать
срок смерти наперед,
я внес бы в чистую тетрадь
приход свой и расход,
и два бочонка б выставлял
друзьям до той поры,
покуда Бог меня не взял
из этой, брат, дыры.

Когда б нам знать, когда б нам знать
вперед и день и год
не за какие-нибудь пять
минут до смерти - вот
тогда бы освещали нас
ДВЕ видимых зари,
покуда нас Господь не спас
из этой, брат, дыры.

«Умру я прежде чем чурбан,
Кузнец чумазый сей,
Похвалится, что овладел
Невинностью моей».

Но длань свою и он воздел
И мессой клялся ей:
«Чтоб вами, леди, овладеть
Казны не надо всей.
Смиритесь, леди, - он сказал,
Сказал он ей: увы
Кузнец настырный будет мил,
Как ни гордитесь вы».

Голубкой кинулась она,
Чтоб в воздух взмыть скорей;
Он обернулся голубком,
Парившим рядом с ней.
«Смиритесь, леди, - он сказал…»*

Тут обернулася угрем
Она среди ручья;
Он крапчатой форелью стал,
Чтобы пугать угря.
«Смиритесь, леди, - он сказал…»*

Тут стала утицей она
Мутить озерну гладь;
А он стал селезнем цветным,
Чтоб утицу поймать.
«Смиритесь, леди, - он сказал…»*

* Повторяется вся строфа.

ДОЛИНА СЛЕЗ

Один из юношей младых,
пройдя сквозь вереск грез,
лег на постель свою, сказав,
что жизнь - долина слез:
долина слез, долина слез,
а не долина грез,
в ней плачет малое дитя
и воет чей-то пес.

От роду не было юнцу
и двадцати пяти,
но он с постели не вставал
и не хотел идти -
идти? - куда? - в долину слез?
В долину длинных слез,
чтоб из погибели людской
лиловый вереск рос?

Вовек недуг не брал таких,
как сей молокосос –
напрасно лекарь приходил
и задавал вопрос:
«Быть может у тебя бронхит
или туберкулез?»
Но юноша его прогнал
назад - в долину слез.

Зайчихой сделавшись, она
Помчалась по холму,
А он стал гончим псом - ее
Легко догнать ему.
«Смиритесь, леди, - он сказал...»*

Кобылой кинулась она
На низкие луга,
А он седлом злаченым стал
И стиснул ей бока.
Беда! - не деться никуда,
Сказал он ей: «Увы
Кузнец настырный будет мил,
Как ни гордитесь вы».

Она шипит сковородой;
Блином к ней льнет сильней -
Во что она ни обернись,
А все кузнец при ней.
Беда! - не деться никуда...*

Ладьею сделалась она,
Чтоб плыть через моря;
Он якорем упал с кормы –
Не двинется ладья.
Беда! - не деться никуда...*

Шелковой бросилась она
Накидкой на постель;
В покров зеленый обратясь,
Он взял, что взять хотел.
Беда! - не деться никуда,
Сказал он ей: «Увы,
Кузнец настырный будет мил,
Как ни гордитесь вы».

* Повторяется вся строфа.

К нему сам пастырь приходил,
ему священник нес
причастия облатку, но
он мнил долиной слез –
долиной и юдолью слез
весь мир - юдолью слез:
«Я лег, чтоб поскорей поднял
меня Исус Христос».

Вот так лежал он сорок лет
среди седых волос,
пока в могильную постель
сосед его не снес,
покуда прах его не снес
сосед в долину слез,
и там он вновь лежит поднесь
среди крестов и роз.

И там он вновь лежит поднесь,
и с привиденьями,
когда они встают в ночи
его не видим мы,
да, в их толпе не видим мы
его в долине слез
и, знать, увидим лишь, когда
придет Исус Христос.

«Я МИЛОЙ ДАЛ ЦЫПЛЕНКА БЕЗ КОСТЕЙ»

Я милой дал цыпленка без костей,
Дал милой вишню я без ядра в ней,
Я милой дал колечко без конца,
Дал ей дитя, что не расплачется.

Да где же вишню взять без ядра в ней?
Да где же взять цыпленка без костей?
Да где же взять колечко без конца?
Где взять дитя, что не расплачется?

В цветущей вишне - ядра нету в ней,
Проклюнувшись, цыпленок без костей,
Коль катится - колечку нет конца,
Дитя, когда заснет, не плачется.

* * *

Заутра с Елеонской Он сошел ночной горы.
Средь храма будущих руин учил слепой народ,
свидетельствуя о Себе лишь словом до поры –
до часа, что к Нему, как тень, сквозь солнцепек грядет.

Его глаголы вдруг прервал многоголосый крик.
Из полумглы священных стен Он вышел в полдня тьму:
толпа кипела - каждый в ней был лишь
чужой двойник –
последний, первый ли, старик иль юноша. К Нему,

терзая, волокли жену в грязи полунагой:
«Побить каменьями ее велел нам Моисей –
той всенародною ничьей, той круговой рукой
(Второзаконие, см. гл. 17,7.)

Что скажет исцелявший по субботам?» И от стен,
еще не рухнувших отшед, воссел Он перед ней.
И пахло от нее грехом - да, первородным тем,
и за власы ее таскал сутулый фарисей.

На камень разоренья сев, безмолвствовал Исус,
не поднимая глаз на сей беснующийся сонм,
над тенью собственной склонясь, чертил Он наизусть
«Аз есмь свет миру» по земле божественным перстом.

АНГЛИЙСКИЕ БАЛЛАДЫ

ТАК БЫЛО В ДЕССЕКСШИРЕ

Так было в Дессекшире раз:
Работать пахарь был горазд,
И угораздило его
Пойти пахать на Рождество.

Когда он торопил свой плуг,
Ему Христос явился вдруг:
«Почто ты пашешь, человек,
Когда кругом метель и снег?»

И молвил пахарь Богу так:
«Большая надобность в трудах –
Коль не работать день деньской
Ужо спознаешься с нуждой».

Дрожит рука - он пашет зря,
Тут расступилася земля,
И поглотил беднягу прах
Без покаяния в грехах.

Жена с детьми гулять пошла,
Но поглотила всех земля –
Жену, детей, домашний скот;
Чти день, когда рожден Господь.

Костер толпы все полыхал. Склонившись глубже в тень,
промолвил судьям Иисус сквозь нависанье влас,
не глядя протянув толпе безжизненный каме́нь:
«Да верзе камень в нию тот, кто без греха из вас».

Вслед за Христом, потупив взор, родной увидев мрак, -
пошел народ от Бога прочь, душою уязвлен –
все те, кто встанут вкруг Его страстей толпой зевак...
и перед грешною женой один остался Он.

Растерзан был ее хитон, и волосы, как боль,
струились потом грязным по щекам ее нагим.
А Он чертил в песке перстом «О, Господи, доколь?
Познанье истины одно - спасенье будет им».

Из ссадин кровь престала течь, небесной синевой
налились синяки ее, и, в землю глядя, Бог
спросил: «Никто не осудил позор презренный твой?»
«Никто, о, Господи». «Ия судить тебя не мог».

Был диким взор ее нагой, метавшийся кругом:
кругом лежали камни - всяк был тих, как
смолкший крик
иль как небесна синь. Иисус чертил в песке перстом
«Но словеса мои вовек не уместятся в них».

ОДУРАЧЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Однажды ехал рыцарь млад
Одною из дорог, сэр,
И встретил девицу-красу,
А рядом - сена стог, сэр.

Он молвил: «В травах полежать
С девицей был бы рад я;
Коль очень постараюсь я,
Ваш не помну наряд я».

«Коль вы поедете сейчас
Со мною в отчий дом, сэр,
Отдам девичество и дом –
Не откажу ни в чем, сэр».

Она - на белом скакуне,
Он правит вороною -
И едут по полю они,
Как будто брат с сестрою.

И вот пред нею - отчий дом,
Дом, обнесенный рвом, сэр,
Она в ворота - скок, и он
Остался ни при чем, сэр.

«Возьмите злата кошелек
За тяжкие труды, сэр.
Отцов проводит вас слуга –
Не сбиться бы с пути, сэр.

А деву встретите красу,
Минуя ближний град, сэр,
Росы не бойтесь на траве
Или помять наряд, сэр.

А деву встретите красу,
Минуя холм высок, сэр,
Что можешь, не захочешь взять,
Захочешь - ан, не смог, сэр».

ГЕРЦОГ ГРАФТОН

Шли два человека, где берег морской,
Вдруг герцога Графтона зрят пред собой;
И первый второму сказал ему так:
«Вот доблестный Графтон - он изгнан на днях».

И в Портсмут снесли они прах храбреца,
И в Лондон оттуда в соседство дворца;
И тело очистив от внутренностей,
Втирают в него благовонный елей.

Готов он отправиться в вечную тьму,
Пришла королева Мария к нему;
Шесть лордов - при гробе и шесть - впереди,
Шесть герцогов, чтоб перед гробом идти.

Так черен их траур, так руки белы,
Так желт каждый факел, что лорды несли!
Гремят барабаны, труб слышится звук,
Мушкеты и пушки грохочут вокруг.

В аббатстве Вестминстерском, славен зане,
Был Графтон Великий отпущен земле;
Холодный навеки покрыл его прах,
Ушла королева Мария в слезах.

ПОТРЕВОЖЕННАЯ МОГИЛА

Ненастный ветер нынче дул
И капал дождь порой.
Моя одна навек любовь
Легла в земле сырой.

Но на могилу к милой я
Приду, как скорбна тень,
И буду горевать о ней
Я ровно год и день.

Вот год прошел и день прошел
И мертвая речет:
«О, кто там плачет надо мной
И спать мне не дает?»

«Я плачу, сидя над тобой,
И спать тебе не дам,
Пока к холодным, словно прах,
Я не прильну устам».

«Не приникай к моим устам –
От них разит землей,
Коль ты прильнешь к моим устам,
Век не продлится твой.

В саду зеленом, милый мой,
Где были мы вдвоем,
Цветок, что всех прекрасней был,
Увял до корня он.

Увял до корня, как сердца
Увянут наши впредь.
До зова Божьего, мой друг,
Нам суждено терпеть».

ВИШЕНЬЕ: РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ

Иосиф стариком был
И был он очень стар,
Когда он в Галилее
Марию в жены взял.

С Мариею Иосиф
Идет по саду с ней,
Где вишенье созрело,
Чем кровь оно красней.

С Мариею Иосиф
Идут средь зеленей,
Где вишенье созрело –
Не видано сочней.

И тут речет Мария,
Речет Мария: «Ах,
Сорви мне плод, Иосиф,
И я ведь на сносях».

И тут речет Иосиф,
Речет он, не шутя:
«Пусть плод тебе срывает,
Чье носишь ты дитя».

Тут взговорило чадо
Во чреве у жены:
«Ты, всех превыше древо,
Ветвь к Матери согни».

И всех превыше древо
Нагнулось к ней сейчас.
«Гляди, - речет Мария, -
Деревьям я указ».

И туг речет Иосиф:
«Жене повинен я,
Но радуйся, Мария,
И не кручинься зря».

Тут рвет Мария вишни,
Они красней, чем кровь,
И со своею ношей
Идет под мужний кров.

Мария на колени
Берет свое дитя:
«Скажи, скажи мне, Сын мой,
Что в мире ждет Тебя?»

«Я буду мертвым, матерь –
Мертвей камней в стене,
Но даже камни улиц
Восплачут обо Мне.

И на Святую Пасху
Я буду вознесен,
Со мной луна и солнце
Взойдут на небосклон».

СЭМ ХОЛЛ

Эх, Сэм Холл - так я звался, так я звался,
Эх, Сэм Холл - так я звался, так я звался,
Эх, Сэм Холл - так я звался; плевал на всех и вся,
Плевал на всех и вся, чтоб вам сгореть!

Эх, убил я одного, видит Бог;
Эх, убил я одного, видит Бог;
Ударил я в висок и бросил, чтоб он сдох,
И бросил, чтоб он сдох, чтоб он сгорел!

Эх, тут поп явиться рад, то-то рад,
Эх, тут поп явиться рад, то-то рад,
Эх, хоть мрачен его взгляд, твердит про Божий Град –
На, поцелуй мой зад, чтоб ты сгорел!

И шериф явился вмиг, прямо вмиг,
Да шериф явился вмиг, прямо вмиг,
С отрядом прощелыг в мундирах голубых –
Вся эта шайка их, чтоб им сгореть!

И вот мой эшафот, эшафот;
И вот мой эшафот, эшафот;
Кричит мне снизу сброд: «Не слушал нас и вот!
Не слушал нас и вот!» - чтоб им сгореть!

Вот Нелли в голубом; вся в голубом;
Вот Нелли в голубом; вся в голубом;
И Нелли в голубом кричит: «На свете том
Не изменить тайком, чтоб ты сгорел!»

Теперь я в небо взят, в небо взят,
Теперь я в небо взят, в небо взят,
Теперь я в небо взят - ну, что за каземат! –
Всех шлюх согнали в ад, чтоб им сгореть!

ИУДА

Восстал Господь наш было в Великий Четверток,
Благими словесами Иуде Он прорек:

«В Ерусалим, Иуда, отправься за едой, Серебреников
тридцать возьми в мошне с собой.

По улице широкой случись тебе идти
И сродственников кровных ты встретишь на пути».

Сестру порочну встретил, и так она речет:
«Каменьями, Иуда, побьет тебя народ,

Каменьями, Иуда, побьет тебя народ,
Зане во лжепророка поверил наперед».

«Молчи, молчи, сестрица, чтоб твой язык отсох, Коль
мой Господь услышит, отмстится твой упрек».

«Взойди, взойди, Иуда, на тот утес высок,
Главу ко мне в колени склонив, поспи чуток».

Едва лишь пробудился Иуда ото сна –
Где сребреников тридцать: пуста его казна.

Тут рвет власы Иуда - в крови его чело;
Евреи рассудили: безумен он зело.

Пилат, еврей богатый, к нему приходит тут:
«Продашь ли свово Бога, что Иисус зовут?»

«Чтобы я продал Бога, казны на свете нет –
Дай сребреников тридцать - за них держу ответ».

«Возьмешь ли за Исуса все золото в казне?»
«Лишь сребреников тридцать, что Он поверил мне».

Апостолы садятся за стол, и молвил Спас: «Апостолы, почто же днесь ества нет у вас?

Апостолы, почто же днесь ества нет у вас?
На сребреников тридцать я ества вам припас».

Тут восстает Иуда: «Моя ли в том вина?
Я не пошел на стогны, где люд хулит Тебя».

Тут Петр возвысил голос, что громче шума вод: «Тьмы воинства с собою пускай Пилат ведет,

Тьмы воинства с собою пускай ведет Пилат - Твоей любови ради я биться с ними рад».

«Умолкни, Петр-апостол, не ведаешь пока:
Предашь меня ты трижды до крика петуха».

СПАСЕННАЯ ОТ ВИСЕЛИЦЫ ДЕВА

«Помедли, добрый судия,
Немного погоди!
Сдается, едет мой отец
По скорбному пути.

Немного злата, мой отец,
Казны мне отдели! –
От гроба плоть мою спасешь
И шею - от петли».

«Не выручат тебя мои
Ни злато, ни казна;
Ведь я пришел на казнь твою,
И будешь казнена».

«Помедли, добрый судия,
Немного погоди!
Сдается, едет мать моя
По скорбному пути.

Немного злата, мать моя,
Казны мне отдели!-
От гроба плоть мою спасешь
И шею - от петли».

«Не выручат тебя мои
Ни злато, ни казна;
Ведь я пришла на казнь твою,
И будешь казнена».

«Помедли, добрый судия,
Немного погоди!
Сдается, едет братец мой
По скорбному пути.

Немного злата, братец мой,
Казны мне отдели !-
От гроба плоть мою спасешь
И шею - от петли».

«Не выручат тебя мои
Ни злато, ни казна;
Ведь я пришел на казнь твою,
И будешь казнена».

«Помедли, добрый судия,
Немного погоди!

Сдается, близится сестра
По скорбному пути.

Немного золота, сестра,
Казны мне отдели! -
От гроба плоть мою спасешь
И шею - от петли».

«Не выручат тебя мои
Ни злато, ни казна;
Ведь я пришла на казнь твою,
И будешь казнена».

«Помедли, добрый судия,
Немного погоди!
Сдается, едет милый мой
По скорбному пути.

Немного злата, милый мой,
Казны мне отдели!-
От гроба плоть мою спасешь
И тело - от петли».

«Вот золото тебе мое
И вот моя казна,
Ведь я пришел тебя спасти
И будешь спасена».

ЦАРСТВЕННЫЙ РЫБАК

Гуляла майским утром я –
Всяк майский цвел цветок;
Вдруг вижу удалой рыбак
Рыбачит одинок.

Сказала я: «Удал рыбак,
Почто рыбачишь здесь?»
«Ловлю я рыбу для тебя
Везде, где рыба есть».

Он к берегу причалил челн
Своей охотой, сам
И за руку ее повел
Чтоб плавать по морям.

Он снял свой будничный наряд,
Швырнул его в поток,
И видит дева: в злате он
Весь с головы до ног.

Тут падает девица ниц:
«Меня простите в том,
Что вас бродягою морским
Звала и рыбаком».

«Встань, дева, встань, моя краса,
Напрасна речь твоя –
Твоим словечком ни одним
Не оскорбился я.

Теперь пойдем мы в отчий дом,
Сыграем свадьбу там,
И будет у тебя рыбак –
Чтоб плавать по морям».

И в отчий дом они пошли,
Сыграли свадьбу там,
И есть у девицы рыбак –
Чтоб плавать по морям.

БЕДНЯЖКА МИСС БЕЙЛИ

Из Ходифакса капитан раз соблазнил девицу;
На собственной подвязке та решилась удавиться.
И совесть мучила его, желанья охладели –
И день и ночь он пил ликер и думал о мисс Бейли.
Ах, мисс Бейли, бедняжка мисс Бейли.

Однажды простудился он и спать улегся рано,
Сказавши: «Хоть красавец я, не мог я без обмана».
Бледнее в полночь огнь свечи, и вот к его постели
Явился некий призрак вдруг, промолвив: «Се мисс Бейли».
Ах, мисс Бейли, бедняжка мисс Бейли.

«Прочь, прочь, мисс Бейли! - он вскричал. – Ты, верно,
бес из бездны».
А дух в ответ: «Вы обошлись со мною нелюбезно;
Священник Бигс и коронер меня не пожалели
И отказались хоронить, хотя я труп мисс Бейли».
Ах, мисс Бейли, бедняжка мисс Бейли.

«Ах, милый труп, воскликнул Смит, - меж нас какие счеты? –
Пусть мисс в мундире у меня фунт стерлингов возьмет, и
Смотритель место ей продаст». Тут дух вскричал: «Ужели?
Блажен порочный капитан - помог бедняжке Бейли».
Ах, мисс Бейли, бедняжка мисс Бейли.

ЗЛА ЛОЗА

Раз в ясный день, в воскресный день
Из неба выпал град.
Спаситель мать свою спросил,
Нельзя ли в мяч сыграть.

«Ну, в мяч, так в мяч - ступай, мой Сын,
Играй в свою игру,
Но чтоб о шалостях твоих
Не слышать ввечеру».

Бежал Спаситель по холму,
И повстречались там
Ему господских три сынка:
«Привет всем трем сынкам».

«Привет, привет» - они в ответ.
Тут рек Христос младой:
«Кто из господских трех сынков
Сыграет в мяч со мной?»

«Мы все господские сынки,
В хоромах повиты,
А Ты лишь бедной Девы Сын
В яслях родился ты».

«Коль я лишь бедной Девы Сын,
Коль я рожден в яслях,
Я вас кончине научу –
Пред ангелом вы - прах».

Воздвигнув радугу, по ней
Пошел он над водой,
За ним погнавшись барчуки
В воде утопли той.

Три знатных матери кричат:
«Мария, кличь скорей
Сынка домой - он утопил
Всех наших сыновей».

Мария поперек колен
Согнув сынка дугой,
Злой ивовой лозы пучком
Хлестнула раз-другой.

«Ах, зла лоза, ах, зла лоза!
Лоза, ты - мой позор!»
У ивы прежде всех дерев
Гниет нутро с тех пор.

ИСТОЧНИК ХОЛИ-УЭЛЛ

Случилось так, что майским днем
На светлый праздник, знать,
Исус у матери своей
Просился поиграть.

«Ступай, ступай играть, Исус,
Ступай играть, сын мой,
Но чтоб не жаловались мне,
Когда придешь домой».

Пришел он в ближнее село,
Что возле Холи-Уэлл,
И лучше тамошних детей
Сыскать бы не сумел.

Сказал он им: Храни вас Бог,
Христос вас сохрани –
Мол, хочет с ними поиграть,
Хотят ли и они?

Ему в ответ детишки: нет,
Меж них всех ниже Он;
Они - господские сынки,
А Он в яслях рожден.

Не улыбнулся Иисус,
Но слезы из очес,
Но слезы из очес текли,
Как воды из небес.

Пришел обратно Иисус
Он в материнский дом
И матери сказал, что был
В селе соседнем Он.

«В селе соседнем был я днесь,
Что возле Холи-Уэлл,
И лучше тамошних детей
Сыскать бы не сумел.

Сказал я им: Храни вас Бог,
Христос вас сохрани -
Хочу, мол, с ними поиграть,
Хотят ли и они?

Но мне в ответ детишки: нет,
Мол, нас всех ниже Он;
Мы все - господские сынки,
А Он в яслях рожден».

«Хоть Ты всего лишь Девы сын,
Хоть Ты рожден в яслях,
Ты - Царь Небесный и Христос,
Тобой спасется всяк.

Исус, ступай же в то село,
Что возле Холи-Уэлл,
И души грешные во ад
Низринь из детских тел».

«О, нет, - ответил Иисус, -
Ответил Он, - о, нет:
Ко мне и так довольно душ
Из ада вопиет».

СВЯТОЙ СТИВЕН И ИРОД

Слугою Стивен был Святой
У Ирода в дому,
Он из одежды и харчей,
Как все, служил ему.

Кабанью голову в руках
С поварни Стивен нес

И Вифлеемскую звезду
Увидел между звезд.

Отбросив голову, к царю
В покой он шел скорей:
«Прощай навеки, Ирод-царь,
Схожу со службы сей.

Прощай навеки, Ирод-царь,
  Схожу со службы сей -
Родился в Вифлееме тот,
  Кто лучше всех людей».

«Кручина, Стивен, в чем твоя,
  Ответствуй мне скорей,
По нраву ество и питье
  У Иродов-царей?»

«По нраву ество и питье
  У Иродов-царей -
Родился в Вифлееме тот,
  Кто лучше всех людей».

«Лишился ль, Стивен, ты ума,
  Недугом ли объят?
Иль мало злата у тебя?
  Иль небогат наряд?»

«Довольно злата у меня,
  И будь я даже наг,
Родился в Вифлееме тот,
  Кто всех податель благ».

«Коль правду, Стивен, говоришь,
  Коль твой рассказ не лжив,
То прокричит цыпленок сей,
  Что предо мной лежит».

Едва он слово произнес,
  Цыпленок в блюде встал
И крикнул: «Cristus natus est»
  На полный знати зал.

«Скорей вставайте, палачи,
Взяв Стивена с собой,
Побейте камнями его
За городской стеной».

Каменьями он был побит
За городской стеной;
Затем в Господне Рождество
И день его святой.

ДЕВА И СТРАННИК

К колодцу дева шла с бельем,
Роса - на теле на белом.

Уж мыла, выжимала так,
Потом сушила на ветвях.

Проходит странник близ нее:
«Бог помощь, дева, мыть белье!

Найдешь ли, дева, чашу ты,
Чтоб страннику испить воды?»

«Никак мне чаши не найти,
Чтоб страннику испить воды»

«Вернулся б мил из Рима твой,
Нашлась бы чаша той порой».

«Клянусь Крестителем, Христом-
Никто мне не был мил-дружком».

«Не трожь вотще имен святых.
Ты родила девятерых.

Трех схоронила под постель,
Трех под котлом, где варят эль,

А трех еще - в тех зеленях,
Всего их девять - аль не так?»

«Надеюсь я, ты старец тот,
В кого людской поверил род.

О, странник, я тебя молю
Назначь мне, отче, ептимью».

«Я ептимьи тебе не дам.
Семь лет ступенью будь во храм.

Семь - колокольным языком,
Семь - вековухой в свете том.

Когда ж зарок исполнишь свой,
Вернешься девою домой».

ЧЕВИ ЧЕЙЗ

Пусть столько лет живет король
А с ним и род наш весь,
Сколь много горя принесла
Охота в Чеви Чейз.

Услышит графа Перси рог
В Шотландии олень:
Жаль тех, кто не родился, чтоб
Охотиться в тот день.

В рога трубить, оленя гнать
Собрался Перси-граф:
Жаль будет тем, кто не был с ним,
Родиться опоздав.

Отважный граф Нортумберленд
Он Богу клялся так -
Потешиться три летних дня
В Шотландии лесах.

Оленей лучших в Чеви-Чейз
Убить и прочь унесть;
И графу Дугласу о том
Несут шотландцы весть.

Он графа Перси известил:
Не быть потехе, мол;
Но Перси, слов не убоясь,
В Шотландию пришел.

Тыщ до полутора привел
Он лучников с собой,

И всяк из них могуч и цель
Горазд разить стрелой.

Борзым их резвым не впервой
За ланью мчаться вслед;
И в понедельник вышли все
С охотою чуть свет.

До полдня тучных ста самцов
Предсмертный смолкнул стон;
И, отобедав, егеря
Вновь продолжают гон.

И лучники среди холмов
Готовы вновь дерзать;
В тот день особый был дозор
Лихих стрелков позадь.

Борзые мчат через леса
Оленю по пятам,
Разносит эхо криков звук
По долам и холмам.

К добыче Перси подошел,
Взглянуть каков олень
И рек: «Здесь Дуглас встречу мне
На сей назначил день.

Его не стану дольше ждать,
Коль не придет сейчас».
Тут юный дворянин речет
Ко графу обратясь:

«Увы, вон там доспехов блеск;
То Дуглас, ополчась,
Две тысячи шотландских пик
Он навострил на нас.

Они пришли от Тивидейл,
Пришли от Твид-реки».
«Кончай потеху! - молвил граф, -
К оружию, стрелки!

Явите храбрость, земляки,
Со мною в этот час!
Во Франции ль, в Шотландии
Кто одолеет нас

Из правивших конем? Но коль
Найдется таковой,
Придется преломить копье
Ему в бою со мной».

На млечно-белом скакуне
Граф Дуглас вел отряд,
И на шотландцах латы их,
Как золото, горят.

«Чьи люди вы, и кто дерзнул
Привесть вас в этот лес
Гнать ланей и оленей бить
Без позволенья здесь?»

И первым Перси отвечал,
Мы не желаем, мол,
Назвать себя, назвать того,
Кто нас сюда привел.

Заплатим кровью за твоих
Оленей мы, дай срок.
Тут Дуглас грозный дал обет
И так во гневе рек:

«Один из нас погибнет днесь,
Отвагу исчерпав;
Мне ведомо: граф Перси ты,
Как я, такой же граф.

Но верь мне, Перси, будет жаль,
Досадно будет, коль
Погибнут наши люди здесь –
Вины в них никакой.

Сразимся мы, а люди пусть
Стоят по сторонам».
«Будь проклят, - молвил Перси-граф, -
Кто помешает нам».

Тут сквайр выступил вперед
Лихой Уитерингтон:
«Не дай Бог Генри-королю
Поведать мне о том,

Что вождь мой в поле бился пеш,
А я со стороны
Взирал на бой - пусть сквайр я
И пусть два графа вы.

Я буду биться, что есть сил,
Что мочи есть, пока
Держу клинок, пока крепки
И сердце и рука».

С английских луков стрелы мчат –
Был в крепких лук руках:
И восемьдесят, как один,
Шотландцев пало в прах.

Вновь в рог трубить, оленя гнать
Намерен Перси-граф
И тут два воинства сошлись,
В щепу копье сломав.

Бесстрашно воины сошлись,
Но на земле потом
Немало знатных храбрецов
Ловило воздух ртом.

О, Боже, Боже, всяк из них
Копье свое найдет,
И кровь заплещет из груди
Струею чистых вод.

Но вот отважные вожди
Сошлись между собой
И стали биться, словно львы;
Жестоким был их бой.

Уже прошиб их пот, но все
Разит каленый меч,
Покуда кровь по их щекам
Дождем не стала течь.

«О, Перси, сдайся! - Дуглас рек, -
Клянусь, уступишь коль,
Ужо тебя возвысит Джеймс,
Шотландский наш король.

Дам щедрый выкуп за тебя,
И, воздавая честь,
Скажу: отважней не встречал
Я рыцаря поднесь».

«Нет, Дуглас, -Перси отвечал, -
Презрен будь твой совет;
Шотландца, что меня пленит
Еще не видел свет!»

Остра с английской тетивы
Стрела слетает тут
И насмерть Дугласа разит,
Войдя глубоко в грудь.

«Пусть слуги верные из рук
Не выпустят копье!
Кончаюсь я, и Перси зрит
Падение мое».

Тут Перси за руку берет
Покойного, сказав:
«Готов лишиться я руки,
Лишь жил бы Дуглас-граф.

Ах, сердце кровью облилось
По Дугласу скорбя -
Злой рок вовеки не постиг
Вождя грозней тебя».

Один шотландский рыцарь зрел,
Как Дуглас пал во прах,
И графу Перси отомстить
Поклялся он в сердцах.

То был Монтгомери, сэр Хью,
Он, ополчась копьем,
Помчал сквозь сечу горячо
На скакуне лихом.

Меж лучников английских он
Пробив бесстрашно путь,
Насквозь пронзил своим копьем
Он графа Перси грудь.

Был столь неистов и силен
Удар его сквозной -
На целый ярд его копье
Явилось за спиной.

Так пали оба графа, честь
Свою не запятнав.
И тут английский лучник зрит:
Убит их Перси-граф.

Был добрый лук в его руках;
Из дерева прочна
Стрелу длиною в целый ярд
Он взял из колчана.

И оперенною стрелой
Достиг он сэра Хью,
Сердечной кровью омочив
Каленую стрелу.

Продлилась битва от зари
И до исхода дня;
Ко вечере звонят, а всё
Не кончится она.

Убиты с Перси заодно
Отважный Игертон,
Сэр Уильям, Роберт Харклиф и
Сэр Джеймс - лихой барон.

Сэр Джордж, а вместе с ним сэр Джеймс
Достойны их дела -
И Рейфа Ребби в том бою
Отвага не спасла.

Оплакан будь Уитерингтон
В печальнейших стихах -
Обеих ног лишившись, он
Сражался на культях.

А вместе с Дугласом убит
Монтгомери, сэр Хью
И сэр Чарльз Моррел - ни на шаг
Не отступив в бою.

Сэр Роджер Хивер - Харклифа
Племянником он был,
И сэра Ламбуэла не спас
Его отваги пыл.

Сэр Максуэл с Дугласом погиб;
Две тысячи всего
Пришло шотландцев в Чеви-Чейз,
Пятьдесят пять ушло.

Из тысячи и пятисот
Стрелков английских днесь
Всего пятьдесят пять смогло
Покинуть Чеви-Чейз.

Пришло назавтра много вдов
Оплакивать мужей,
Слезами раны омывать
Застывшие уже.

Они кровавые тела
С собою унесли,
Целуя прежде чем отдать
В объятия земли.

Приходят вести в Эдинбург,
Где Джеймса был престол,
О том, что храбрый Дуглас-граф
Стрелою поражен.

«Плачевна весть! - сказал король, -
В Шотландии моей
Подобных Дугласу теперь
Не сыщется вождей».

Такая же доходит весть
До Генри-короля -
Де графа Перси в Чеви-Чейз
Взяла навек земля.

«Бог с ним! - воскликнул наш король, -
Печали не помочь;
Пятьсот вождей в моей стране
Таких как он точь-в-точь».

Но пусть шотландцы с королем
Своим не мнят обресть
Покой - постигнет их моя
За графа Перси месть».

Поздней король при Хамл-Даун
Исполнил свой обет,
Полсотни рыцарей-дворян
Отправив на тот свет

И сотни воинов простых.
Иссяк на этом пыл
Потехи-той, что в Чеви-Чейз
Граф Перси учинил.

Дай Бог, чтоб здравствовал король,
Дай Бог, чтоб с этих пор
Настал в стране отрадный мир
И стих меж знати спор.

ГЛАЗГЕРИОН

Играть на арфе был мастак
  Глазгерион, кровный принц;
Играл в покоях короля,
  Где воск, вино лились,
И королеве он играл,
  Сводя с ума девиц.

Сама принцесса говорит
  И речи таковы:
«Играй, Глазгерион, играй,
  Не прерывай игры;
Отраден сердцу моему
  Всяк звук твоей струны».

«Ах, госпожа, и кто внушил
  Вам речи таковы?
Семь лет любил я вас и чуть
  Не умер от любви»

«Приди, Глазгерион, ко мне
  Полуночной порой,
И слову своему верна
  Пущу тебя в покой».

Глазгерион домой пришел,
  Доволен он вполне.
«Поди сюда, слуга мой Джек,
  Джек, подойди ко мне.

Нормандская принцесса мне
  Дарит свою любовь -
Придти я должен к ней в покой
  До первых петухов».

«Хозяин, приклони главу
  И отдохни чуток,
Я разбужу тебя, когда
  Придет свиданью срок».

И тут поднялся плут-слуга,
  И наспех облачен
В наряд хозяйский, стал похож
  На дворянина он.

В покой принцессы он стучит;
  Словам своим верна,
С постели встала и к себе
  Ввела его она.

Он деву к лавке не повлек
  И к ложу не повлек,
А прямо на пол повалил,
  Чуть преступил порог.

Принцессу не облобызав,
  Он встал и был таков,
И заподозрила она,
  Что он из мужиков.

Домой вернулся плут-слуга,
  Чужой наряд совлек
С себя и сделался опять
  Мужланом, видит Бог.
«Проснись, хозяин дорогой,
  Настал свиданья срок.

Не я ль коня тебе взнуздал,
  Не я ль седлал коня,
Не я ль, хозяин, завтрак твой
  Подал на стол с огня?»

И тут Глазгерион восстал,
  Прервав свой крепкий сон,
В наряд, пристойный принца, он
  Был тотчас облачен.

В покой к принцессе он стучит
  И вновь, и вновь верна
Словам своим, опять в покой
  Ввела его она.

«Забыл ли перевязь свою,
  Забыл перчатку ли,
Иль ты вернулся, чтобы вновь
  Познать моей любви?»

Священным дубом и золой
  Поклялся он не раз:
«В твоих покоях, госпожа,
  Я не был отродясь».

«Так стало быть, твой паж дерзнул
  Принцессу обмануть» -
Сказала дева и кинжал
  Себе вонзила в грудь,
Чтобы из тела своего
  Мужичью кровь вернуть.

Глазгерион домой пришел,
  Он удручен вполне.
«Поди сюда, слуга мой Джек,
  Джек, подойди ко мне.

О тех, кто нынче был убит –
  Скажу тебе о них:
Коль я убил, то одного,
  А ты убил троих».

Тут вынул он свой грозный меч,
  С клинка отерши грязь,
Снес голову плуту-слуге,
  Закона не спросясь,

На камень бросился он сам,
  Приставив меч к груди.
Три жизни оборвались так
  Через обман слуги.

(МАЛЫШ) МУСГРЕЙВ И ЛЕДИ БЕРНАРД

Случилось так, что в день святой –
  Всяк день святится вам -
Шли юноши и девы шли
  К заутрене во храм.

Уж пастырь мессу отслужил;
  Мусгрейв пришел во храм,
Но он на Деву не глядит,
  А на прекрасных дам.

И каждая в зеленый шелк,
  В атлас облачена;
Но лорда Бернарда была
  Прекрасней всех жена.

Взглянула леди на него
  Сияньем своих глаз;
И тут узнал малыш Мусгрейв,
  Что госпожа сдалась.

«Тебя любила я, Мусгрейв,
  Так много долгих дней»;
«Ия любил вас, но не смел
  Открыть любви своей».

«На славу убран мой чертог,
  Что в Баклесфорбери;
Приди туда, Малыш Мусгрейв,
  В объятия мои».

«Благодарю вас, госпожа,
  За вашу доброту,
Пусть на беду себе, но я
  К вам на всю ночь приду».

Их речь услышал крошка-паж,
  Что при карете был:
«Хоть госпожа мне - госпожа,
  Лорд Бернард - господин.

Пускай я даже утону,
  Всё должен он узнать», -
И паж, коль был разрушен мост,
  Переправлялся вплавь.

«Ты спишь, лорд Бернард, иль не спишь?
  Скорей глаза открой,
Знай в Баклесфорбери Мусгрейв
  Возлег с твоей женой».

«Коль это правда, крошка-паж,
  Коль речь твоя верна,
Всю землю в Баклесфорбери
  Отдам тебе сполна.

Но коль ты лжешь мне, крошка-паж,
  На дереве, что всех
Превыше в Баклесфорбери,
  Окончишь ты свой век».

Тут верным слугам крикнул он:
  «Седлайте мне коня,

Ни разу в Баклесфорбери
Не ждали так меня».

Они свистят, они поют
И говорят они,
Чуть в рог лорд Бернард протрубит:
«Беги, Мусгрейв, беги!»

«Сдается, слышу крик дрозда
И сойки крик с утра,
Никак лорд Бернард в рог трубит,
И мне идти пора».

«Лежи, лежи, Малыш Мусгрейв,
Согрей мой сладкий сон,
То наш подпасок поутру
Погнал овец в загон.

Иль не привязан сокол твой,
Иль конь твой без овса,
С прекрасной леди на руке,
Куда ж ты собрался?»

Тут Бернард к двери подошел,
Присел на камень он,
Потом все двери отомкнул
Серебряным ключом.

Тут вместе с простынью сорвал
Он покрывал атлас:
«По вкусу ли тебе, Мусгрейв,
Жена моя пришлась?»

«По вкусу, - отвечал Мусгрейв, -
Как сердце не боли;
Казну б я отдал, чтоб сейчас
Очнуться мне вдали».

«Вставай, вставай, Малыш Мусгрейв,
В свой облачись наряд;
Что был убитый мною наг,
Пускай не говорят.

Есть в ножнах у меня одних
Два дорогих меча;
Тот, что получше ты возьмешь,
Тот, что похуже - я».

Мусгрейв ударил - тяжело
Лорд Бернард уязвлен;
Лорд Бернард свой нанес удар,
И был последним он.

Тут возгласила госпожа
И с ложа своего:
«Пускай погиб Малыш Мусгрейв,
Молюсь я за него.

Молиться буду о душе
Его, пока жива,
А за тебя не помолюсь,
Хоть я твоя жена».

Срубил он ей сосцы с грудей,
И не видать бы вновь,
Как по коленям госпожи
Текла сердечна кровь.

«Держу вас слуги не к добру,
И всем вам - грош цена.
Никто из вас не удержал
Безумного меня.

Храбрейший рыцарь мной убит
Из правивших конем,

И та, что всех прекрасней жен
   Теперь на свете том.

В одну могилу их, в одну
   Кладите, - он речет, -
Но леди выше пусть лежит:
   Ее знатнее род».

ШОТЛАНДСКИЕ БАЛЛАДЫ

КРАСАВЕЦ ДЖОРДЖ КЕМПБЕЛЛ

По тайской долине, меж горных высот
Красавец Джордж Кемпбелл пускался в поход.
Коня оседлав, он отправился в путь –
Вернулся скакун, седока не вернуть.

Мать с плачем встречает коня у ворот,
Жена у ворот с горя волосы рвет.
«Не скошен наш луг и не сжаты поля,
Амбар не покрыт, не родилось дитя».

Снаряжен уехал он смерти навстречь,
На шляпе - перо и у пояса - меч,
А нынче в крови и седло и узда –
Вернулся скакун, а седок никогда.

УМНО РАЗГАДАНЫ ЗАГАДКИ

С востока ехал рыцарь раз
Невесту он искал как раз.

Доехал до вдовы сперва:
«Где дочери твои, вдова?»

«Стирать белье одна пошла,
Другая печь хлеба пошла,

Пошла на свадьбу третья дочь,
Придет, когда настанет ночь».

Сидел на камне он вдали,
Пока девицы не пришли.

Одна давай взбивать кровать,
Другая - простынь застилать.

А третья дочь малым - мала
Со странным рыцарем легла.

«Реши загадки до одной
И утром станешь мне женой.

Что, хоть не древо, высоко?
Что, хоть не море, глубоко?

Что - не свинец, а тяжелей?
Что лучше хлеба для людей?

Что побелее молока?
Что мягче - хоть и не шелка?

И что острей, чем вилы в бок?
И что слышнее, а не рог?

Что не трава - а зелена?
Что хуже, а не женщина?»

«Не древо - небо высоко,
В аду - не в море - глубоко.

И тяжкий грех свинцу подстать,
И лучше хлеба - благодать.

Снега белее молока,
И зори мягче, чем шелка.

Острее глад, чем вилы в бок,
Позор слышней, чем громкий рог.

Подушка зеленей травы
И Клути хуже женщины»

Чуть был помянут ею бес,
И рыцарь в пламени исчез.

ДВА ВРАНА

Дорогою я слышал, как
  Два врана каркали в ветвях;
И говорил один: «Сосед,
  Какой нас нынче ждет обед?»

«За насыпью дернистой той
  Убитым витязь пал лладой;
И ведают о том сполна
  Лишь пес да сокол, да жена.

Но пес с охотою ушел,
  Бьет птицу в небесах сокол,
С другим спозналась госпожа;
  Аль трапеза не хороша?

На шее белой сядешь ты,
  Я выпью очи голубы.
А пряди золотых волос
  Сгодятся нам для наших гнезд.

Восплачут многие о нем:
  Куда ушел, каким путем?
И ветер, обнаживши их,
  Подует меж костей белых».

ТРИ ВОРОНА

Три ворона среди ветвей
Чернели - некуда черней.

И одному речет другой:
«Где б нам позавтракать с тобой?»

Воитель в поле зеленом
Лежит убитый под щитом.

И псы в его лежат ногах
И стерегут хозяйский прах.

Над ним - его же сокола,
Чтоб птица тронуть не могла.

К нему лебедушка бела
Пришла - проворней не могла.

Чело в крови подняв, она
Целует кровь, что столь ала.

Она на девичьих плечах
Снесла в могилу его прах.

К заутрене прах погребла,
К вечере кончилась сама.

Пусть таковым обрящет всяк –
Невесту, сокола, собак.

БЕССИ БЕЛЛ И МЕРИ ГРЕЙ

Ах, Бесси Белл и Мери Грей
В холмах далеких дом
Построили, покрыв его
Зеленым камышом,

О да, зеленым камышом
И вереском лиловым,
Но не спаслись от городской
Чумы под новым кровом.

При храме Метью им не лечь
Со знатною роднею –
Под солнцем греться их костям
В долине над рекою,

Хоть Бесси Белл и Мери Грей
В холмах далеких дом
Построили, покрыв его
Зеленым камышом.

ЛОРД РЭНДЕЛ

«Где ж ты был нынче, лорд Рэндел, сын мой?
Где ж ты был нынче, мой дорогой?»
«В чаще лесной я был; стели мне, мать,
Устал охотиться я и лягу спать».

«Где ж ты обедал, лорд Рэндел, сын мой?
Где ж ты обедал нынче, мой дорогой?»
«С милой обедали мы; стели мне, мать,
Устал охотиться я и лягу спать».

«Чем ты обедал, лорд Рэндел, сын мой?
Чем ты обедал нынче, мой дорогой?»
«Угрем вареным обедал; стели мне, мать,
Устал охотиться я и лягу спать».

«Где же борзые, лорд Рэндел, сын мой,
Где же борзые твои, мой дорогой?»
«Вспухли они и сдохли; стели мне, мать,
Устал охотиться я и лягу спать».

«Знать опоили, лорд Рэндел, сын мой!
Знать опоили тебя, мой дорогой!»
«Стало быть опоили; стели мне, мать,
Устал охотиться я и лягу спать».

ЛИЗЗИ УЭН

Сидит в покоях Лиззи Уэн
И слезы льет ручьем
Тут вопросил ее отец:
«Томишься ты о чем?»

«Томлюсь, томлюсь, отец родной,
О чем - отвечу я:
Меж братцем дорогим и мной
Явилося дитя».

Сидит в покоях Лиззи Уэн
И слезы льет ручьем
Тут братец вопросил ее:
«Томишься ты о чем?»

«Томлюсь, томлюся, братец мой,
О чем - отвечу я:
Меж мною, братец, и тобой
Явилося дитя».

«Сказала ль матери с отцом,
Сказала ль обо мне?» -
Он выхватил свой славный меч,
Висевший на бедре.

И голову срубив, рассек
Натрое Лиззи Уэн,
И к матери в покой пришел
Он страхом обуян.

«О чем томишься, Джорджи Уэн,
Что ходишь впопыхах,
Ты злое дело совершил
Затем и бледен так».

«Я злое дело совершил,
Ты в нем прости меня,
Борзую обезглавил я –
След не брала она».

«Ах, сын мой, кровь не столь красна
У борзых у собак!
Ты злое дело совершил
И то-то бледен так».

«Я злое дело совершил,
Ты в нем меня прости:
Рубил я тело Лиззи Уэн
На часточки на три».

«Когда вернется твой отец,
Что станешь делать ты?»
«Взойду я на бездонный челн
И скроюсь в глубь воды».

«Когда ж ты, сын мой, Джорджи Уэн,
Вернешься в отчий дом?»
«Как выйдут солнце и луна
На зелен луг вдвоем».

СЭР ПАТРИК СПЕНС

Король пил в Дамферлинге раз
Вино, чем кровь, красней:
«Кому доверю свой вести
Корабль из кораблей?»

Старейший рыцарь восстает
Из тех, кто был при нем:
«Сэр Патрик - лучший мореход
Из правивших челном».

Король посланье начертал,
Скрепил своей рукой
И сэру Патрику послал,
Вкушавшему покой.

И строчку первую прочтя,
Смеялся Патрик так!
Зато вторую строчку он
Не мог прочесть в слезах.

«Кто злую шутку пошутил
И кто послал меня

В лихую пору зимних бурь
  Идти через моря?»

«Эй, слуги верные мои,
  Заутра мы плывем».
«Ах, сэр, не говорите так –
  Не то как будет шторм.

Вчера я месяц зрел младой,
  И старая луна
Была в руках его - боюсь
  Нам гибель суждена».

Шотландцам пробковых подошв
  Эх, не мочить бы век!
Но глядь - и шляпы их плывут
  Волнения поверх.

Ах, леди, долго вам сидеть,
  Сжимая веер свой,
До той поры, как Патрик Спенс
  Воротится домой.

Ах, долго с гребнем в волосах
  Вам выходить на брег
И милых дожидать мужей,
  Что не придут вовек.

Сэр Патрик Спенс на глубине
  Саженей в пятьдесят
Лежит - шотландцы-молодцы
  У ног его лежат.

ЖЕНА ИЗ АШЕРС-УЭЛЛ

Жила жена у Ашерс-Уэлл,
Богатая жена;
За море трех своих сынов
Отправила она.

Но вот через неделю лишь,
Чрез считанные дни
До матери доходит весть,
Что сгинули сыны.

Но вот через неделю лишь
Всего чрез семь деньков
Доходит весть, что не видать
Ей вновь своих сынков.

«Вовек не молкни, бурный ветр,
До той поры гуди,
Пока мои три сына в дом
Не выйдут во плоти».

В ноябрьскую глухую ночь
Пришли сыны на двор -
У каждого на голове
Берестяной убор.

Ни у ручья и ни во рву,
Ни средь лесных болот,
А лишь у самых райских врат
Береза та растет.

Вздувайте, девицы, огонь,
  Готовьте пир горой -
Мои три сына живы вновь
  И вновь пришли домой.

Мать застелила им постель
  И уложила спать,
И в шаль закутавшись, к сынам
  Присела на кровать.

Но красный закричал петух
  И пестрый крикнул вслед;
И старший младшим говорит,
  Что близится рассвет.

Всего лишь раз вскричал петух,
  Крылами хлопнул раз;
И младший старшим говорит:
  «Настал прощанья час».

Петух вскричит, и ночь умчит
  И черви заворчат,
Коль не придти обратно в срок,
  Больнее будет, брат.

Прощай, прощай, родная мать,
  Прощай амбар и скот,
Прощай девица, что очаг
  Для матери зажжет.

ВЕЛИКИЙ СИЛКИ ИЗ СЬЮЛ-СКЕРРИ

Земна кормилица поет,
  Поет: «Младенец, баю-бай!
Не ведаю, где твой отец
  В какой ушел далекий край».

Вдруг некто у постели встал,
  И гость свирепый говорил:
«Отец младенца пред тобой,
  Хотя и не пригож на вид.

Когда на суше - человек,
  Тюлень - далеко от земли,
Великий Силки я в морях
  И проживаю в Сьюл-Скерри».

«Возможно ль, - девица речет,
  Она речет, - возможно ли,
Чтобы я чадо зачала
  С тюленем, что из Сьюл-Скерри».

Кидал он ей в подол мошну:
  «Отдай мне сына моего,
А золота возьми себе
  За то, что нянчила его.

Ужо настанет летний день,
  Осветит солнце камень всяк,
И я сынишку поведу
  Учиться плавать на морях.

Ты ж выйдешь замуж между тем
  За удалого пушкаря,
И первым выстрелом своим
  Убьет он сына и меня».

МЛАДАЯ ЛАНЬ

Гуляла девица одна,
  Где зелены сады,
Вдруг сквайр любезнейший пред ней –
  Любезней не найти.

Гуляла девица одна
  Под дубом зеленым,
Вдруг бойкий сквайр перед ней –
  Ну кто сравнится с ним?

«Свою накидку зелену
  Отдай мне без обид,
Коль жаль накидки зеленой,
  Отдай девичий стыд».

Брал деву за руку белу
  И клал средь зеленей,
Подняв же сызнова, дарил
  Серебрян гребень ей.

«Глядишь случится чадо, сэр,
  Иль не случится чад,
Но если с обхожденьем вы,
  То как вас величать?»

«Какого обхожденья взять
  С простого моряка –
Был обходителен, тебя
  Обхаживал пока.

Когда на корабле я - Джек,
  А иногда я - Джон,
Когда ж в отеческом дому –
  Джон Рэндел наречен».

«Вы лжете, лжете, милый друг,
Заврались вы точь-в-точь -
Я лорда Рэндела сама
Единственная дочь.

«Ты лжешь мне, девица-краса,
Ты завралась ей-ей -
Один у Рэндела я сын,
Вернувшийся с морей».

И тут из платья своего
Нож достает она,
И выпустив сердечну кровь,
Вдруг жизни лишена.

Поднявши труп родной сестры,
Он слезы льет над ним,
Хоронит милую сестру
Под дубом зеленым.

Тут повидаться он спешит
С отцом своим родным:
«Ах, лань моя, младая лань
Под дубом зеленым!»

«Далась тебе младая лань –
Их вдоволь есть у нас -
В загоне ланей сотни две,
И сотня про запас.

С подковами из серебра
Мы трех тебе дадим».
«Ах, лань моя, младая лань
Под дубом зеленым!»

«Далась тебе младая лань –
Ты лучшую у нас
Возьми, а худшую оставь –
Их много про запас».

«На что мне ваши лани, сэр,
Совсем не рад я им –
Ах, лань моя, младая лань
Под дубом зеленым!»

«Когда прекрасную сестру
Твою мы навестим,
Забудешь ты младую лань
Под дубом зеленым».

НОЖНЫ И НОЖ

Молва говорит, будто дочь короля
(Прекрасны на дроке цветы)*
От брата родного дитя понесла
(Но в дрок нам теперь не войти)**.

В отцовы угодья ведет он сестру
И лук свой берет и калену стрелу.

«Когда ты услышишь мой вопль больной,
Рази наповал меня острой стрелой.

Когда же умру я, зарой меня в прах,
И дерн положи у меня в головах».

И слышит, и слышит он вопль больной;
Стрела разлучилась с тугой тетивой***.

* Повторяется после первой строки.
** Повторяется после второй строки.
*** Повторяется после второй строки: «Но в дрок им теперь...».

Он вырыл могилу всех глубже могил
И рядом с сестрою дитя положил.

Когда ж он вернулся в палаты отца,
Там песням и пляскам не видно конца.

«Ах, Уилли, ах, Уилли, не весел ты что ж?»
«Утратил навеки я ножны и нож».

«Вот скоро причалят отцовы челны
И вновь привезут тебе нож и ножны».

«О, нет не обресть мне, хоть рана свежа,
Ни ножен таких, ни такого ножа»

УИЛЛИ УИНСБЕРИ

Ах, долго, долго был король
  В плену испанском, о!
Ах, долго Уилли Уинсбери
  Спал с дочерью его.

«О чем томишься, дочь Джанет,
  Что так бледна лицом? -
Хвораешь хворью иль была
  В постели с молодцом?
Измучена ль разлукою
  Ты с пленником отцом?»

«Здорова я и не была
  В постели с молодцом;
Измучена разлукою
  Я с пленником отцом».

«Сними пурпурный свой наряд,
  Взойди на сей камень,

И я на стан твой погляжу:
  Ты дева ль по сей день?»

Она снимает свой наряд,
  Восходит на камень;
Передник ей коротковат,
  Сама бледна, как тень.

«Могуч ли, славен ли, Джанет,
  Твой кавалер каков? -
Иль он разбойником пришел
  С испанских берегов?»

«Не славен он и не могуч –
  Мой Уилли Уинсбери,
Но коли нет его при мне,
  Не сплю я до зари».

Тут кличет верных слуг король –
  Всех слуг до одного,
Чтоб Уилли Уинсбери схватив,
  Повесили его.

Тут Уилли перед королем
  Предстал, одет в шелка,
Как злато - волосы, лицо –
  Белее молока.

«Не диво, - говорит король, -
  Что дочка сбилась с ног;
Когда б я женщиною был,
  Я б сам с тобой возлег».

Возьмешь ли дочь мою Джанет
  Законною женой? -
И дам я золота тебе,
  И наделю землей».

«Возьму я дочь твою Джанет
Законною женой,
Но не приму от короля
Я золота с землей.

Всех восемнадцать у меня
Есть мельниц водяных,
Зерна же моего и в год
Мне не смолоть на них».

ЭДВАРД

«Почто твой меч он весь в крови,
Эдвард, Эдвард?
Почто твой меч он весь в крови,
Почто глядишь печально?»
«Убил я сокола, увы,
Матерь, матерь,
Убил я сокола, увы,
Последнего нечайно».

«Соколья кровь не столь красна,
Эдвард, Эдвард,
Соколья кровь не столь красна,
Скажу тебе наверно».
«Убил я чалого коня,
Матерь, матерь,
Убил я чалого коня,
А был скакун примерный».

«Есть лучше конь у молодца,
Эдвард, Эдвард,
Есть лучше конь у молодца,
Печаль свою скажи мне».

«Убил я своего отца,
Матерь, матерь,
Убил я своего отца,
О горе и увы мне!»

«Какой грозит тебе закон,
Эдвард, Эдвард,
Какой грозит тебе закон,
Какое примешь горе?»
«Ступлю я на бездонный челн,
Матерь, матерь,
Ступлю я на бездонный челн
И в нем пущуся в море».

«А как твой замок будет тут,
Эдвард, Эдвард,
А как твой замок будет тут,
Твои хоромы дивны?»
«Пускай стоят, пока падут,
Матерь, матерь,
Пускай стоят, пока падут, -
В них боле не войти мне».

«Жене и чадам что же ты,
Эдвард, Эдвард,
Жене и чадам что же ты
Что им оставишь в долю?»
«Весь мир, чтоб по миру идти,
Матерь, матерь,
Весь мир, чтоб по миру идти –
Мне не видать их боле».

«А что же матери своей,
Эдвард, Эдвард,
А что же матери своей,
А что оставишь мне ты?»
«Проклятье черного черней,
Матерь, матерь,
Проклятье черного черней
За тайные советы».

ИЗАБЕЛЛА И ВОЛШЕБНЫЙ РЫЦАРЬ

Раз шьет Изабелла, вдруг внемлет далек
(Цветы цветут пестрей.)*
Волшебного рыцаря слышится рог.
(Наутро майских дней.)**

Коль рог этот дальний могла б я найти,
То рыцарь заснул бы на этой груди.

Чуть ею желанье произнесено,
Как рыцарь волшебный прыгнул к ней в окно.

И молвил он: «Речь твоя, дева, чудна –
Чуть в рог протрублю я, ты кличешь меня.

Идешь ли со мною в тот лес зеленой? –
Не хочешь идти - так поскачем со мной».

Под нею конь белый, под ним вороной,
И скачут вдвоем они в лес зеленой.

* Повторяется после первой строки.
** Повторяется после второй строки.

«С коня, Изабелла, скорее сойди -
Вот место, где с жизнью расстанешься ты».

«Дай, рыцарь, мне жизни хоть на полчаса,
Хоть раз повидать бы мне мать и отца».

«Лежат здесь принцессы, убитые мной –
Семь юных принцесс - ты им станешь восьмой».

«Сначала склони мне в колени главу,
И мы отдохнем, а потом я умру».

От ласк ее резвых объял его жар,
И крепко заснул он от девичьих чар.

Его же ремнем она вяжет его,
Его же клинком она режет его.

«Уж раз ты убил здесь семь юных принцесс,
То впредь, словно муж, возлежи с ними здесь».

ДЖЕНЕТ (ЛЕДИ МЕЙЗРИ)

Входит сестрица
  К ней в светлицу тут
И говорит: «Сестра Джанет,
  Ты, слышно, впала в блуд».

«Я впала в блуд? Я впала в блуд?
  Век не впаду я в блуд;
Ах, я совсем не такова,
  Как злые люди лгут».

Братец приходит
  К ней в светлицу тут
И говорит: «Сестра Джанет,
  Ты, слышно, впала в блуд».

«Я впала в блуд? Я впала в блуд?
  Век не впаду я в блуд;
Ах, я совсем не такова,
  Как злые люди лгут».

Матерь приходит
  К ней в светлицу тут
И говорит ей: «Дочь Джанет,
  Ты, слышно, впала в блуд».

«Я впала в блуд? Я впала в блуд?
  Дитя я зачала
С английским лордом - обещал
  Он замуж взять меня».

Входит отец к ней
  Во светлицу тут
И говорит ей: «Дочь Джанет,
  Ты, слышно, впала в блуд».

«Я впала в блуд? Я впала в блуд?
  Дитя я зачала
С английским лордом - обещал
  Он замуж взять меня».

И тут приходит нянька
  В светлицу к ней тайком,
Но слово выговорить ей
  Мешает в горле ком.

«Пошел отец твой за огнем,
За хворостом - братья,
Чтоб разложить высок костер
И сжечь на нем тебя».

«Ах, где мне отрока нанять
За злато и казну,
Чтоб к лорду милому скакал
В английску сторону?»

«Есть отрок, - нянька говорит, -
За злато и казну
Поскачет к господину он
В английску сторону».

И отрок, коль разрушен мост,
Плыл, жилясь, словно лук,
А выбравшись на брег, бежал,
Чуть переведши дух.

Он не стучался у ворот,
Не окликал он слуг,
Ограду он перемахнул,
Напрягшись, словно лук;
Хоть врат привратник не открыл,
А отрок в замке вдруг.

Явился перед лордом он
И на колени пал.
Тут лорд воскликнул: «Что за весть
Принес мне отрок-мал?

Иль пали крепости мои?
Иль двор сожжен дотла?
Невеста ль родила мне дочь,
Иль сына родила?»

«Не пали крепости твои,
  Двор не сожжен дотла,
Невеста сына или дочь
  Тебе не родила;
Но если ты не поспешишь,
  Ей гибель суждена.

За хворостом пошли братья,
  Папаша - за огнем,
Чтоб разложить высок костер
  И сжечь ее на нем».

«Седлайте вороного мне,
  Не тратя лишних слов,
Мне нужен самый резвый конь
  Из здешних скакунов».

Был первый конь его черней,
  Чем ворона крыло –
Конь мчал и мчал его, пока
  Не рухнул тяжело.

Был карим конь его другой,
  Был карим жеребец –
Он мчал и мчал его, пока
  Не рухнул наконец.

Был млечно-белым третий конь;
  Знать в добрый час на свет
Его кобыла родила:
  Домчал его к Джанет.

С наскоку лорд в огонь прыгнул,
  Как был - обут, одет,
Но лишь ее коснулся уст,
  Рассыпалась Джанет.

«О, кто осмелился средь вас
  Здесь так шутить с огнем -
Раскладывать высок костер
  И жечь Джанет на нем?»

И брат ответил: «Это мы
  Шутили здесь с огнем -
Костер высокий разложив,
  Сожгли Джанет на нем».

«Сожгу я за тебя, Джанет,
  Твоих отца и мать;
Сестре и брату за тебя
  Придется смерть принять.

И обнажится много спин,
  Земля не даст плодов,
Мужей утратят вдовы их
  И матери сынов».

ДВА БРАТА

Однажды в школу поутру
  Два брата вместе шли;
Один другому говорит:
  «Не побороться ли?»

Боролись так, боролись сяк,
  И наземь пал сэр Джон.
У сэра Уильяма был нож,
  И брата ранил он.

«Брат, на плечах меня снеси
К ручью, и снявши с плеч,
Водою рану мне омой –
Кровь перестанет течь».

И снес он брата на плечах
К ручью, и снявши с плеч,
Водою рану он омыл –
Кровь пуще стала течь.

«Брат, на плечах меня снеси
На приходской погост,
Могилу вырой, чтобы в ней
Лежал я в полный рост».

Брат на плечах его отнес
Ко храму на погост,
Могилу вырыл, чтобы брат
Лежал в ней в полный рост.

«Но что же я скажу отцу,
Коль спросит: «Где же Джон?»
«Скажи: он в Англию ушел
Папаше за вином».

«Но что ж я матери скажу,
Коль спросит: «Где же Джон?»
«Скажи: он в Англию ушел
Мамаше за сукном».

Но что же я скажу сестре,
Коль спросит: «Где же Джон?»
«Скажи: он в Англию ушел
Сестрице за кольцом».

«А что ж сказать мне, коль жена
Восплачет: «Где же Джон?»
«Скажи: ушел он на погост
И не вернется он».

ПРЕКРАСНАЯ ЭННИ

«Поуже застилай постель,
Спать привыкай одна,
Иду я за море, и там
Найдется мне жена –
За нею - злато и добро,
А где твоя казна?

Но кто же испечет хлеба,
Кто сварит брачный эль?
Невесту встретит кто мою
Из дальних из земель?»

«Як свадьбе испеку хлеба,
Сварю я брачный эль,
Невесту встречу я твою
Из дальних из земель».

«Но та, кто встретит нас, должна
Быть девице подстать -
Одеться в щегольской наряд
И волосы убрать».

«Как стану девице подстать? –
С тех пор как ей была,
Семь родила тебе сынов
И снова тяжела».

С молодшим сыном на руках
  И старший сын при ней –
Глядела с башни, как милой
  Придет из-за морей.

«Взойди, взойди на башню, сын,
  Взгляни на лоно вод –
Не видишь ли невесту ты,
  Что твой отец везет?»

«Сойди, сойди, родная мать,
  С высоких стен сойди –
Мне боязно, что упадешь
  Ты с этой высоты».

И вниз, и вниз идет она,
  Увидеть челн дружка –
Грот-мачта, стеньга на челне
  Из чиста серебра.

И вниз, и вниз идет она
  Узреть невесты челн —
Грот-мачта, стеньга на челне,
  Как золото на нем.

Всех семерых своих сынов
  Она, скрепясь душой,
Выводит Томаса встречать
  С невестою младой.

«Добро пожаловать домой,
  Лорд Томас вместе с той
Прекрасной леди, что привел
  Он собственной рукой.

Добро пожаловать в покой
И в горницы, мадам,
Добро пожаловать в наш дом,
Принадлежащий вам».

«Благодарю тебя, Энни,
Весьма благодарю;
Но как же ты походишь на
Энни, мою сестру.

Пришел заморский рыцарь к нам,
Похитил он сестру,
Черт побери его совсем,
А с ним - его страну»

В дверях, в палатах у Энни
Платочки под рукой,
Чтоб слезы ими утирать,
Когда польют рекой.

Накрыла длинные столы
И хлебом и вином,
Пьет воду бледную сама,
Чтоб не краснеть лицом.

Хлебами потчует гостей –
И белым и ржаным,
И от гостей отворотясь,
Свой плач не кажет им.

С гвоздя серебряна снимал
Он шелковый платок,
Платком шелковым вытирал
Он слезы ей со щек.

И тут, к гостям оборотясь,
  Смеется он гостям:
«Хозяйка прежняя милей
  Иль нынешняя вам?»

Под звуки месс и звон с небес
  Ночь наступает тут;
Лорд Томас с суженой своей
  Всяк в свой покой идут

Энни поблизости легла –
  «Вдруг позовут меня -
Увы, привел мне Бог дожить
  До этакого дня!

Имей не семь сынов - семь крыс,
  Шныряющих у стен,
Я б серой кошкою сама
  Их растерзала всех.

Имей семь зайцев - не сынов –
  Бегущих чрез поля,
Борзой собакою сама
  Их растерзала б я».

Увы скорбна сидит она,
  Печальна песнь ее,
Она рыдает: «Проклят тот,
  Кто причинил мне зло».

Невеста молвила: «Пока
  Я в платье и в туфлях,
Пойду узнаю у Энни,
  О чем рыдает так».

«О чем томишься ты, Энни,
  О чем твой тяжкий стон?
Иль в бочках кончилось вино,
  Иль хлеба нет на стол?

Кто твой отец, краса Энни?
  Твоя откуда мать?
Была ли у тебя сестра
  Иль, если был, то брат?»

«Граф Уэмис- это мой отец,
  Графиня Уэмис- мать,
Всяк домочадец для меня
  Был как сестра иль брат».

«Коль так, один у нас отец;
  Казну мою возьми,
Чтоб милого не потерять
  Без золотой казны.

Возьми все семь моих челна,
  Наполненных добром –
Ты сыну старшему из них
  Четыре дай потом;
А я, хвала тебе, Господь,
  Вернусь девицей в дом».

ДУХ МИЛОГО УИЛЬЯМА

Вот к дому Маргрет дух пришел,
  Издав тяжелый стон,
И долго в двери к ней стучал,
  Но безответно он.

«Иль это Филип, мой отец?
Иль это братец Джон?
Иль из земель шотландских мой
Возлюбленный пришел?»

«Нет, то не Филип, твой отец,
И то не братец Джон,
То из земель шотландских твой
Возлюбленный пришел.

Ах, Маргрет, Маргрет, тот обет,
Что дал я в старину,
Верни мне в верности обет,
Я ж твой тебе верну».

«Ах, Уилли, Уилли, твой обет
Я не верну спроста,
Сперва войди и поцелуй
Мне очи и уста».

«Нельзя мне в твой покой войти,
Ведь я - не человек;
Коль розовых коснусь я уст,
Твой не продлится век.

Ах, Маргрет, Маргрет, мой обет,
Что дал я встарину -
Верни мне в верности обет,
Я ж твой тебе верну».

«Ах, Уилли, Уилли, твой обет
Я не верну спроста,
Сначала обручимся мы
Колечками с перста».

«Ах, Маргрет, косточки мои
Лежат в чужой земле,

И только дух мой, только дух
  Пришел теперь к тебе».

Лилейно-белою она
  Тут повела рукой:
«Возьми же, Уилли, свой обет, -
  Дай Бог тебе покой».

Подол зеленый подобрав
  До щиколок, она
Всю зимню вековечну ночь
  За мертвым трупом шла.

«В ногах у Уилли, в головах
  Найдется ль места чуть?
Или под боком у тебя
  Быть может помещусь?»

«Не поместишься ни в ногах,
  Увы, ни в головах
И ни под боком у меня –
  Во гробе тесно так».

Тут красный закричал петух,
  И пестрый крикнул вслед;
«Ах, Маргрет милая, прощай –
  Пора мне на тот свет».

И не прибавив ни словца,
  Издав тяжелый стон,
Оставив Маргрет вновь одну,
  Исчез в тумане он.

«Ах, погоди, любовь моя,
  Не я ль тебе верна?» -
И побледнев, закрыв глаза,
  Скончалася она.

ХАЙНД ХОРН

В Шотландии родился он
И прозван был - младой Хайнд Хорн.

Письмо он пишет королю,
Мол, дочерь Джин твою люблю.

Он дал ей жезл как жених,
На нем семь жаворонков живых.

Она же в дар дала ему
Кольцо с алмазами семью.

«Коль потускнел в кольце алмаз,
Знай, кончилась любовь меж нас».

Вот на кольцо взглянул он раз
И видит: потускнел алмаз.

Пришел он с моря на причал,
Там нищего он повстречал.

«Какие новости, старик?»
Старик ответил: «Никаких.

Ах, вовсе нету новостей.
Лишь во дворце полно гостей.

Король на свадьбу звал гостей,
И длится свадьба сорок дней».

«Отдай лохмотья мне свои –
Мой алый плащ взамен возьми,

Да одолжи мне посох свой –
Взамен тебе - скакун лихой.

Чтоб мне власы прикрыть, старик,
Ты одолжи мне свой парик.

Тебе - на мельницу, отец,
А мне, младому - во дворец.

Тебе на мельницу нужда,
А мне - невеста молода».

Кто у дворцовых у ворот
Вина Хайнд Хорну поднесет? –

Невеста, выйдя на крыльцо.
И в чару бросил он кольцо.

«Где было взять тебе кольца? –
В земле, в воде иль - с мертвеца?»

«Не на воде, а на земле –
Сама кольцо дарила мне».

«Сниму наряд я свой драгой
И по миру пойду с тобой.

Сниму я свой багрян наряд,
Пойду с тобой из града в град».

«Ах, не снимай наряд драгой –
Все грады будут за тобой.

Ах, не снимай наряд багрян,
Обличье нищенско- обман».

Невесту сватал женишок,
В постель же с ней Хайнд Хорн возлег.

ПЛАЧ ВДОВЫ ИЗ ЗЕМЕЛЬ ПОГРАНИЧНЫХ

Мне дом построил мой супруг,
Цветами дом убрал вокруг.
Прекрасней не было хором,
Чем милым выстроенный дом.

Шел мимо некий человек,
Любитель воинских утех;
Он короля привел тайком,
И нет ни мужа, ни хором.

Убит мой рыцарь дорогой.
Добро король унес с собой.
Сбежала челядь от меня,
В беде осталась я одна.

Шью саван, слезы лью ручьем,
Сижу одна над мертвецом,
Сижу над ним и день и ночь –
Нет ни души, чтоб мне помочь.

Несла я тело на плечах
И отдыхала через шаг.
И прах, насыпанный над ним,
Покрыла дерном зеленым.

Легко ли было в те часы
Класть прах на желтые власы?
Могла ль без горечи в груди
Я оглянуться и уйти?

Раз милый рыцарь мой убит,
Живого мне не полюбить.
Кольцом волос пресветлых тех
Сковала я себя навек.

ЛОРД ТОМАС И КРАСА АНЕТ

Сидит лорд Томас на холме,
А с ним Анет-краса;
И ночь пришла, и скрылся свет –
Беседе нет конца.

Лорд Томас шутку пошутил,
В насмешку шутка ей:
«Вовеки не возьму жену
Я, не спросив друзей».

«Коль ты не женишься, никто
Не выйдет за тебя».
И вот он к матери пришел
И пал к ногам ея.

«Скажи мне, мать, скажи мне, мать,
Подай мне, мать, совет -
Взять темнолицую женой
Или красу Анет?»

«У темнолицей злата пуд,
А у красы-Анет
Краса короткая пройдет,
Коль ни полушки нет».

И вот приходит к брату он:
«Подай мне, брат, совет -
Взять темнолицую женой
Или красу Анет?»

«Быки у темнолицей, брат,
Коровы и быки;
Женись на темнолицей, брат,
А от Анет беги».

«Коровы сдохнут и быки
Падут того гляди,
И мне достанется одна
Неряха у плиты».

И вот приходит он к сестре:
«Подай, сестра, совет -
Взять темнолицую женой
Или красу Анет?»

«Брось темнолицую, бери
Красу Анет, потом
Не станешь каяться:
«Увы, Кого ввели мы в дом?»

«Всё ж мать послушаю свою,
Женюсь сейчас же я,
И пусть уйдет краса Анет
В далекие края».

И вот встает отец Анет,
Встает с рассветом дня.
Идет он к дочери в покой,
Где возлежит она.

«Вставай, вставай, краса Анет,
Оденься половчей;
Сей день у Девы Пресвятой
Венчают богачей».

«Служанки, мне без вас никак
Не расчесать волос;
Где вы плели одну косу,
Плетите десять кос.

Служанки, мне без вас наряд
Свой не надеть никак -
Тону я в тонком полотне,
В искусных кружевах».

Конь пляшет под красой Анет,
Как ветер мчится он,
Подкован златом впереди,
И сзади - серебром.

И есть две дюжины звонков
На гриве у коня;
Коль северный подует ветр,
То гривою звеня.

Собрались рыцари толпой
И едут по бокам,
Как за невестой, за Анет
С толпой прекрасных дам.

И в церковь Девы Пресвятой
Вошла Анет - краса;
И так сверкал ее наряд,
Что всем слепил глаза.

Как будто солнце, просияв,
Вошла Анет во храм -
На ней самой не просиять
Так ярко жемчугам.

И с темнолицею она,
Как рядом с тьмою - свет;
Невесту позабыл жених,
Едва вошла Анет.

Взял Томас розу, три раза
Облобызавши цвет,
Он на колени положил
Ее красе Анет.

Тут темнолицая речет,
Речет она со зла:
«Какою розовой водой
Ты мылась добела?»

«Тебе той розовой водой
Не мыться никогда -
Во чреве матери моей
Та розова вода».

Невеста шпильку из волос
Берет - острее нет -
И прямо в сердце бьет она
Умолкшую Анет.

Дивится Томас, отчего
Краса Анет бледна,
Но увидав сердечну кровь,
Лишился он ума.

Из ножен выхватил он вдруг
Острейший свой кинжал
И тем кинжалом поразил
Невесту наповал.

«Постой, постой, краса Анет,
Пообожди меня» -
Он бьет себя кинжалом в грудь,
Упав к ногам ея.

Одна могила - у стены,
Другая - за стеной;
И из одной шиповник рос,
Береза - из другой.

Росли, покуда не сплелись
Они по-над стеной,
Чтоб знали все: влюбленных прах
Зарыт в земле сырой.

ОКАЯННАЯ МАТЬ

Под тернием она легла
(Цветы прекрасны в поле)*
И тут же сына родила
(Но увядают вскоре.)**

«Не улыбайся так, дитя,
Твой детский смех мертвит меня».

Она ножом разит свой плод,
И с жизнью разлучился тот.

---

* Повторяется после первой строки.
** Повторяется после второй строки.

Могилу роет при луне,
И чадо предает земле.

И вот она пришла во храм,
И свое чадо видит там.

«Коль ты мое наверняка,
Тебя одену я в шелка».

«Имело чадо ты вчера,
Но ты не столь была добра».

Мать окаянная, в раю
Не быть тебе и на краю.

Мать окаянная, во мрак,
Во ад сойдешь за шагом шаг.

БРУМФИЛДСКИЙ ХОЛМ

Вот рыцарь со девицею
Встречались в дроке раз;
Заутра он приходит в дрок,
Она - в вечерний час.

В дому у матери своей
Решается она:
Идти ли на Брумфилдский холм,
Остаться я ль должна?

Пойду ли на Брумфилдский холм –
Девичеству конец;
Иль вероломной назовет
Меня мой молодец.

И тут вещунья говорит
Из верхнего окна:
«Ты сможешь и на холм сходить,
И в дом придти честна

На холме Брумфилдском узришь:
Твой милый спит в кустах –
Серебрян пояс в головах
И дрока ветвь - в ногах.

Ты с ветки той сорви цветы,
Их запах сладок так,
И в головах дружка рассыпь,
Рассыпь в его ногах.

И снявши кольца, на его
Десницу их надень,
Чтоб знал, проснувшись, дева с ним
Была здесь в оный день».

Она рассыпала цветы
На бел-кадык дружка,
Чтоб знал, девица от него
Девицею ушла.

«Мой конь - я за тебя платил
Ценою дорогой –
Почто не разбудил, когда
Она была со мной?»

«Звенел я сбруею и бил
Копытом, что есть сил,
Но всё не пробуждался ты,
И след ее простыл».

«Будь ты неладен, сокол мой,
Мой сокол дорогой,
Почто не разбудил, когда
Она была со мной?»

Звенел я колокольцем, бил
Крылами что есть сил,
Но всё не пробуждался ты,
И след ее простыл».

«Спеши, спеши, мой добрый конь,
За девою скорей,
А то насытишь здешних птиц
Ты плотию своей».

«Не мчись вдоль берега крута,
Не надрывай коня;
Скорей, чем птица через бор,
Чрез дрок летит она».

ИСПОВЕДЬ РОБЕРТА

С артелью Роберт в среду днем
Выходит в море раз;
Вдруг скрылись солнце и луна
И звездный свет из глаз.

Бросали жребий, чтоб узнать,
Кто жертве обречен.
На Роберта тот жребий пал –
Средь нас был старшим он.

«Не диво, - Роберт говорит, -
Что этот жребий мой:
Двух чад я с матерью прижил
И пятерых с сестрой.

Так бросьте в море, привязав
Меня к сырой доске.
И дайте мне иль утонуть,
Иль выплыть дайте мне».

Связали Роберта с доской
И бросили за борт,
Но он не тонет, а плывет –
Пускай его плывет.

И долго ль, коротко ли он
Был в море том, пока
Он Богоматерь не узрел
И с ней ее сынка.

«Идешь ли ты к своим дружкам,
Или идешь с женой?
Идешь ли в вышни небеса
Ты с Сыном и со Мной?»

«Я не пойду к своим дружкам,
Чтоб их не испугать,
Отправлюсь в вышни небеса
Я с вами, Сын и Мать».

«Не за избранничества честь,
Беру тебя с собой,
А лишь за исповедь твою
Над пропастью морской».

ИРЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА

МОЛЛИ БАН

Ходил Джимми Рэндел, охотясь в туман,
И не промахнулся - убил Молли Бан.
Шла Молли как начался дождь проливной,
От ливня укрылась она под листвой.
В переднике белом белел ее стан,
Как лебедь, но это была Молли Бан.

С ружьем он бросался к бедняжке скорей:
«Ах, Молли, ах, Молли, свет жизни моей!
Не я ли хотел тебя сделать женой?»
Он бросился к дяде с седой головой:
«Ах, дядя, ах, дядя, был в поле туман –
За лебедь приняв, я убил Молли Бан.

Ее застрелил я - то Молли была».
«Не вздумай бежать - мы поправим дела.
Тебя не повесят - нас деньги спасут».
Но Молли из гроба является в суд:
«Мой Джимми невинен - в переднике стан
Он принял за лебедь, охотясь в туман –
Ему на беду то была Молли Бан».

ГРУЗИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

* * *

Как на росстани на Божьей
у Господнего предела
не хотела душа с телом –
птица с гнéздом - расставаться:
расставаньице не на год,
не на век - на всю извечность –
то-то жалко, то-то трудно,
то-то зябко, то-то стыдно.

* * *

Знать, случится верное скончанье
вековечности и одночасью –
широте широкой обуженье,
долинé далекой обрыванье –
сколько мне, веревочке, не виться,
сколько мне, веревке, не вертеться,
сколько мне, плачевной, не клубиться,
в петелки, во память-узелочки.

ГРУЗИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

* * *

Горец, вскормлен горами ты,
Пищи меч ли не сыщет твой?
В луже вражеской крови ты
Оскользнулся ль когда стопой?
Что заставит шагнуть назад,
Если ты закипел душой?

* * *

Воин млад он тогда хорош,
Когда встал до зари дневной,
Хладен свой надевал доспех,
Собирался: «Иду на бой»,
Когда конь на дыбы вставал,
В нетерпенье гремел уздой,
Когда пустит он вскачь коня
И поскачет меж пуль герой.

* * *

«Ах ты, меч горемычный мой, -
Иванаури рек мечу, -
Подступает к порогу враг,
О врага тебя вычищу,
Враг умрет, либо я умру –
Жить с живым врагом не хочу».

* * *

Как и всяка речка льется своим следом,
всякий зверь лесной он рыщет своей тропкой,
всяка птица держит путь свой перелетный,
так и всяка речь течет своею кровью.
Коль скудеет кровь - и речь в ней убывает.
Пролила́ся кровь - речь каплет пословечно:
истекает с ней говорюшка людская,
истекает с кровью той и Слово Божье.
Со той скудости, с того ли кроволитья,
коли кровь до немоты обезъязычит –
всякий лей ее без имени и меры:
вопиет людская кровь - да нет отзыва.

* * *

Кабы сбылись все проклятьица людские,
кабы все отмщеньица отмстились,
стал бы белый свет - едина пустынь –
чисто поле, частый лес пречистый –
ан в пустыне той бесчеловечной
не нашлось бы грешника спасаться.

* * *

Как же зверя настигнешь ты,
Не поднявшись за третий склон?
Как героя узнаешь ты,
Если в бой не вступает он?

* * *

Пховец доблестный боя ждал,
Он у Черной стоял реки.
Подождавши, домой пошел,
Но шаванца нашел в пути.
Нет души, чтоб их развести –
Они рубятся до смерти.
С неба ворон спустился тут,
Полетел вслед за схваткой ли.
Он наелся телами их,
Крови выпил до одури.
Поднимался в возвратный путь,
Надсмеялся над воями:
Уступить бы из них кому –
Нет в них смысла от удали

* * *

Тот, кто доблестен, станет ли
Своей статью бахвалиться?
До околиц села ходить,
Чтоб взглянула красавица?
Его дело - рубить с плеча,
Лишь на меч свой надеяться.

* * *

Катится катучий камушек.
Падает падучий дождичек.
Всклянь течет текуча реченька
во свое ли синё море:
а сине море на волнах стоит,
а добры люди на своем стоят.

* * *

Всяко тело - на костях стоит.
Всяка душенька - на воздухах.
Всяко дело - на грехе стоит.
Всяка дума - на песке стоит.
Всяка церковь - на крови стоит.
Всякий вор - на белом камушке.

* * *

Старый Миндия, славен ты
Крепче волчьих коленями,
Ты веди за собой младых,
Необвыкших в сражении.

* * *

Хорнаулт-крепость мнилась мне
Золотыми хоромами.
Залегли за стеной стрелки –
Не стрелки, а архангелы.
Они пули пускали вдаль
Жемчугами-каменьями.

* * *

Воин млад он тогда хорош,
Когда в битве побил врага;
Свою удаль не хвалит он,
Не хулит он и сверстника;
Чуть с доспеха он кровь сотрет –
Натекла снова кровушка.

* * *

Слава храбрых хевсур сынам –
Так велось у вас испокон.
Меч, что в сечах испытан был
Лучше прангули рубит он.

* * *

В Божий час, в Господне время
как нашлет Господь насланье –
что нам грядый гром не грянет,
ворон что не проязычит,
что орел нам не проорлит –
глухо наше беспечалье,
как в глухом лесу колода:
несмышленые не смыслят,
а смышленые - не верят.

* * *

Во всех землях всё по зе́мну –
всё в Русее - по небесну:
в небе - солнце, в Руси - солнце,
в небе - месяц, в Руси - месяц,
в небе -звезды, в Руси - избы,
в небе - тучи, в Руси - вечер:
то-то диво русским людям,
то-то диво русским птицам,
то-то диво русским зве́рям,
то-то диво русским гадам!

* * *

То-то любо красавца ждать,
Как из боя придет герой,
Уж придет он, поведает
О своей доле, о чужой,
Но сначала про сверстников,
А потом уж - про подвиг свой.

* * *

Звук нагорного выстрела
Люб достойному воину.
Причастился святых даров,
Воин раненный пулею.
Коль умрет, схорони его,
И не мешкая долее!

* * *

Среди мужей собрания
Твоя речь ли - последняя,
А когда ополчатся в бой,
Первым ты оседлай коня.
Хочешь славы, с героем встань
Посредине сражения –
Впереди нападенья будь,
Позади отступления.

* * *

Ни отца с того света, ни матушки,
ни гонца с того света, ни выходца,
ни письма с того света, ни грамотки,
ни словесного нам челобитьеца.
А и было б письмо стогосветное –
мы читать-то не знаем грамоте,
писарям снести - у нас веры нет:
писаря - богохульцы, пьяницы.

* * *

Нам глаза даны,
чтоб потупиться.
Нам уста даны,
чтоб покривиться.
Нам душа дана,
чтоб сгасить ее.
Голова дана,
чтоб сносить ее.
Носи голову,
да не складывай,
терпи - горе ли? –
да не сказывай.

* * *

Млад Бецикуа, знаешь ли,
Что подстать мужу зрелому?
На отходе последним быть
Сможешь ли - первым быть в бою?
Коли сверстника ранили,
В бой сойдешь ли помочь ему?

* * *

Перед тьмой супротивников
Стой, герой, без сомнения.
Стар, не сетуй на старость ты
И на взора затмение,
Ты рассудок свой искушай
Для младых вразумления.

* * *

Рек Растом: был и я удал,
Ловко целился на скаку.
Средь своих не спесивился,
А коль не уступал - врагу.

* * *

Что, храбрец, убиваешься?
Не в стенанье - спасение!
Укрепи себя бодростью,
В нраве храбрых - терпение.

* * *

Бог еси на небеси - всяк в заботе на Руси:
богомольцы Богу молятся,
горемыки горе мыкают,
тугодумы туго думают,
краснобаи красных девок ймут,
а чистоплюи-то поплевывают,
толстосумы в де́ньгах рядятся,
пустомели бел-каме́нь едят,
кровопийцы руманею пьют,
казнокрады всё казну крадут,
а побратимы, знай, братаются.

* * *

Ради красного денька
пропьет рыба рыбака,
попадья пропьет попа,
старуха - старика,
корова - телка,
а бык - рога,
избу - друга,
а уж реченька пропьет
оба берега.

* * *

Боже, жалость великая,
Если умер средь нас герой!
В Чимге крепость обрушилась,
Выпал камушек угловой.
Миндиа Щегманвшвили
Солнца свет он унес с собой.
Опечалилось солнышко,
Закатилась заря звездой.
Полный месяц на небесах
Облачился в наряд черной.
В тайнике Гоштикаури –
Ждут врага они за горой.
Жаль, что нет с ними Миндии –
Не успел он изведать бой.

* * *

Волк, орел или воин млад –
Ни один не приручится;
Волк не кинет свой волчий след,
Воин млад - молодечества
Иль орел - орлий свой полет –
Он летать не разучится.
Волк по склону горы пройдет,
Отрясется с травы роса,
Наглядит свою цель орел –
С неба долу обрушится
И с костей твоих, тур младой,
Он склюет мясо дочиста.

* * *

Как на чуждой на сторонке
красно солнышко не всходит,
а и всходит, то не светит,
а и светит, то не греет,
а и греет, то не преет,
а и преет - не растет.

Как на ро́дной на сторонке
красно солнышко восходит,
в взошедши, ярко светит,
посветивши, жарко греет,
а погревши, горько преет,
а сопревши - не гниет!

* * *

Плачет доблестного жена:
«Не воротится млад герой».
Жена труса куражится:
«Первым мой прибежит домой».
Лучше нам не вернуться в дом,
Чем вернуться, оставив бой.

* * *

Уж не тяжко, не тяжко ли
Быть охотника суженой –
Уж как затемно он вставал,
Ложе с черной делил горой.

* * *

Умер всё ж Рекет Джамрули,
Лег и, словно во сне, затих.
Осенил его облак бел,
Солнца знак на плечах возник.
Налетали тут вороны,
А орлы отгоняли их.

* * *

Как добычу охотнику
Даст удача тебе в горах.
Не дала нынче - завтра даст –
Рок не грех на охотниках.

* * *

По душе смелый юноша –
Уж как резвой его стреле
В небе птицы не миновать,
Тура горного - на скале.
По душе ллне и дичь его –
Сок, кипящий на шашлыке.

* * *

Сух ли порох твой, юноша,
Гулок звук твоего ружья,
Звери горные плачутся:
Нет в горах от тебя житья.

* * *

Я убил барса на скале –
Чем с тремя был труднее бой –
Зверю грозному предстоять
Самой смерти трудней, герой.

* * *

Причитал Апшина из Бло,
Ветер плач нес издалека:
«Чуть взгляну на отроги гор,
Дрогнет сердце охотника.

Уж и сколько их полегало
Под каменьями навека.
Тот же рок ожидает нас –
Лучше чарку наполни-ка».

* * *

Ты медведя убил, Хумар.
Пшавских стад он не тронет вновь.
Славна руца того, кто дал
Нам испить супротивных кровь.

* * *

Уж как март ли, апрель и май
Был снегами завален я.
Я спалил лук со стрелами –
Нет тепла мне от их огня.
Уж медведя со шкурой съел,
Душу чистую оскверня.
Повстречались мне сестрицы –
Брата не признают родна,
Мать родная у очага
Сына не признает она.

* * *

Я таскал сено вилами,
Отдохнуть захотел в тени.
Поглядел вниз на Агма я –
На селение край горы –

Вкруг села ли - вершины гор,
Как зубцы крепостной стены.
Много знал я охотников –
Шли по краю небес они –
Всё-то гнались за турами
Да скончали младые дни,
Но иного на празднествах
Люди славят по имени.

* * *

Уж ружье ли промолвило:
«Мой хозяин богат лишь мной.
Пули с этого берега
Посылает он на другой...
Тур упал, и рога его
До семи ли вершков длиной».

* * *

Ты на туров средь скал взгляни –
Удивишься наверняка:
Где стоят, где лежат они,
Не удержатся и снега.
Оскользнется бедняга-тур –
На уступ обопрет рога,
Но того, кто им вслед идет,
Что же ждет млад-охотника?

* * *

Снег ли в Верхнем Бацалиго
Айв Нижнем - уже земля.
В Тенибеговой крепости
Правый угол потрескался.
Черный ворон на стену сел,
А под стену вползла змея.
Курдгелашвили Квирика –
Горе! - он умирает зря.
А и конь серый Квирики
С привязи сорывается.
А краса-жена Квирики
Тает, что воскова свеча.
– И зачем же ты, Квирика,
Да за турами поднялся!
Заведет тур, запутает
И на окал бросит острия.
Стольких туров сразивши им,
Не теряй своего ружья.
То-то взрадуются враги,
Следом - туры падухския,
А метхойцы проведают,
Дань придут брать в твои края.

* * *

– Тур печальный почто же ты
С черной долу сошел скалы?
– Юноша, словно вы, удал
Обошел меня край горы,

Он стрелою в меня пустил –
Под лопаткой - конец стрелы,
В страхе бросился я со скал,
А за мной следом - вороны.

* * *

Погляди на вершины гор –
Там стоят туры горные;
Уж рога их переплелись,
Что младые влюбленные.
Ты не стой, тур, не каменей –
Долго ли заалеть заре,
Эхо меткого выстрела
Не услышать тогда тебе.

* * *

Я оленя достал стрелой
На заре ранним утречком,
Но ушел он за кромку гор,
Лишь смешал свою кровь с песком...
Где ж - бедняга - он примет смерть,
Где ж рога свои сложит он?

* * *

На лугу в Караязах ли –
Два оленя - стрелять в кого? –
Уж как большего выбрал я –
Лучше б выбрал я меньшего.

* * *

Весть оленю олень принес:
«Знать, Папридзе наш занемог,
Не грохочет его ружье,
Нет в живых его, видит Бог».

Как ружье взгрохотало тут,
И олень повалился с ног...
«Коли умер Папридзе ваш,
Чье ж ружье грохотало впрок?»

* * *

– Ты же вскормлен в горах, олень,
Так почто же спустился с гор?
– Враг подругу мою убил,
Одиноко брожу с тех пор.

* * *

– Куда путь держишь, бел-олень,
Чьи рога ли раскидисты?
– Что же проку, стреножен конь,
О чужом тебе знать пути?
Отсмеешься, заслышав звон
Уж подков моих позади –
Господина к тебе домчу –
Под кинжалом забьешься ты.

* * *

Ты откуда бежишь, олень?
Где же кровью омылся ты?
– Из Алгети я в гору шел,
Где туманы белым-белы,
Сынов Хатуты встретил я,
Ввысь несу я конец стрелы.

* * *

Снег в горах и в долине снег,
Нет дороженьки пешему...
Во долу встало дерево
Как у речки на берегу.
В нем силки птицам ставлены...
Говорит птица птенчику:
«Полетишь в дерево - отдашь
Душу - Богу, а плоть - врагу».

* * *

Ах любезен мне сокол был,
Да покинул он молодца.
В Сачхере он на мост слетел –
Прозвенел звоном бубенца.
От того ли от звона ли
Города разрушалися.

* * *

Коршун выше охотится,
А орел - у подножья гор.
Коршун рек: «Вниз пусти меня».
«Не пущу», - отвечал орел.

* * *

Меж собой перекликнулись
В Сагурамо ли вороны:
«Поднимайтесь-ка, вороны,
Полетим вслед за пшавами.
Мы склюем их до косточек,
Крови выпьем на славу мы».

* * *

Как друг другу програяли
Среди скал Чемгских вороны:
«Вышел в поле Очиаур,
Коль У шишу догоним мы,
Уж при Корской реке лежат
Им убитые воины –
Он гаглейцев нам припасет,
Чтоб их кости клевали мы».

* * *

Черный ворон с горы черной
Полетел он и долу пал,
Пал, насытился падалью
И не хочет взлетать до скал.

* * *

Как заграяли вороны
На все хопские на леса:
«Уж иссяк в Хопи клич кровав –
Наш охотник преставился.
Чтоб спускалися о гор скорей
Посылайте к зверям гонца –
В чаще зверь не трепещет пусть,
А и в реченьке - рыбица,
Сына Кусты - на свете нет,
Не слыхать и его ружья,
Где был сад, там пасется лань,
Где был дом, роется свинья».

* * *

Ворон, Чара окрестности
Оглянул ли ты свысока?
Ты Велгуджу не видел ли -
Хухашвиловского быка?
– Видел. Был мне по вкусу бык –
Сладость глаз его велика,
Но отведать не смел - орел
Крыл размахом покрыл быка.

* * *

Бедолаги вы, вороны,
Плач по мертвым невнятен вам,
Пусть погиб самый доблестный,
Не дается слеза глазам.
Век на вас платье темное,
Светлое не пристало вам.
Сердце вырвав геройское,
Разорвете по часточкам,
Кровью пьяны, подыметесь,
Чтоб к Ильтойским лететь водам.

* * *

Пусть же вырастит сына мать –
Он один за двоих могуч.
Мать, зачем тебе сто сынов?
Пусть один, но грознее туч.

* * *

Пусть же вырастит сына мать,
Чтоб грозою был ворогам,
Чтоб чурался злоречья он,
Не давал бы покой ногам,
Чтоб его не страшила смерть,
Та, что жизнь омрачает нам.

* * *

Иль пошли Вы в своих отцов?
Ветры ль славу навеяли?
Пусть такой же взрастает сын
В Хевсурети у матери.

* * *

Поднимайся пораньше, мать,
Поскорей собери поесть –
В бой нас кликнут гляди того,
Зверь ли явится где-невесть.

Мать, не сетуй, что сын один,
Если многих славнее он.
В бой пойдет и в бою падет,
С верной смертию обручен.

* * *

Вижу, вижу, что сокол ты,
Но гнезда из которого?
У которой из матерей
Взял железного норова?

* * *

– Тала, где же твой молод сын,
По повадке тушин прямой?
– Он - в Сперацмо, и от него
Не укроется зверь лесной,
Просит он жеребцов прислать,
Чтобы туши свести домой.

* * *

Обойми меня, сыночек!
Засыпай с моею песней, нани-нанина.
Турок бродит по дороге -
Не добил его отец твой, нани-нанина.

Как нам быть, сыночек, нана,
Нам покой от турка редок, нани-нанина –
Всё имение отнимет
И повесит напоследок, нани-нанина.

В Урте мы сокрылись ныне,
Поджидать отца нам рано, нани-нанина,
Одиноко на равнине
Он воюет басурмана, нани-нанина.

Уходя, он заповедал:
Сыну путь войны положен, нани-нанина.
Ты был мал, но он проведал:
С малодушным, мол, не схож он, нани-нанина.

Лурджа взнуздан. Вслед отца ты
Поспешай дорогой трудной, нани-нанина.
Собрала тебе доспех я
И благословила путь твой, нани-нанина.

Лишь один тебе завет мой:
Помни, дитятко, средь боя, нани-нанина,
Спину не кажи врагам ты,
Будь их сотни пред тобою, нани-нанина.

* * *

Бай-бай, сыне, бай, мой хороший, бай,
Мой сердешный, бай, спи, сыночек, бай,
Свет очей мой, бай, ненаглядный, бай,
Спи порою, бай, стань героем, бай,
Враг повсюду, бай, только поспевай,
Вырастешь ли, бай, меч получишь, бай,
Береги свой край, край свой укрепляй...

* * *

Спи, Нана, Нанукеле, спи.
На покосе родился ты.
Утром мать принесет тебе
Млеком груди свои полны.
А и нам принесет хлеба:
«Ешьте сдобный хлеб, ангелы».

* * *

Вот колыбель - что свечечка.
А кто лежит в ней - светится.
Ах, ты цветочек райский мой...

* * *

Тя ль фиалка родила,
Роза ли взлелеяла,
Млеком лилия поит –
Сам ты бел, как лилия.

* * *

Засыпай, нана, нана, спи,
Сон на глазки твои сойди,
Пусть тебе гулят голуби,
Пусть тебя бают ангелы...

* * *

Солнце - моя матерь,
Отец - месяц светел,
Братцы - звездочки в ночи
Всё мерцают-светят.

* * *

Собрались многоумные
Доискаться ли знания:
Чем хозяин первей слуги?
Ум - души испытания?

Если тысячу стоит род,
Десять тыщ - воспитание,
Если сам негодящ, к чему
Родословное звание?

* * *

Стар, не сетуй на старость ты
И на взора затмение,
Ты рассудок свой искушай
Для младых вразумления.
Со своим ли, с чужим ли будь
Строг равно без зазрения.
Кто потомков не воспитал,
Зря ушел в край забвения.

* * *

Во Гудане возводят храм
И железом порог вершат.
– Ты поведай, Телдиаур,
Нам преданье на древний лад.
Говорит им Телдиаур:
– Прежде ум, а потом булат.

* * *

Господа всех веселее! Что за господа!
Вам под ноги - розы многи, знатны господа!
Вам дорога - радость многа, знатны господа!
Вам ли слава и услада, знатны господа!
Колыбель-то вся из злата, знатны господа!
В колыбели той дитя-то, знатны господа!
Господин, качай умело, знатны господа!
Чтоб дитя осталось цело, знатны господа!

* * *

Шарманаули, сокол ясный,
Косарям ли ты рад, как прежде?
Чтоб жнецов, косарей насытить,
Всё ль курдюк в молоке ты варишь?
Ты, повергнувший столько туров,
Всё ли носишь ружье-хирими?
Стольким недругам досадивший,
Всё ль ты прангули препоясан?
Обогревшую стольких пришлых
Всё ль латаешь медвежью полость?
Стольких вздоривших примиривший,
Всё ль несешь ты совету слово?

* * *

Со скалы Иванэ летел
Поднебеснее сокола;
Подавила и дэва бы
Павшая на него скала;
По пролившейся кровушке
А и лодка бы проплыла.

* * *

Натекла средь высоких скал
Лужа заячьей кровушки,
Припадали к ней два орла,
А напиться всё не могли.

НИКО САМАДАШВИЛИ

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

Стихи - это радость,
а Грузия - грусть,
пусть светлая и незабвенная пусть.

Друзья - это радость,
а Грузия - грусть,
пусть верная и неизбывная пусть.

Любовь - это радость,
а Грузия - грусть,
пусть страстная чаще для виду, но пусть.

Краса - это радость,
а Грузия - грусть,
пусть спеси пустынной исполнена - пусть.

Вино - это радость,
а Грузия - грусть,
и стол наш сегодня невесел и пуст.

Но вот что таят в себе все письмена.
Любовь для чего нам и дружба дана,
но вот в чем секрет и красы и вина:
Коль Грузия - грусть, значит - радость она.

Нико САМАДАШВИЛИ

ГЕНИЙ И ЗВОННИЦА

Как горящий угль, ты в ночи сверкал,
упованья свет испуская.
Сколько легкости было в них, Бог мой –
в твоем сердце, в думах, в покое!

Гнал куда же нас ты? Ненастья мрак
Всем пустынным полем оплакан.
О, с какой надеждой глядим мы, как
Руки тянутся дальше мрака!

Ты, как мать, что светом нас облила,
Ты лесных цветов был дыханьем.
Ты так пламенно бил в колокола –
Как звонарь в священном безумьи.

Нас могильный камень обнюхать смог,
Стало все кругом позлащенным...
Вот - на звоннице твоей - ржавый мох,
Вот - миры твоего молчанья.

* * *

Песнь грузинская: прекрасен
лад ее многоголосья.
Если бы могли поладить
люди, слившись, как мотив.
Добрых вин букет грузинский:
если бы могли и люди
сделаться добрей, прозрачней,
как вино, перебродив.

* * *

Всяк грузин наполовину
состоит из речи яркой –
не одни голосовые
связки, не язык один –
говорят глаза и плечи,
поза каждая, осанка,
а без рук красноречивых
нем бы сделался грузин.

ПОСЛЕДНИЕ ХРИСТИАНЕ
(БЕТАНИЯ)

Вот и корявые склоны Алгети,
Вырубок плеши как след от чесотки,
Горы курились в заре разноцветно,
Стадо клубилось в развалинах сонных.

Слизь по обрывам лизали утесы.
Легким цветенье давали дыхания корни.
Твердь раздалась, будто ад из глубин своих бросил
В высь беспредельную купол церковный.

Вниз мы спустились. Бетания тут же
К нам повернулась спиной, скрылась в лес безоглядно.
Нету греха на нас. Боже - приход наш
Не осквернил и церковной ограды.

Речка на нас натолкнулась в ущелье –
То были слезы младенцев закланных.
Вместе на склон поднимались - зачем-то
В полном молчанье и как-то совсем безотрадно.

* * *

Здесь опирался на посох крестьянин уставший –
здесь он застал понедельника раннюю дымку...
Я и поднесь различу на лице твоем, Лаша
След от пощечины Джелаладдина.

Царственно грудь здесь царица раскрыла,
Лента волос, как шаири, витая.
Здесь, где копытами роет могилу
Стадо, погибшего пастыря так погребая.

* * *

О рождении Гомера
семь исчезнувших навеки
городов доныне спорят.
Но в укор чужой вражде
всяк грузин святой царице
и воительнице всюду
поклоняться может: тайно
прах Тамар зарыт везде.

* * *

Этот край ветхозаветен:
здесь, как блик земного рая,
по словам Еклезиаста,
«сладок свет», как виноград.
Если ж лозы портят лисы –
их поймав, как Соломон вам
рек: «Возлюбленным несите
лис и свежих лисенят».

Время у храма так темную кожу изъело,
Что и наружу сочится лампады сиянье.
Мы - шесть грузин, мы, лишенные истинной веры –
Спаса развеять испуг мы едва в состоянье.

Мать, если б здесь ты пожертвовать мною решила,
Голову я б преклонил и меня б ты заклала,
Чтоб надо мною когда-нибудь тризну свершили,
Туч почерневших холодные черные капли,

Чтобы и ветры рекли: твоя матерь блаженна!..
Ты же ворвался бы к Богу юродивым сыном...
Чтоб, как причастья вино, моей крови движенье
В квеври бы ты залила и замазала глиной.

...Здесь обжигает крапива самшита кустарник,
Странник изваян здесь, отягощенный обетом.
В полой церковной коре и по днесь неустанно
Зодчий скрипит, что по имени людям неведом.

Нищий на паперти - он, как паук, схоронился,
Он - будто пена, что снята со смрадного ада –
Это не сказка, и были такой не измыслить -
Попросту птицы склевали его без остатка.

* * *

В праздник Святого Георгия, как говорят нам,
Даже язычники здесь преклоняли колени,
Глядя на дело людское - на муки распятья,
Нас же язвили: «Сынов человеческих племя!»

* * *

На дворе ноябрь, но лето
еще теплится в Алмати.
Яблоки - в ветвях зеленых
и фонарики хурмы,
но чем выше, тем рыжее
горный лес, а выше - иней,
выше - снег: чреда сезонов
вертикальна - до зимы.

* * *

Осень поздняя блаженна.
Урожай тяжелый собран.
И вино в огромных квеври,
по словам грузин «кипит»,
словно лава в недрах земных –
та, что вырвавшись наружу,
как усталость, замирает
в гор мозолистый гранит.

Мрачною вечно была колокольня –
Чуть зазвонишь - сором бросит в тебя своенравно.
Свети-Цховели таскал на спине подневольной
Кувшином сжатую, пенящуюся Арагву.

С слякотью липкой смешавшись, в гробнице
Хворостом кости лежат убиенных.
Рядом согбенная рига гнездится,
Реже - терновник и можжевельник.

* * *

Еле виднелась дорога. Внезапно на взгорье
Чувство, палившее нас, угасало, и сразу
Вой раздавался: то проклятый взором Господним
Волк очумелый завыл из ущелья Варази.

Трудно быть вечной тоской удрученным,
Грубым зевком совершать заклинанье...
Без сожаленья мы храм оставляли вечерний,
Мы - напоследок оставленные христиане.

ИССОХШИЙ

Здесь в полях пустых, среди голых гор
словно волки друг друга жрали мы.
Вот картона: всадник – на блюде он
держит череп как логово гадины.

Мне наскучат тысячи лет моих.
Ночью в череп ящер пробраться рад –
В мысль к костям присохшую он проник –
Из глазниц червивых он глянет в сад.

* * *

С небесами селянина
цепь очажная связует:
на цепи - котел семейный,
пар съедобный - над котлом...
Цепь была той вертикалью,
что Иакову приснилась,
но зачах очаг, и все же
ХРАМ грузина - отчий дом.

* * *

С пышных гор, что к ночи солнце
спрятав, утром возвращают,
злые дэвы не спускались
в наши мирные места,
рыжей Дали не видали
в виноградниках окрестных,
но от древнего платана
тень священная густа.

ПРИ СВЕТЕ

Ты читал стихов непутевый строй,
И за тонкой грудью ныло сердце,
Лунных гор окрест ты глядел порой
Словно заблудившаяся птица.

Свет сочится в сад. Нес покой небес
Сонм мышей летучих или - сов он –
Звон цикад ночных улочки окрест
Был в пещеры дряхлые зовом.

ВОН

Выйду наружу. Прикрою врата невезенья.
И поклонюсь деревам, тем, что жмутся,
собравшись во двор —
Лишь на губах - привкус мутной судьбы - злое зелье,
Соль сожаленья, да дланям протянутым - скорбь.
Как окаянный, вот так я погибну навеки.
Дуба пронзительный вопль разнесется окрест.
Но, как пастух, Спас все дальше погонит столетья –
Он до корней дал им мира истоки объесть.

ОТВЕТ

Окна открою, на город взгляну я:
Жаркое марево дремлет на улицах.
Заколочу окна, свет их задую,
Сердце вскипит и печально нахмурится.

Ты ж оставайся там уличным нищим –
Счастье людское разглядывай низкое...
Ты ж, словно дятел, стучи бесконечно
В полого мира поверхность дуплистую.

* * *

Если кто-то умер в доме,
целый год в стенах печальных
петь нельзя застольных песен,
напевать ли за работой:
пусть покинувший жилище
слышит лишь, как дом родимый
ежедневно, еженощно
скорбь немая оглашает.

* * *

- Ненадежен ваш обычай:
если пьешь за человека,
что навек покинул землю,
слившись телом с ней - звучней
должен быть трезвон бокалов,
и тогда душа услышит
поминальный звон и речи
всех, тоскующих по ней.

* * *

Что он создал, кроме вот этих строк? –
Все метался, словно от сглазу –
Неужели этим недугом так
Вас перепугал и потряс он?

Он погиб, судьбою обиженный.
В темноте платаны молчали,
И мерцали звезды, как скважины –
Дыры в вечности изначальной.

ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ

Ото взоров ты за туманы скрыт –
Брось туманы - что ты все жмешься к ним!
На могучих гор поднимись хребет –
Этот бренный мир вмиг перешагни.

Если не найдешь в темноте пути,
Ветры вынесут яркий месяц вверх;
Даже кровь тебя не помирит с тем,
Кто твой след к земле прилепил навек.

Прямо - на хребет - острие горы.
Слёз туман оставь - что ты в нем найдешь?
Но ни слова боле не говори
И через миры ты перешагнешь.

* * *

Эта речь - сама горячность
солнечная (смысл вторичен)
и нарочитою, если
возомнишь ее, взгляни,
как в запястьях перекатов,
в мощных венах горных речек
негасимым пульсом бьется
голубая кровь страны.

* * *

Всяк народ - урок другому,
всяк народ - укор другому,
всяк народ - гора, с которой
лучше видно гребни гор,
что бушуют по соседству
неподвижно, безоглядно,
и породе их невнятен
ни урок и ни укор.

* * *

Человек один на крутом откосе виднелся.
За спиной ягдаш виснет, сам до странности весел:
Хоть неведом путь - куда ведет он неясно,
Человек всходил по крутой тропе и смеялся.

Может быть, его отошедший век позабыл здесь,
Как ненужную и бесплодную груду мыслей.
Вот перевалил он через хребта холод ясный:
Вглядывался в дол и смеялся все, все смеялся.

ТУДА

Мы погибнем. Но воспоминаний сонм –
он очнется вдруг в одночасье.
Будем долго мы толковать о том,
что при жизни было молчаньем.

И мои стихи в жар твоей груди
воробьиным влетят порханьем.
Хоть единый раз радость породив
там в могиле, о, упованье!

На груди моей будут ворковать,
сердце выклюют мне и - взор твой...
После стаей вторгнутся в вечный ад
и у вечности вопль исторгнут.

* * *

Нет, не женщины, а звезды
породили нас. С родимой
пядью праха у любого
есть космическая связь:
если ты рожден в Алмати,
солнце ходит над Алмати,
месяц ходит над Алмати,
звезды кружат отродясь.

* * *

Грузии издревней слава!
Алазанским долам слава!
Славному Алмати слава! –
здесь в краю души нагой
славны мужи, славны девы,
коньяки и вина славны,
но всего славнее слава –
слава славе дорогой!

НИКО САМАДАШВИЛИ

Он пошел в иное, а за рекой –
Тени с факелами... Идущий
Человек сгорал пламенно, легко,
Но с тоской на жизнь оглянувшись.

Внял туман зачавший проклятьям... Чу:
Где-то горы мрачные лают...
Влажность вечная полнит мрак пещер,
С сотворенья изнемогая.

И заря повисла на волоске.
Двери звонницы злым минувшим
Все изъедены... Он ушел, в тоске,
Сколько раз на жизнь оглянувшись.

К НИКО САМАДАШВИЛИ

Свищешь во мне, словно райская птица,
Ты весь подобен моим упованьям,
Помню прекрасно, когда у меня ты родился –
С воем собак было схоже ветров завыванье.

Но непутевый, не мог тебя пестовать сам я –
Тихой послушницы надобно было усердье...
Небо пространство окрест сотрясало,
Солнце кричало с конца, безначального света.

С сумрачным звоном цикад тебя люди ровняли,
Хотя тебя постоянно бил ветер наотмашь –
О, им казались болезнью, приятель,
Строки, что тело твое осыпали мучительной оспой.

Дрожь моя, трепет, озноб мой - они в сердцевине
Тела грызут и грызут мои кости извечно...
И опьяненного дымом курящимся винным,
О, я не раз целовал тебя в своем обличьи,

Покуда с губ помертвевших не схлынет
Злая тоска без конца и начала...
Грудь ты сосал у едва распустившейся сливы,
И богоматерь твою колыбельку качала.

Мукою стало тебе этих строчек кропанье –
Кто в шарлатанстве подобном нуждался на свете? –
Лучше когда б виноградник с утра окопал ты –
О, если б попросту ты бы их бросил на ветер!

Ветры охотней бы их прочитали
И покатились бы со смеху ветры.
Ночь рисовал ты моими слезами,
ими – Бетанию майским рассветом.

Я был бессилен унять тебя и урезонить,
Гнал я дубиной тебя, но слабели колени на круче...
Будто бы колокол треснул неслыханным звоном –
череп вот этот, что мне на чело нахлобучен...

Не позаботился, брат, о тебе - что поделаешь, если
Мы будто теней ветвистых испуганный всполох –
Только тебе еще ведомо бешенство мысли,
А у меня от скорбей волосинка последняя пала.

АТЕНСКИЙ СИОНИ

Лес коренился здесь изначально,
Как суета - быстротечный и хмурый.
И затаившись, как воры в ущелье,
Тишь и пещера попрятались в горы.

Плавно туманы курились... Как петли
Ржавых ворот - стонут петли ущелья...
Звезды осыпали ночь свою пеплом,
Будто бы небо изъедено молью.

Божьего света качаются дали
Вплоть до пределов дорог беспросветных...
А на холме тихо идолы спали,
Шедшие с воплем за временем следом.

Прежде меж жизнью и областью смерти
Речка текла здесь по имени Тана.
И, как петух, бренный мир с того света
О воскресенье кричал непрестанно.

Где-то в пещере горела лампада.
В дланях у теней дрожали иконы...
Близь Гардатани апостолы спали,
Устав нести свой обет непреклонный.

В прахе язычников Храм коренился.
Вместе с денницей всходило преданье...
След от стопы Нино в долине низкой,
Словно фиалка, что утром сорвали.

Вот ручеек, как бессмертье прозрачен,
Возле «Оленьего склона» горит он.
Детство провел здесь Исус непорочно,
Двор подметала здесь Дева Мария.

Тесно от паствы во храме великом...
А за стенами паломники пели.
Возле ограды - огромные липы,
Будто согбенные старцы-халдеи.

Резьба узорная кровлю взносила.
Песней жрецов разгорается месяц...
Вносят кресты. Светят паникадила.
Сыч закричал на горе Данахвиси.

РУБЕЖ

Дух испуская, он бросил взгляд
злой на простор полей:
Вывернутый наизнанку ад –
дальше, шипенье змей.

Как труп смердел он. Его ветра
Обнюхивали... За той
оградой бренности, как град –
пляски сандальный бой.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Галактион ТАБИДЗЕ

* * *

Шел тропой одиноко,
А вершина высоко
Ветхим обликом Бога
До небес вознеслась.
Вот и стало нас двое
Над лесистой тропою,
Ястреб плыл над горою
Очевидный для нас.
Стало трое нас, значит.
Скоро росы заплачут,
Миг вечерний прозрачен
И хорош без прикрас.
Ночь неслышная пала,
И нас семеро стало,
Когда выгнули скалы
Полумесяца лук.
Тысяча - вот число нам –
Ныне сущим исконным –
Мы идем - легионы
Так рядами идут.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

О ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА

СИЯНЬЕ БОЛИ
(заметки о жизни и творчестве Эмили Дикинсон)

СУДЬБЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

О ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА

Казалось бы, поэтический перевод невозможен. Непереводим прежде всего этимологический и семантический стык просто двух соседствующих слов. Причем тут именно даль этимологии окружает всю периферию семантической несовместимости. Можно точно воспроизвести образ, сохранить метрические и ритмические особенности стихотворения - но саму плоть и образа, и метра, и ритма, т.е. этимологическую связь слов, образующих эту плоть, передать невозможно. Достаточно сравнить любое понятие, выраженное на двух языках, чтобы убедиться, насколько различна их глубинная смысловая периферия, а она-то и определяет существо словесных сочетаний в поэзии, определяет глубже, чем поверхностный отстраненный от языка смысл этих сочетаний. (А ведь часто смысл вообще неотстраним от языка.) Такое же непреодолимое для переводчика препятствие - несоответствие исторического и культурного возраста каждого языка, определяющее его возможности не только в творчестве поэта, но и в восприятии этого творчества. Столь же непереводим всякий фольклор и всякое вторжение фольклора в профессиональную литературу, т.к. фольклор абсолютно выражает именно индивидуальные, сокровенные возможности каждого языка, зависящие от глубинных свойств национального характера. Фольклор непереводим именно потому, что органически ограничен определенным возрастом языка.

Непременный атрибут поэзии - сокровенность. Каждое подлинно поэтическое произведение есть тайна. И вот эту-то тайнопись, казалось бы, невозможнее всего перевести на чужой язык. Но здесь стоит поразмыслить и в самой безнадежности обрести надежду. Если поэзия всегда сокровенна, стало быть, она в какой-то мере выходит за пределы языка в область невыразимого, в область неизреченного. Не значит ли это, что несмотря на то, что поэзия живет языком, она, если можно так выразиться, выше, шире языка со всеми его невоспроизводимыми особенностями. Поэзия есть средство сообщения душ, она сло-

вами выражает, как это ни кажется парадоксально, невыразимое словами существо жизни человеческих душ. Сокровенное открывается в откровении, которым и старается быть подлинная поэзия. Вот эту-то сокровенную сущность каждого произведения и возможно перевести (т.к. она вне языка). О том, как это следует делать, много рассуждали, и рассуждениям этим не видно конца. В этом нет ничего странного- «школа перевода», очевидно, невозможна, ибо поэтический перевод, как и сама поэзия, дело слишком индивидуальное.

Мне хотелось бы отметить лишь несколько непременных, на мой взгляд, условий, при которых можно достичь определенной адекватности подлинника и перевода. Перевод должен быть максимально точным - в передаче чисто поэтических национальных особенностей произведения. Для этого нужно изыскивать пусть даже небывалые, неиспользованные возможности отечественной словесности, а отнюдь не замыкаться в ее состоявшемся опыте. Неизбежные отступления от точного соответствия оригиналу должны совершаться на основе глубочайшего анализа всех тенденций переводимого поэтического явления, а не соответствовать только данному конкретному произведению. Такого рода точность не есть буквальность, она куда точнее ее и допускает порой максимальные отклонения от оригинала.

Но прежде всего поэтический перевод должен быть поэтическим, а не версификационным явлением. Только в этом случае можно рассчитывать на передачу того сокровенного внелексического содержания поэзии, которое, в сущности, и является ее глубинным содержанием. Здесь мы сталкиваемся с самым сложным вопросом, стоящим перед переводчиком. Природа вдохновения, без которого невозможен подлинно поэтический перевод, абсолютно индивидуальна, и проникнуть в область сокровенного можно лишь единственным абсолютно индивидуальным путем. Поэтому в переводе неизбежно Должна проявиться личность переводчика. Это неминуемое личное искажение подлинника, может быть, есть единственная гарантия определенного соответствия ему.

СИЯНЬЕ БОЛИ

(заметки о жизни и творчестве Эмили Дикинсон)

1.

13 мая 1886 года в Новой Англии, штат Масачусетс, в городке Амхерст, скончалась в возрасте 56-ти лет Эмили Дикинсон. Похороны были немноголюдны. Но и из тех, кто собрался в стенах кирпичного дома на Мейн-стрит, лишь несколько самых близких друзей было допущено к открытому гробу. Среди этих избранных был единственный литератор, присутствующий на похоронах, известный в ту пору писатель Томас Хиггинсон. Памятуя этот день, он записал в своем дневнике: «В Амхерст - на похороны этого необычного и странного существа, Эмили Дикинсон. Местность прелестная, день превосходный...»

В ближайшие дни сестра Эмили Дикинсон, Лавиния, разбирая бумаги покойной, неожиданно для себя обнаружит в ящике стола 1775 стихотворений, которым предстоит стать достоянием не только американской, но и мировой литературы. Но пока об этом «странном существе» знают немногие и многие ли знают?

Эмили Дикинсон родилась 10 декабря 1830 года в том же городке, где и умерла. Отец ее был ведущим юристом Амхерста, казначеем амхерстской Академии и конгрессменом. О ее матери, Эмили Нори рос Дикинсон, в сущности, ничего не известно, кроме того, что она была женой почтенного господина Дикинсона и матерью его детей - Остина, старшего брата Эмили, и Лавинии, ее младшей сестры. Проучившись шесть лет в амхерстской Академии, Эмили Дикинсон поступила в 1847 году в женскую семинарию Маунт Холяси, но через год оставила ее и вернулась в Амхерст. По возвращении из гимназии Эмили поначалу живет так же, как все молодые люди Амхерста. Она охотно общается с ними и принимает участие в их развлечениях. Но, начиная с середины 60-х годов она постепенно исчезает с общественного горизонта Амхерста. Теперь о ее жизни знают лишь родители, сестра Лавиния, которая, подобно Эмили, так и не вышла замуж,

семья брата Остина и несколько близких друзей, с которыми она предпочитает общаться посредством почты. С середины 70-х годов Эмили живет почти в полной изоляции. Начиная с 1848 года и до самой смерти она всего три раза выезжала из Амхерста. В апреле-мае 1854 года она была вместе со всем семейством Дикинсон в Вашингтоне и Филадельфии и в 1864 и 1865 годах дважды выезжала в близлежащий Кембридж в связи с болезнью глаз. После возвращения из Кембриджа, она уже не только не покидает Амхерст, но вообще не выходит из родительского дома.
В течение этих 19 лет полного затворничества и стала складываться, поначалу лишь в Амхерсте, легенда о старой деве, женщине в белом, «полупомешанной дочери почтенного господина Дикинсона», как ее называли в городке. Детям мерещилась в сумерках ее белая фигура за оградой дома на Мейн-стрит, а их родители толковали о загадочной любви, которая послужила причиной ее самозаточения, и перебирали имена кандидатов на роль партнера.

Но вот Лавиния Дикинсон находит шестьдесят самодельных тетрадей или так называемых «пакетов» со стихами сестры и с помощью Мейбл Тоди и Томаса Хиггинсона издает в ноябре 1890 года первую книгу стихов Эмили Дикинсон. Во многом благодаря литературной известности Хиггинсона, написавшего по выходе книги статью об авторе, книга в короткий срок переиздается 12 раз. Вскоре выходит второй том и уже в начале 1893 года обсуждается вопрос об издании писем Эмили Дикинсон, которое предпринимается в 1894 году. Очень характерно, что письма издаются в то время, как большая часть поэтического наследия Дикинсон остается даже неразобранной. Очевидно, успеху первых книг Эмили Дикинсон больше всего содействовала необычайность ее биографии, рассказанной Хиггинсоном. Это подтверждает и тот факт, что, не найдя в опубликованных письмах никаких разъяснений ее загадочной судьбы, читатели и издатели утратили на некоторое время интерес и к ее поэзии.
Так или иначе, легенда о затворнице из Амхерста начинает распространяться за пределы Новой Англии. Когда в 1955 году появилось полное и систематическое издание стихотворений

Дикинсон, о ее жизни уже было написано немало исследований. Легенда эта создается и по сей день и основой ее является почти полное отсутствие точных биографических сведений.

У обитателей Амхерста, отличавшихся пуританской строгостью нравов, было в обычае после смерти уничтожать, не читая, корреспонденцию покойного. Эмили Дикинсон поручила эту миссию преданной служанке Мегги, много лет прослужившей в семье Дикинсон. Письма были уничтожены. Самых близких своих друзей Эмили пережила, а оставшиеся в живых родные и близкие были непроницаемо сдержаны в своих высказываниях, что тоже в характере пуританской Новой Англии. Никто из друзей и близких, хорошо знавших Эмили Дикинсон, не оставил воспоминаний.

Таким образом, о жизни Эмили Дикинсон можно судить только по ее стихам и по ее письмам, сохранившимся у друзей. Но чем откровеннее стихи, тем больше они скрывают. Письма же Эмили следует скорее отнести к области художественной прозы, причем так называемой «прозы поэтов», чем просто к эпистолярному жанру. В обоих случаях исследователь биографии имеет дело не собственно с жизненными фактами, но со сложным и творческим их осмыслением, а такого рода информация мало способствует решению его задачи.

Однако, до самого последнего дня исследователи не утратили острого интереса к личной судьбе Эмили Дикинсон. Это связано с их желанием объяснить природу поэтического гения Дикинсон определенными жизненными обстоятельствами, каким-то роковым поворотом судьбы. Каким образом человек прорывается сквозь завесу обыденности в мир творчества - это загадка, над которой испокон века бьются не только исследователи и люди, пассивно приобщенные к искусству, но и сами непосредственные его творцы. Попытка объяснить природу творчества поэта обстоятельствами его жизни достаточно сомнительна, так как столько же оснований предполагать, что необычность судьбы поэта как раз и связана с его причастностью к творчеству. Что же более рокового может случиться в судьбе поэта, чем просто тот факт, что он стал поэтом?

Если же произвольно не отделять судьбу от судьбы литературной, то необычная жизнь Эмили Дикинсон представляется прежде всего тем неизбежным конфликтом поэтического восприятия мира с реально устоявшимися формами жизни. Такое столкновение написано на роду всякому поэту, а обстоятельства жизни лишь определяют характер этого конфликта.

В середине XIX века в долине Коннектикут, где расположен Амхерст, происходил последний взлет пуританского духа, связанный с учением проповедника и пуританского философа Джонатана Эдвардса. Согласно этому учению, приобщение верующих к церкви должно было происходить посредством «таинства обращения». Акт обращения и приобщения к церкви был сознательным и ответственным. Церковь проводила так называемые «жатвы», обращая в свое лоно «потерянные души». Движение это было весьма активным и даже экзальтированным по всей долине и, в частности, в Амхерсте особенно потому, что пуританские идеалы провинции противостояли к этому времени процветавшим в Бостоне рационализму и унитаризму.

Характерно, что отец Эмили Дикинсон примкнул таким образом к церкви уже будучи на высоте общественного положения и сорока семи лет отроду лишь во время «жатвы» 1850 года одновременно с Лавинией и женой старшего сына Остина, который в свою очередь, последним в семье обратился к церкви в 1856 году. Раньше всех обратилась мать Эмили еще в 1831 году. Эмили не совершила этого никогда.

Семнадцатилетней девчонкой, поступив в женскую семинарию Маунт Холсон, Эмили должна была решить для себя вопрос о приобщении к церкви. В «семье» семинаристок существовало три категории учащихся: «исповедующие христианскую веру», «подающие надежду» и «безнадежные». Из 235-ти учениц в последнюю группу входило всего 26. Среди них была и Эмили Дикинсон. Но она сумела выделиться и среди этой группы. Она пошла на открытый бунт, не явившись на одно из собраний, где проводилось «спасение» «безнадежных». Этот шаг был чрезвычайно решительным и ставил Эмили в положение

отверженной не только в «семье» семинаристок, но и в собственной семье.

Из писем Эмили ясно, что этот бунт не был атеистическим. Скорее это было восстание против духовного формализма. Можно предположить, что Эмили понимала церковное обращение как полное отрешение от мирских идеалов, и с той, несколько даже экзальтированной, правдивостью, которая была присуща ей всю жизнь, сознавала невозможность сделать подобный шаг. Но тем более ей претило обращение формальное, до конца обдуманное. Впоследствии она писала своей подруге о том, что, несмотря на желание, ей «трудно оставить мир». «Берег безопасней, - писала Эмили, - но я люблю удары моря... о, я люблю опасность!»

Так Эмили Дикинсон вместо того, чтобы «оставить мир», оставила семинарию, проучившись в ней лишь год. Но и в своей семье он была, по ее словам, «дурной» среди праведных. Той же подруге она писала о своих домашних: «Они все верят, что нашли нечто. Я не могу сказать, ЧТО они нашли, но ОНИ думают, что это нечто драгоценное. Мне хотелось бы узнать, так ли это?»

Так ли это? Нашли ли близкие Эмили душевный мир во внешнем благообразии жизни?

Эдвард Дикинсон, отец Эмили, писал в свое время своей невесте, что они должны «готовиться к жизни, основанной на рациональном счастье». Вся его жизнь действительно была рациональным исполнением обязанностей отца, влиятельного юриста, общественного и политического деятеля. При совершении таинства обращения, пастор предупредил его: «Вы должны придти к Богу не как юрист, вы должны придти к нему как бедный грешник». Но Эдвард Дикинсон остался юристом не только в вере, но и в личной жизни. Он был отделен даже от самых близких ему людей своей формальной праведностью и, в сущности, как не раз отмечала Эмили Дикинсон, его жизнь была одинокой. «Его сердце было чистым и ужасным», - писала Эмили после смерти отца, и известно, что ужас этот был ведом всему семейству.

«Рациональное счастье» превратило мать Эмили в совершенно подавленное и безликое существо. «Моя мать не знает, что значит

думать. У меня никогда не было матери. Я предполагаю, что мать это тот человек, к которому спешишь в беде», - писала Дикинсон. Что можно прибавить к такой характеристике? Разве то, что Эмили считала смерть матери избавлением от бессмысленной жизни.

Наконец, навряд ли была счастлива сестра Лавиния, утверждавшая, что они с Эмили никогда не выйдут замуж, чтобы «не огорчать отца» - старая дева, всю жизнь разводившая кошек и ревниво опекавшая Эмили, причем после смерти последней не всегда красивыми средствами.

Природная любовь к «опасностям» самостоятельной духовной жизни и неприятие бездумного существования в религии и в быту дали возможность Эмили Дикинсон с юных лет осознать это внутреннее неблагополучие окружающей жизни. Это сознание и определило ее дальнейшую судьбу.

Исследователи биографии Эмили Дикинсон, особенно увлекающиеся фрейдистскими построениями, придают решающее значение в складывании ее судьбы деспотическому влиянию отца. Непонятно, как можно говорить о подавлении личности Эмили, вся жизнь и поэзия которой были именно невиданным примером сознательного самоопределения и самовыражения личности. Скорее наоборот, волевой характер отца, унаследованный Эмили, дал ей силы к этому самоопределению среди духовных и бытовых канонов жизни.

Но для такого самоопределения, чтобы оно не оставалось негативным, была необходима идейная основа, и счастливый случай вывел Эмили на твердую почву как раз в тот момент, когда ей пришлось ощутить духовную отверженность. В 1847 году навсегда вернувшись домой из семинарии, Эмили познакомилась с Бенджаменом Ньютоном, молодым юристом, только что поступившим на службу в контору отца. Ньютон стал для Эмили, по ее словам, «мягким, но все же строгим наставником». «Когда я была девчонкой, у меня был друг, который научил меня бессмертию...», - писала Эмили впоследствии. Это очень важное признание, так как тема бессмертия стала затем не только центральной темой ее поэзии, но и главным критерием в

восприятии жизни и суждения о ней. Тот же Ньютон пробудил в Эмили Дикинсон серьезный интерес к литературе и мечтал, как рассказывает Эмили, дожить до того дня, когда она станет поэтом. Рано скончавшись, Ньютон не дожил до этого дня, но благодаря ему два понятия - бессмертие и поэзия - навсегда связались в сознании Эмили Дикинсон.

Но исследователей гораздо больше занимает иная связь. Самый темный, а потому наиболее широко обсуждаемый в литературе о Дикинсон вопрос связан с историей ее любви. В ней усматривают то роковое событие в судьбе Эмили, которое сделало ее поэтом. Здесь как раз и проявляется желание найти во внешних событиях жизни истоки творчества Эмили Дикинсон. Кроме того, возможно, отсутствие фактического материала порождает жажду сенсационных открытий. Так или иначе, серьезные ученые занимаются по сей день тем же, чем занимались амхерстские обыватели в последние годы жизни Эмили - гаданием о том, кто был объектом и вдохновителем ее поэзии.

Факты таковы: существует предположение, что Эмили любила священника из Филадельфии Чарльза Водсворта, имевшего жену и детей, и что его отъезд в 1861 году в Сан-Франциско был связан с этой любовью, а также послужил причиной необыкновенного поэтического взлета, испытанного Эмили в 1862 году.

Предположение это делается на основании семейных преданий о трех-четырех встречах, происшедших между Эмили Дикинсон и Водсвортом. Несколько писем Водсворта и черновики писем Эмили, якобы обращенные к нему, исчерпывают фактический материал. Тщательным исследованиям подвергается также история отношений Эмили Дикинсон с судьей Отисом Лордом из Салема, происходивших в последние годы жизни Эмили, и вызывающих меньший интерес, возможно, потому исследователи тут имеют дело с менее эффектной, разделенной любовью, не столь продуктивно отразившейся в поэзии Дикинсон.

Любовная лирика Эмили Дикинсон, открытая для любых исследований, дает самое ясное представление о сути драмы, действительно произошедшей в ее жизни. Что же касается

частных обстоятельств, думается, что, хотя бы из благодарности, следует вспомнить волю самой Эмили, подобно тому, как ее исполнила ирландка Мегги, уничтожившая переписку.

Говоря о судьбе Эмили Дикинсон, важнее всего понять смысл ее многолетнего затворничества. Легенда, созданная вокруг судьбы Дикинсон, предпочтительно ищет ему романтическую основу. Но, очевидно, дело тут, собственно, в предпочтении, так как уход Эмили из внешней жизни представляется слишком закономерным. Духовное одиночество наступило гораздо раньше одиночества бытового. Оно наступило с того самого момента, как Эмили осознала, что внешние формы окружающей ее жизни не организуют, не гармонируют, а лишь СКРЫВАЮТ внутренний хаос человеческого бытия. Причем скрывают не только от постороннего взгляда, но и от самого человека, которого эти формы потому и устраивают. Личная трагедия драматизировалась именно этой отчужденностью от среды и, в конечном счете, привела к тому, что Эмили еще больше сосредоточилась на сознании своего одиночества. Поэзия, реализовавшая ее представление о бессмертном смысле сущего и дававшая выход душевному напряжению, с другой стороны, оборачивалась глухим непониманием и недоумением, что тоже не могло не усугубить одиночества. Нужны были силы для того, чтобы сохранить собственную «походку», говоря словами Эмили, и на этом пути.

Эмили явно сознавала, какую тяжесть решилась она поднять. Она говорила о своем положении: «Я в опасности». Затворившись от мира, Эмили просто подчинилась элементарному инстинкту самосохранения. Очевидно, чем непосредственней она общалась с людьми, тем острее ощущала она свою внутреннюю обособленность. Потому она стала избегать встреч даже с самыми ближайшими друзьями. Связь с миром поддерживалась лишь обширной перепиской. «Письмо всегда представлялось мне бессмертным, - пишет Эмили, - что же это, как не только смысл без друга по плоти?» Доискиваясь бессмертия и смысла существования, она хотела остаться с ним наедине, и девятнадцать лет, проведенных ею на втором этаже дома на

Мейн-стрит, были именно таким уединением. Одиночество Эмили Дикинсон имело характер не скрытый, а сокровенный. «Всяк всякому - запечатленный храм», - так понимала она сокровенность человеческой души. И она воплотила это свое представление в обыденной жизни. Не сделай она этого, возможно, у нее не достало бы сил на создание того мира, который открывается в ее поэзии.

2.

Возникновение серьезного интереса к поэзии не происходило у Дикинсон на голой почве. Отец ее в свое время получил классическое образование и потому, помимо непременной в каждом пуританском доме Библии, которую Эмили хорошо знала с детства, в библиотеке отца были Гомер в переводе Попа, Сервантес, Мильтон и даже четырехтомник Байрона. Сам отец читал только «Библию и одинокие строгие книги», но дети знакомились тайком от него с менее «одинокой» литературой, пусть для этого и приходилось прятать книгу Лонгфелло под крышку рояля. Знакомство с новейшей литературой, из которой Эмили выделяла сестер Бронте, Джоржа Элиота, Элизабет Броунинг, Диккенса и Эмерсона, происходило при содействии молодых людей, связанных по службе с отцом и бывавших в доме Дикинсона. Так студент колледжа Генри познакомил ее с Эмерсоном. Кроме того, ближайшие друзья Эмили Дикинсон, с которыми она была связана в течение всего своего плена, были прямо причастны к литературе. Самуэль Боулс, близкий друг семьи Дикинсон и лично Эмили, был широко известным в стране журналистом и с 1840 года издавал газету «Дейли Рипаблик». С 1841 года вторым издателем газеты становится Иссла Холанд, известный литератор, тоже тесно связанный с семьей Дикинсон. И тот и другой даже интересовались стихами Эмили, и хотя не видели в них «настоящей» поэзии, однако поражались их самобытностью. Влиянием Отиса Лорда объясняют почти исключительный интерес к Шекспиру, проявившийся в последние годы жизни Эмили, но возникший еще в юности. Когда

Эмили была вынуждена ограничить свое чтение в связи с ухудшением зрения, она позволяла себе читать только Шекспира, говоря, что не понимает, «зачем нужны другие книги». «За исключением Шекспира, ты дала мне больше знаний, чем кто-нибудь из когда-либо живших», - пишет она в 1861 году Сьюзан Джилберт, подруге своей юности, ставшей затем женой брата Остина и навсегда вошедшей в жизнь Эмили. Очень сильное сравнение недаром употреблено в отношении Сьюзан. Она была единственным человеком в семье, посвященным в поэтические занятия Эмили Дикинсон еще с юных лет, когда они обе считали, «что только они поэты, а все прочие - проза». После смерти Эмили у Сьюзан осталось около трехсот стихотворений Дикинсон, подаренных ей в свое время или отданных на суд. Ей же в 1861 году Эмили писала, что, возможно, они с Остином будут когда-нибудь гордиться ее творчеством. Только Сьюзан было известно о том, что поэтические опыты, которые Эмили предпринимала с ранней юности (два шуточных стихотворных послания, написанных в то время, были даже опубликованы), после того, как Эмили исполнилось 28 лет, приобретают характер серьезного литературного труда.

Когда в 1862 году Эмили Дикинсон посвятила в тайну своих литературных занятий Томаса Хиггинсона, единственного ей знакомого литератора, она уже была сложившимся поэтом.

1862 год в жизни Эмили Дикинсон несомненно связан с глубочайшим кризисом в личной жизни, который действительно совпадает с отъездом Чарльза Водсворта на западный берег. «Меня преследует страх, начиная с сентября мне некому рассказать о нем, и вот я пою, как поет мальчик у могилы, потому что мне страшно», - так рассказывает Эмили о своем тогдашнем состоянии. Никогда - ни до, ни после - «Пение» так не поглощало ее, как в этом году, в течение которого написано 356 стихотворений. Чувство одиночества («некому рассказать») в эту пору перелилось через край вмещавшей и разрешавшей его поэзии. Стихи хотели жить и требовали восприятия.

Воспреемником был избран весьма популярный в стране литератор, недавно оставивший университетскую кафедру и

целиком отдавшийся литературной проповеди либеральных взглядов своего времени, Томас Хиггинсон. Предполагается, что выбор пал на Хиггинсона потому, что он поощрял литературную деятельность женщин, а также вследствие впечатления, которое произвела на Эмили его статья в журнале «Атлантик Мансли» («Письмо к литературному сотруднику»), в которой он приветствовал начинания молодых литераторов.

Так или иначе, 10 апреля 1862 года в жизни Хиггинсона неведомо для него произошло важнейшее событие, связавшее его, в настоящее время основательно забытого писателя, с историей мировой литературы. В этот день он получил коротенькое письмо от Эмили Дикинсон. Она посылала ему четыре стихотворения и спрашивала, «живы ли» они и «дышат ли».

Так началась эта переписка, длившаяся до самой смерти Эмили Дикинсон и сыгравшая решающую роль в ее литературной судьбе. Получив первое письмо, Хиггинсон, по его словам, был «очарован и смущен». Очарован невиданной самобытностью этих четырех маленьких стихотворений и именно потому смущен невозможностью соотнести эти «прекрасные слова и мысли» с современными ему представлениями о поэзии. На этом основании он сделал вывод, что это вообще не поэзия, а причуда. В дальнейшем он пытался «вести ее в направлении правил и традиций», а Эмили поощряла его «хирургические» разборы ее стихов, называя его своим «наставником», а себя его «ученицей. Однако она совершенно пренебрегала его советами, и единственное, что удалось, по видимости, достичь Хиггинсону - это убедить Эмили не печататься. В этом его роковая, по мнению большинства исследователей, роль в литературной судьбе Дикинсон и мировой литературе вообще.

Но важнее всего уяснить, какой смысл имела эта переписка для самой Эмили. «Я всегда буду следовать вашим наставлениям, хотя я не понимаю их», - пишет Эмили и продолжает присылать «наставнику» стихи, ничуть не пострадавшие от его «хирургического» вмешательства. С другой стороны, и сам Хиггинсон, по собственному признанию, очень скоро понял, что «никакого наставничества не существует», а потому «оставил

всякую попытку хоть в малейшей степени направить эту необычную натуру». Чем же питалась эта многолетняя переписка?

Думается, что со стороны Хиггинсона это был писательский и просто человеческий интерес к этой «необычной натуре», употребляя его выражение, и просто к «этой сумасшедшей», употребляя выражение его жены.

Интерес Эмили был гораздо сложнее. В одном из поздних писем Хиггинсону она замечает: «О самых значительных наших поступках мы не ведаем. Вы не сознаете, что вы спасли мне жизнь». Хиггинсон, разумеется, расценил такое заявление, как очередную эксцентричность или, выражаясь языком нынешних исследователей, как склонность к «самодраматизации». Однако в этих словах был определенный смысл. Именно в 1862 году, когда Эмили обратилась к Хиггинсону, она написала следующее стихотворение:

Тебе мое посланье, мир –
Хоть ты меня не знал –
Все - что природа скажет мне –
В величии нежна.

Слова ее завещаны
Рукам незримым - к ней
Любовь питая - мой земляк –
Суди меня нежней.

Кроме того, 4 мая 1861 года и 1 марта 1862 года, незадолго до первого письма к Хиггинсону, в газете «Спринфилд Дейли Рипабликен» при содействии Самюэля Боулса были опубликованы два стихотворения Эмили Дикинсон. Стихи были опубликованы без подписи и изуродованы редакторской правкой. В эту пору Эмили, несомненно, хотела публиковаться, о чем свидетельствует одно из писем к Хиггинсону, но ей нужно было знать, найдет ли она достаточно «нежности» у будущих читателей. (Очевидно действовал все тот же сильно развитый в

Эмили инстинкт самосохранения.) Этот вопрос помог ей разрешить, если так можно выразиться, ПОДОПЫТНЫЙ «наставник», властитель душ ее «земляков» Томас Хиггинсон. Да, дело обстояло именно так - этот человек в прямом смысле СПАС Эмили от возможных последствий публикации. Без того болезненно чувствительный к соприкосновению с действительностью внутренний мир Эмили Дикинсон, возможно, не выдержал бы неизбежного вторжения извне, о характере которого можно было судить по «удивительному» для Эмили непониманию, обнаруженному знаменитым литератором. Отнюдь не советы Хиггинсона, не видевшего смысла в публикации ее стихов, сыграли главную роль в решении Эмили (она могла бы их отвергнуть с той же легкостью, с какой она отвергла его филологические наставления), а именно полное и безнадежное непонимание, которое было уделом Хиггинсона и тогда, когда он принимал участие в посмертном издании ее книги.

Характерно, что Хиггинсон, не постигший поэзии Дикинсон, не осознал и той роли, которую сыграл в ее жизни. Он не почувствовал скрытой насмешки, сквозившей в ее письме, например, в неожиданном вопросе: «Действительно ли вы достаточно сильны??» Он не понял, какую ответственность взял на себя, решившись безапелляционно судить о поэзии этой «сумасшедшей». Не понимал он и того, что сама Эмили прекрасно сознавала взятую им на себя ответственность и даже порой старалась ее усугубить. Когда знакомая Эмили, прославленная в то время писательница Элен Джексон, единственный человек, причастный к литературе, высоко оценивший творчество Дикинсон, настаивала на публикации ее стихов, Эмили просила именно своего «надежного друга» Томаса Хиггинсона сформулировать отказ, выдвигая его, по выражению последнего, в качестве «защиты».

Не надо строго судить ничего не понявшего Томаса Хиггинсона. Современникам всегда трудно понять подлинного поэта. Тем более это трудно сделать литератору, которого эти современники понимают. Только в одном отношении, пожалуй,

господин Хиггинсон достоин осуждения.

В статье, написанной по выходе первой книги Дикинсон, Томас Хиггинсон сообщает о том, что Эмили всегда и без достаточных к тому оснований надеялась на то, что он поможет ей «в решении непонятных проблем ее жизни». Это впечатление он вынес, по его словам, из многолетней переписки и из двух посещений Эмили в 1870 и 1873 годах. Именно то, что он сознавал эти надежды и все же не пытался понять, в чем заключаются «непонятные» проблемы, и, кроме того, так легко признавался в этом, кажется достаточно странным, имея в виду его высказывание о том, что они с Эмили «старые и испытанные друзья». Осуждать Томаса Хиггинсона можно за то, что он был для Эмили в таком же смысле другом, в каком он считался «наставником». Его равнодушные советы «не избегайте мужчин и женщин», его приглашения на просветительские лекции в Бостон (из многолетнего затворничества съездить на лекции о греческих богинях, которые будет читать бывший проповедник) - все это говорит о том, что он всегда относился к Эмили Дикинсон свысока и с тем пренебрежительным любопытством, с каким разумное существо просвещенного XIX века рассматривало отклонения от разумной нормы.

Хиггинсон сам себя ограбил своим равнодушием и, говоря о нем, важно помнить знаменательное замечание, сделанное Эмили во время его второго визита в Амхерст: «Всегда есть одна вещь, достойная благодарности - когда кто-либо бывает самим собой, не кем-то другим». Хиггинсон честно остался самим - новоанглийским джентльменом, храбрым полковником в пору Гражданской войны и процветающим литератором. Но тем самым он спас Эмили от столкновения с тогдашними литературными вкусами, которое, памятуя эмоциональную восприимчивость Дикинсон, могло бы иметь для нее тяжелые последствия. Кроме того, переписка с Хиггинсоном, очевидно, давала Эмили иллюзию литературного общения, в котором она нуждалась. Очень часто ее письма производят впечатление игры, но всегда чувствуется, что эта игра граничит с глубочайшей серьезностью и порой с отчаянной надеждой на понимание. Перед самой смертью Эмили,

уже сознавая свою кончину, написала Томасу Хиггинсону свою последнюю записку. Она состояла из одной фразы: «Бог - жив ли он сейчас? Мой друг - дышит ли он?» Возможно, она надеялась, что, задумавшись над этим вопросом, Хиггинсон поймет глубокий смысл вопроса, заданного ею много лет назад в первом письме к нему: «Жив ли мой стих, дышит ли он?»

Итак, Эмили Дикинсон, несмотря на предложения Боулса и Холанда, несмотря на уговоры и настояния Олса Джексон и предложения издателя Томаса Нальса, который все же опубликовал одно ее стихотворение в сборнике анонимных авторов, не решилась на публикацию своих стихов. Однако не следует думать, что Эмили совершенно равнодушно относилась к славе. Во всяком случае она знала ей цену:

Слава - пчела.
У ней есть песнь –
И жало есть –
Но также есть крыла.

Очевидно ядовитым свойствам славы Эмили придавала большее значение, чем тому окрыленному состоянию, которое она может дать. Но все решала, в конечном счете, вера в бесконечность духовного существования. Со славой можно было не спешить. «Если слава принадлежит мне, мне не избежать ее», - писала Эмили в том же бурном 1862 году. Зная представления Дикинсон о бессмертии, можно с уверенностью сказать, что она не ограничивает своего ожидания сроком земного существования.

Эмили не ошиблась. Слава пришла. Стихи и письма переиздаются. О ее жизни и творчестве написаны десятки исследований. Известность превращается в подлинное понимание не только в Америке и англоязычных странах, но и за пределами языка. Однако, очень характерно, что и в посмертной славе Эмили Дикинсон так же одинока, как и в своей земной жизни. Она так и не вошла в контекст современной ей литературы. Только теперь они поменялись ролями - знаменитые современники Эмили Дикинсон постепенно уходят в ту безызвестность, которую она

испытала при жизни. В настоящее время Эмили Дикинсон заняла исключительное и парадоксальное место в американской культуре - она, по общему признанию, является КЛАССИКОМ именно СОВРЕМЕННОЙ литературы. Так что нет смысла сетовать на сравнительно позднее признание творчества Дикинсон. В том инстинкте самосохранения, который удержал Эмили от соприкосновения с современной ей литературой, можно предположить верную интуицию: во время земной жизни Эмили Дикинсон настоящие ее современники еще не родились.

Литературная судьба Эмили Дикинсон, таким образом, говорит о сложной и парадоксальной связи культурных явлений, не исчерпывающихся представлениями о прогрессивном поступательном развитии культуры. Этот парадокс проявляется и в том отношении, в каком находится художник и современная ему эпоха. С одной стороны, художник несомненно находится вне времени, так как чужд установившимся культурным канонам, не понят современниками и не влияет на ход литературного процесса. Но, с другой стороны, эта самая эпоха порождает его искусство и именно по его творчеству потомки будут судить о плодотворности не воспринявшего своего поэта эпохи.

3.

Эмили Дикинсон поражало, «как живет большинство людей без единой мысли». Удивление ее понятно, поскольку сама она с юных лет была поглощена одной мыслью, разрешением одной загадки. «Я не могу сказать, как выглядит вечность, - писала Эмили, - она окружает меня, как море». Во всех проявлениях окружающей жизни она доискивалась вечного смысла, бессмертия. Именно этому ее «научил» в свое время Бенджамен Ньютон. Причем она хотела конкретизировать эти отвлеченные понятия, дать им реальную жизнь. В этом смысле надо понимать ее знаменитую фразу о том, что предметом ее занятий является все окружающее. И только в этом плане можно осмыслить трагедию ее взаимоотношений с внешним миром. Эта же точка зрения определяет и основную особенность поэтического видения

Эмили Дикинсон - его парадоксальную двуплановость. В ее стихах самым причудливым образом соседствуют глобальные понятия человеческого бытия - «природа», «смерть», «вечность», «бессмертие», «Голгофа» со всевозможными бабочками, пчелами, шмелями, лягушками, пауками и малыми птахами. Это пристальный взгляд одинокого человека, широко мыслящего и потому замечающего каждую мелочь:

Низки, убоги облака.
Снежинка - пешеход
Между амбаров и борозд
Пройдет иль не пройдет? -

Весь день сочится ветра плач –
Обидели певца –
Порой природу вроде нас
Застанешь без венца.

Интересно, что в приведенном стихотворении персонификация явлений природы - от малой снежинки до образа природы в целом - выражает их отчужденность от человека человеческими ее проявлениями - одиночеством, неприкаянностью, печалью. Отчужденность одинокой природы, ее самостоятельная и загадочная жизнь ощущается Эмили настолько остро, что порой перерастает в ужас:

Вся облачность сошлась плечом к плечу
Ее толкает хлад
И вспышка мечется как мышь
И до упаду чащи мчат
И гром как сущего распад
Лишь глубины могил
Вовеки не достигнет ад
Природы грозный пыл

Эмили было чуждо всякое пантеистическое обожествление

природы. Природа в ее представлении жила своей собственной стихийной жизнью и тем-то и была страшна сознающему ее человеку. И все же, чуждая человеку, природа была связана с творцом некой простой и органичной связью. Эту связь не затрудняло скудное сознание, обрекающее человека на одиночество и неслиянность с миром. Эмили доходила в этом ощущении прямо-таки до зависти к бессознательной природе:

Счастливый камушек-дружок
Один гуляет вдоль дорог,
И не влечет его успех,
Не мучают ни страх, ни грех –
От сотворенья, испокон –
В одежде скудной, босиком,
Но словно солнце, волен он –
Судьбу, которой наделен,
Исполнить с точностью планет,
Хотя ему и дела нет –

Ощущение того, что ее окружает «море вечности», близость бессмертия и непостижимость его - вот основной пафос восприятия «всего окружающего»:

Вечно лететь могли –
Птицы - часы - шмели –
Нет им элегии.

Вечно стоять могли –
Вечность - печаль - холмы –
Но без меня - одни.

Покой есть стремленье ввысь.
Но мне не изречь небес.
И тайна пребудет здесь!

Однако, «большинство людей» не замечало окружающей

тайны. Раздражение Эмили на духовный индифферентизм этого «большинства» сказалось прежде всего в неприятии той религиозной догмы, в которой ОНИ нашли нечто «драгоценное». Эмили Дикинсон начинает с того, что подвергает сомнению ИХ Бога именно потому, что он ИХ Бог и потому, что они в нем не сомневаются. Христианский Бог чужд Эмили Дикинсон прежде всего как личности, обладающей активным индивидуальным сознанием. Но ее отчуждение не означает отрицание. Бог, которого Эмили в своих стихах и письмах называет «Творцом» и «Господом», христианский он или нет, все же существует в ее представлении. Он существует так же, как и созданная им природа, совершенно обособлено от человека. Бог - «наш давний сосед», - говорит Эмили в одном из стихотворений. Но возможны ли с ним добрососедские отношения, Эмили не ясно. Она не знает, «есть ли Богу дело» до ее молитв, и сможет ли Он, «бесчувственный, как кремень», «расслышать вздох». Возможно, Его «неколебимые планы не принимают в расчет человека». Все эти вопросы, поставленные в стихах Дикинсон, ей непременно необходимо разрешить, в противном случае ее индивидуальные отношения с Богом будут унизительны для нее, будут, говоря ее словами, «нарядной нищетой». Однако, разрешить эти вопросы трудно, поскольку понятие Бога для Эмили слишком абстрактно. «Его стол слишком высок для нас», он «не имеет лица». Если понятие бессмертия настолько конкретно в представлении Дикинсон, что после утраты близких она ощущает, как оно становится «членом семьи», то понятие Бога все же остается понятием и потому диалектически разлагается:

Боже правый, отреши
Сделанное от души
Победительное зло,
Что украдкой в нас вошло –
Верить в нас - мне мнится так –
Праведнее - «Мы есть прах» –
Ты прости нам на краю,
Боже, двойственность свою -

И только в одном отношении, по мнению Дикинсон, непонятно «двойственный» Бог близок человеку даже в своем христианском обличии. В одном из своих писем она пишет: «Когда Иисус говорит нам о своем Отце, мы не верим ему, когда он показывает нам свой дом, мы отворачиваемся, но когда он поверяет нам то, что ему знакома скорбь, мы слушаем, потому что она и наша знакомая». Итак, близость к Божеству может достигаться только в ощущении, а не в сознании. Однако, сознание у Эмили Дикинсон слишком активно, и даже эта возможная близость оборачивается для нее диалектическим тупиком, как это видно из следующего четверостишия:

Создатель - в твоей власти –
Чтобы к тебе влеклась я –
Но это приближенье
Усугубит лишенья –

Приближение к Богу всегда представляется Эмили отдалением именно потому, что понятие Бога для нее слишком абстрактно.

Таким образом, Бог остается чуждым сознанию Эмили, и очень характерно, что отчуждение это так же, как отчуждение от природы, выражается в творчестве Дикинсон очеловечиванием его образа. Называя непонятного «двойственного» Бога «соседом», употребляя в отношении к нему такие выражения, как «вор», и «банкир», Эмили передает именно ощущение чуждости. Это кажется парадоксом, но на деле лишь выражает суть ее отношения к человеку, к ближнему.

Ибо человек, как самое понятное и близкое существо, именно ввиду этой понятности, наиболее чужд сознанию Дикинсон. Люди в ее представлении - «одинокие изгнанники», заключающие в своей груди «Голгофу боли», которые не сознают вокруг себя «заговора» природы и в представлении которых небо «слишком обычно» для того, чтобы его «безумно любить». Так же как безмолвной природы, она страшится «безмолвного человека», даже если его безмолвие таит в себе «величье». Ничтожество же человека вызывает у нее безграничное удивление:

Не цирк мне цирк -
А те - на улице -
Как будто зоосад
Мне мой сосед -
Мы зрелище -
для нас двоих глазеющих –

Трудно сильнее и горше выразить человеческую разобщенность.

Таким образом, человек, в представлении Дикинсон, отчужденный от природы и Бога, обреченный на одиночество среди себе подобных, должен один, силой собственного сознания проникнуть в тайну бессмертия, без которого существование бессмысленно, без которого «мы есть прах».

Отсюда понятен интерес Эмили Дикинсон к самой загадочной реальности бытия - к смерти. Однако, сказать, что смерть является центральной темой ее творчества, было бы ошибкой, несмотря на то, что более чем в 600-ах ее стихотворениях упоминается смерть. Суть как раз в том, что темой всех этих стихотворений является именно бессмертие. В стихах, посвященных утрате дорогих людей или просто бренности существования, поражает отсутствие обычных для такого предмета оттенков элегической грусти. Над всем преобладает пристальный интерес, который не заглушает даже то чувство, которое Эмили называла «экстазом разлучения»:

Кто зрел - как смертный взгляд
Кружится между стен –
Как будто что-то он искал –
И потускнел затем –
Затем ушел в туман
И слился с ним уже –
Не обнаружив ничего –
Кто зрел его - блажен –

Еще в 1844 году, тринадцатилетней девочкой, Эмили однажды,

по собственному признанию, почувствовала, что «тоже умрет, если ей не позволят взглянуть на умирающую подругу, Софью Холланд. И она глядела на нее ровно столько времени, сколько ей позволили, и «не проронила ни слезы», и разглядела все же на лице подруги «неземную улыбку». Этот жадный интерес к мгновению, отделяющему человека от возможного бессмертия, не оставлял ее всю жизнь и преобладал даже над обычным ужасом смерти. В одном из стихотворений она рассказывает о том, как боль утраты сменяется ревностью к умирающей, потому что той предстоит «немедленно» попасть туда, «где никому из нас не бывать». Эмили подчеркивает чрезвычайность и непостижимость смерти именно внешней ее обыденностью. В одном из прекраснейших стихотворений говорится о том, как она слышит «жужжанье мухи, умерев».

Это напряженнейшее вглядывание в смерть приводит Эмили иногда к самым неожиданным выводам:

Кто умер - успокоит нас
В наш смертный час тайком –
А тот - кто жив - уверит нас
В бессмертии людском –

И все же, как остро ни ощущай близость бессмертия, ему недостает той жизненной реальности, которой обладает та «малость», которую зовут «смертностью». Очень характерно то, что Эмили Дикинсон понимает вообще всю человеческую жизнь как состояние смертности:

Благослови простые дни,
Что годы вдаль ведут,
Но помни - им возможно
Нас в несколько минут
Лишить вот этой малости,
Что «смертностью» зовут.

Таким образом, «смертность» оставалась единственной реальностью, смерть - загадкой, которую «авось бессмертье разрешит», а само бессмертие - надеждой, или даже скорее сомнением. «Я рада, что есть бессмертие, - пишет Эмили, - но хотела бы отведать его сама, прежде чем ввергаться ему». «Сомнение, как москит, жужжит вокруг моей веры», - признается она с присущей ей прямотой сознания. Надо понять, что Эмили Дикинсон никогда, что называется, не мечтала о бессмертии - она всю жизнь активно сомневалась в нем и именно таким образом пыталась его постичь. Но чем активнее сомнение, тем оно горше:

Я знаю, краток прах
И бесконечна боль,
И страждет всяк,
Да что с того?

Я знаю, мы умрем –
Живейший из живых
Не одолеет тлен,
Да что с того?

Я знаю, в поднебесье
Все как-нибудь сгладится после,
В иное придет равновесье,
Да что с того?

Трудно сказать чего больше в этих стихах - горчайшей безысходности или необыкновенной отваги сознания. Совершенно не женское мужество сознания - одна из самых поразительных черт поэзии Дикинсон. В ее постижении вечности смысла «всего окружающего» не было ничего мечтательного, книжного; она прекрасно сознавала, как «высоко парит» именно «ослабший дух», когда крылья его - лишь взмах страниц». Критерием суждения для Эмили было жизненное понятие правды, и жажда правдивости доходила у нее порой до чудовищной экзальтации:

Мне нравится агония
Правдивая - кто б смог
Сыграть удары судорог,
Подделать вопль мук?
Взгляд потускнел - и это смерть –
Кто так сыграет роль,
Как лоб усеет каплями
Бесхитростная боль?

Эта жажда правды несомненно связана с неприятием той самоудовлетворенности, которая порождалась духовным формализмом, процветающим в окружающей жизни. Но дело не только в этом. Как всегда у Эмили пафос осмысления и тут поддерживается внутренним противоречием. С одной стороны, правда, «стара как БОР», она «его двойник». Правда «неколебима» и в существовании своем «переживает солнце». Но с другой стороны, оказывается, правде надо «верить». Она может исчезнуть вместе с «безжизненным» божеством. Поэтому истину надо высказывать «уклончиво» - в противном случае «правда ослепит всякого».

Таким образом, понятие правды в представлении Дикинсон ближе к понятию откровения, чем к той объективной достоверности, которую обычно обозначают этим словом. Но, во всяком случае, можно отметить, что понятие правды у Эмили не негативно, что оно никогда не обозначает просто разоблаченную ложь. Слепящий смысл правды непостижим и может раскрываться только творчески («уклончиво»), и потому правда в представлении Дикинсон сродни красоте:

Я умерла за красоту -
И сразу вслед за мной
Тот - кто за правду отдал жизнь -
В соседний лег покой.

«За что?» - спросил - «За красоту» -
Шепнула я в ответ -

«А я - за правду - ведь они
Сродни» - сказал сосед.

Как близкие - сойдясь в ночи –
Мы говорили с ним –
Покуда мох не тронул губ
И наших имен не скрыл –

Итак, в окружении чуждой природы, «сговорившейся» с Богом, затаившей тайну бессмертия, в чуждой среде бездушных людей, не дерзающих постичь эту тайну, живущих мелкой и лживой жизнью, которым можно верить, только когда они сотрясаются в агонии - где же человеку искать слепящей красоты правды? На этот вопрос Эмили Дикинсон ответила не только своей поэзией, но и всей жизнью. Единственный путь, оставшийся человеку одинокому и запутавшемуся в сетях собственного сознания, это самоуглубление, попытка проникнуть за пределы сомневающегося сознания в глубинную жизнь своей души.

Этот путь был пройден Эмили Дикинсон до конца. В обыденной жизни это выразилось в уходе из внешнего мира. В жизни внутренней это сказалось в невиданном акте - в отчуждении от себя собственной души, в осознании ее конфидентной, близким к высоким, но все же посторонним существом:

Самой себе составив общество,
Душа захлопнет дверь –
Хоть богочтимо большинство –
Не вторгнется теперь –

Так начинается одно из самых известных стихотворений Эмили Дикинсон. Такое отчуждение, выражающее последнюю степень безысходности трагического сознания, Эмили отважно и правдиво констатировала сама:

Душа самой себе –
Или дражайший друг –
Иль - как подосланный врагом
Лазутчик в стане мук –

Самой себе верна –
И не страшась измен –
Душа царит - и сносит все ж
Души ужасный плен –

Что же она обрела на такой глубине сознания, в этом «стане мук»? Нашла ли, постигла ли вечность, окружающую ее? Ответ на этот вопрос уже проскользнул в одном из приведенных стихотворений:

Я знаю, краток прах
И БЕСКОНЕЧНА боль...

Да, Эмили нашла самое что ни на есть реальное воплощение вечной жизни, и не вовне, а внутри себя. В одном из стихотворений Эмили говорит, что «у боли нет будущего, а только она сама» и что «БЕСКОНЕЧНАЯ сфера ее владений» «поглощает прошлое». Дикинсон не воспринимала течение жизни во времени как последовательный процесс развития. Боль, страдание, скорбь в ее представлении не знают времени и в них совершенно конкретно проявляется «окружающая, как море вечность». Причем понятие боли, страдания у Эмили надо понимать достаточно широко. Слова «любовь» и «Голгофа», например, часто соседствуют в ее стихах. Любовь и боль для нее также не двойники, как «правда» и «Божество». Любовь воспринимается как страдание, даже когда ее нет.

Коль нет любви - боль –
Владеешь ею - рана –

Именно в этом смысле надо понимать ее слова о том, что «любовь есть бессмертие». За пределами обыденности и процессуальной «смертности» жизнь есть область преображения человеческой души. Это преображение и есть как раз то «вторжение», в котором, по словам Эмили, познается Бог. Не последовательное выживание времени, а вневременное преображение глубокого и острого чувства в вечность - вот что, по мнению Дикинсон, определяет полноту человеческой жизни. И именно любовь, соприродная страданию, является для человека таким преображением для, говоря словами Эмили, «собратом воскресения, черпающим жизнь в восклицании: «Живи!» Потому, познав это состояние, Эмили, несмотря на личное одиночество и литературную безвестность, говорила: «Я нахожу восторг в бытии. Простое чувство жизни - уже достаточная радость». Оттого и назначение человека в жизни временами представляется ей настолько просто и отчетливо:

Унять одно сердцебиение –
И жизнь пройдет не зря
Иль чье-то облегчить страданье –
Боль утоля

Спасти малиновку-малютку –
В гнездо обратно водворя –
И жизнь пройдет не зря.

Но пусть эта видимая легкость не будет обманчивой. Любовь, которая, по словам Эмили, «сама себе спасенье», всегда лишь ипостась страдания, и легкость конкретного бытия окупается страшной тяжестью сознания:

Мне ненавидеть некогда –
Имея смерть в виду –
Не столь просторна жизнь моя –
Чтоб разрешить вражду -

И некогда любить –
Но коль
Стараться каждый миг –
То малый тяжкий труд любви
По силам мне велик –

Таким «малым тяжким трудом любви» для Эмили Дикинсон было ее творчество. Труд этот действительно был велик, и все же оказался ей по силам. Тем бессмертием, которое она искала и которое она обрела в духовном преображении, она поделилась со всеми, сохранив его в своей поэзии, преобразующей «все окружающее». Так ее одиночество обернулось связью с тысячами сердец, воспринимающих красоту, причем красоту выстраданную, которую можно определить словами Эмили Дикинсон как «СИЯНЬЕ БОЛИ».

В одном из стихотворений, написанном в 1862 году, сказано, что «поэты-страдальцы не говорят - они перерабатывают свою острую боль в звук». Это - в сущности, определение формального метода, всей поэтики Эмили Дикинсон. Очень важно отметить тот факт, что сама Эмили определеннейшим образом осознает природу своей поэзии. Исходя из традиционных представлений о поэзии, все тот же Томас Хиггинсон как главные недостатки отметил две черты в поэтике Дикинсон: «СУДОРОЖНОСТЬ» и «НЕПОДКОНТРОЛЬНОСТЬ». Эмили Дикинсон отвечала ему: «Вы полагаете, что моя походка «судорожна». Я в опасности. Вы полагаете, что я «неподконтрольна». Надо мной нет трибунала». Впечатление «судорожности» в поэзии Дикинсон достигается необычайно живой интонационностью письма. Живая трепетная боль требует этой живой интонации. И ради передачи этой интонации ломается метр, синтаксис и обычный фразеологический строй:

Я никто! А ты кто?
Тоже ведь никто?
Итак мы пара? - но молчи –
Изгонят нас не то.

Как мелочно быть кем-то –
И как лягушка вот –
Весь день превозносить себя
Пред лучшим из болот!

Именно такой интонационный строй и создает впечатление «неподконтрольности», то есть нетрадиционности («нет трибунала»). Отсюда та самобытность, которая одновременно отпугивала и привлекала первых читателей Дикинсон, самобытность, которая делала ее в их глазах, по ее выражению, какой-то «кенгуру в мире прекрасного». Это впечатление еще усиливалось обилием диссонансных и недостаточных рифм, которые, в сущности, выражали ту же ее «судорожность» и определенную дисгармонию, которая естественно присуща боли, но которая воспринималась современниками как неумелость в рифмовке. То же впечатление неумелости и чуть ли ни неграмотности производила манера записывать стихи «через тире» - единственный знак пунктуации, применявшийся Эмили, примерно начиная с I860 года, при записи стихов и заменявший собой даже точку. На деле таким образом Эмили всего лишь пыталась облегчить восприятие все той же живой интонации, надломившей традиционный синтаксис.

Интересно отметить несколько характерных и, по видимости, противоречивых черт в поэтике Дикинсон. Например, органическое сочетание живой интонации с афористичностью:

Сиянье боли - как
Сияние небес –
На вес толпою ценится –
Предела не обресть
Тому - кто весь в трудах –
Посереди холма –
Тому ж - кто до вершин дошел –
Лишь все - всего цена.

Таким же, по видимости, противоречием может показаться и тот факт, что стихи Эмили Дикинсон, которые производят на современного исследователя впечатление почти «абсолютной оригинальности», на деле являются, как отмечает Томас Джонсон, комбинацией или простым воспроизведением тех метров, которые были знакомы Эмили с детства по сборнику псалмов Уотса. В той же связи находится тот факт, что так же, казалось бы, абсолютно своеобразная образность Дикинсон, согласно исследованию Джека Калпса, очень часто является лишь своеобразным переосмысливанием библейских образов.

Все эти видимые противоречия только подчеркивают, что оригинальность поэтики Эмили Дикинсон никогда не была для нее самоцелью, а была эмоционально и духовно мотивирована и по существу органична. Потому она так легко и внешне бесследно поглощала в себе все извне воспринятое. Кроме того, эти же соображения избавляют от необходимости рассуждать о нарушении традиций, столь раздражающем когда-то господина Хиггинсона, так как оригинальность, в конечном счете, всегда является лишь оригинальным восприятием предшествующего поэтического опыта.

Сказанное выше о двуплановости поэтического зрения Эмили Дикинсон, возможно, отчасти разрешит вопрос о кажущейся умозрительности поэзии Дикинсон. Ей было совершенно чуждо книжное отвлеченное мышление, естественно несовместимое с судорогами сознания, а понятия, на первый взгляд отвлеченные, являются в ее стихах лишь для того, чтобы обрести конкретный жизненный смысл:

Предчувствие - длинней в долине тень –
И значит - угасает день –
И вздрогнув чувствует трава –
Вступает ночь в свои права –

Очень важно правильно понять значение лаконичности коротких или - как их называют американские исследователи - «гномических» стихов Дикинсон. На примере только что

приведенного стихотворения можно видеть, что Эмили не пытается свести реальность к афоризму, знаку. Наоборот, краткость и афористичность лишь подчеркивают зыбкость и безграничность периферии образа. Отвлеченное и точное понятие становится тайной, предстает, как говорил Блок, «окутанным в цветной туман». С этой точки зрения нужно рассматривать затемненность некоторых образов в поэзии Дикинсон. Эта тайнопись связана с попыткой проникнуть за пределы познаваемого и в этом своем стремлении ясна.

В настоящее время исследователей поражает современность поэтики Эмили Дикинсон. Действительно, то послание, которое она оставила грядущему миру, оказалось написанным на его грядущем языке. Это равносильно чуду. Но, возможно, ее поэтические приемы потому и кажутся современными, что выражают современное мироощущение, которое всего необычней в ее поэзии. Недаром ее стихи открывают все антологии современной американской поэзии.

Основную черту литературной и личной судьбы Эмили Дикинсон можно выразить строкой Осипа Мандельштама: «Нет, никогда ничей я не был современник». Трагедия одинокого сознания, породившая поэзию Эмили Дикинсон и естественно выразившаяся в ее личном одиночестве, вывела ее за пределы конкретного времени, конкретных интересов какой бы то ни было эпохи. То «сиянье боли», которое озарило для нее мир, действительно оказалось вневременным. Потому, не будучи «ничьим современником», пока речь идет о внешнем опосредствовании человека во времени, она всегда будет современна каждому, в ком есть внутренняя жизнь души.

СУДЬБЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Предисловие к сборнику «Росстань» (1979 - 1980)

Фольклора на Руси хватились в тот момент, когда на основной территории страны он сохранялся в формах окончательной деградации и распада. Лишь на окраинах империи, среди казенных крестьян Севера и пограничного казачества удалось буквально в последний момент записать нечто, имеющее отношение к первоначальным чистым формам. В 1804 году был опубликован сборник Кирши Данилова, происхождение которого по сей день легендарно, а качество записей сомнительно. В начале XIX века произошел взрыв интереса к фольклору, однако взрыв этот, скорей, напоминал будущие взрывы народовольческих бомб - интерес к фольклору был снисходительно-демократическим, иногда граничил с национализмом, но всегда оставался тенденциозным. В фольклоре искали не таинственных первооснов поэтического сознания, но конкретных подтверждений своей, скажем, славянофильской или социально утопической правоте. Поэтому наибольший интерес у профессионалов вызывали весьма поздние жанры (исторические, разбойничьи, повстанческие, солдатские песни и, слава Богу, лирика, якобы «отражавшая» народный быт), так что эпосом пришлось заниматься дилетанту Рыбникову - только благодаря его самонадеянности мы имеем первое и лучшее собрание русских былин (1861). Через десять лет Гильфердинг профессионально констатировал прогрессирующее забвенье, а собрание Соколовых (1926-1928) зафиксировало окончательный склероз и маразм.

XIX век не спешил с собиранием (а XX и спешить-то некуда), ибо прогрессивный XIX верил в прогрессивное РАЗВИТИЕ фольклора, что равносильно вере в прогрессирующую молодость. Фольклор же на определенном уровне развития языка и культуры, подобно солнцу, единожды вспыхивает, и дальнейшее его «развитие» - потуханье. Иллюзию развития дают смена форм

жанрового вырождения от былины к частушке и вульгарное представление о том, что всякое непрофессиональное сочинительство суть уже фольклор - однако в анекдотах и городских частушках от фольклора остается разве что «folk» — таинственным «lore» и не пахнет.

Горше всего в судьбе русского фольклора то, что он не был органически усвоен поэзией профессиональной. Потому в наши дни фольклор умирает не совсем естественной смертью. Поверхностный интерес к нему породил убийственную культуру стилизации. Стилизация относится к живому народному стихосложению как сентиментальность к живому чувству. В основе стилизации лежит незнание МЕХАНИЗМА народной поэзии, особенно специфики форм поэтического мышления. Стилизация сводит несводимое: сакральный язык и троп фольклора именно в силу своей сакральности не уживаются со столь же сакральными языком и тропом профессиональной поэзии. Как всякая эклектика, стилизация оборачивается безвкусицей и бесплодностью формально-поэтического украшательства. Естественно, стилизаторы - от А.К. Толстого до, скажем, Цветаевой - в конечном счете подражают не невнятным источникам, а вполне понятной стилистической невменяемости Кольцова или Клюева, прельстившись их социальной причастностью к «народу». (Трудно созидать национальную культуру, если понятие «нация» подменяется неким сугубо социальным понятием «народ».)

Массовая культура превратила индивидуальные покушения на фольклор в естественную для XX века систему геноцида. Не дунаевские песенки, не абракадабра поп-групп, а хор Пятницкого и Государственный Воронежский хор активно уничтожают восприимчивость к фольклорной традиции в поэзии и музыке. Культура стилизации, как раковая опухоль пожирает живые клетки фольклорной памяти и в частности усугубляет феноменальное незнание фольклора в литературной среде.

Стихи этого сборника, пользуясь современным жаргоном,

можно было бы назвать АНТИСТИЛИЗАЦИЯМИ - действительно, не выходя за пределы лексики, просодии и тропа народного стихосложения, автор пытался подчеркнуть некоторые их, не замеченные стилизаторами особенности. Наибольшее внимание обращалось на типологию поэтического мышления. Единственное отступление от традиции весьма существенно: стилизация прежде всего усваивает в фольклоре жанр, меж тем такого жанра, какой представляет собой нижеследующая лирика, строго говоря, в фольклоре не существует, за исключением нескольких пограничных инцидентов. Просодия и троп почерпнуты исключительно из фольклора - от былин и баллад до обрядовых и лирических песен. Усваивалась и даже подчеркивалась логика искажений первоначального текста в процессе «перенятия» и завыванья. В круг усвоенной традиции вошли и «духовные стихи», жанр, обращающий на себя наименьшее внимание собирателей, не из-за своей относительной эклектичности и вторичности, а по идеологическим соображениям. Лексика отбиралась внутри тропа - ее надобластная сакральная замкнутость суживалась желанием автора употреблять слова в основном знакомые нынешнему читателю или же проникшие в современный язык под другим семантическим обличием (хотелось подчеркнуть пластическую, наряду со смысловой, периферию слова). Весь стихотворный фольклор от былины до частушки поется - для того, чтобы стихи могли звучать вне организующей мелодии, их пришлось сделать более регулярными. В русском народном стихосложении начисто отсутствует фразеологическая инверсия - ее блестяще заменяет свободная инверсия ударения внутри слова. Этот прием никогда не привлекал стилизаторов и «народных» поэтов, к нему придется привыкнуть.

Разумеется, сборник написан только потому, что «игра» по этим «правилам» открывала автору некоторые желанные возможности, не имеющие прямого отношения к судьбам русского фольклора.

СОДЕРЖАНИЕ

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ

«Безумен утверждавший...»…… 6
«Звон твой, Джон Донн...» ……. 6

ДЖОН ДОНН

ЛИТАНИЯ

ОТЕЦ …… 7
СЫН……. 7
ДУХ СВЯТОЙ …… 8
ТРОИЦА ……. 8
СВЯТАЯ ДЕВА ……..... 8
АНГЕЛЫ ……..... 9
ПАТРИАРХИ …… 9
ПРОРОКИ ……..... 10
АПОСТОЛЫ……..... 10
МУЧЕНИКИ ……..... 10
ИСПОВЕДНИКИ ……..... 11
ДЕВСТВЕННИЦЫ ……..… 11
БОГОСЛОВЫ …… 12
«Пускай поет вселенский хор...» ……... 12
«От страха ли, беспечности ль...» …….. 12
«От страха ради дел благих...» ……..……. 13
«От искушенья искусить...» …… 13

«Избавь сошествием Своим...» …… 14
«Постичь чрез корчи крестных мук...» ……. 14
«Приявши все - удар в лицо...» ……... 14
«Когда рассудок - Твой конвой...» ……. 15
«Когда во храмах Твой Глагол...» ……... 15
«Вонми, вонми нам, Боже; для...» ……... 16
«Пусть ровным рвеньем станет в нас...» ……... 16
«Чтоб исцелить в нас глухоту...» …… 16
«Мирской закон и суд мирской...» ……. 17
«Познанье, послано Тобой...» ……. 17
«Вонми нам, Божий Сын, зане...» …… 18

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ

«Поначалу лишь обрядом скорби...» …… 20
«А может быть, премудрый Боже...» ……. 20
«Совсем вблизи она походит на...» …… 22
«Морей раскинутая сеть...» …….. 22
«В утробе стать монастыря...» ……. 24
«Лес Тебе, закатно тлея...» …… 24
(ПРИТЧ., 25, 20) ……. 24
«Господи, отчего тиранов...» …….. 26
ЦИТАТЫ …….. 28
«Перед тем, как отвечать главою...» …….. 28
«Пир горой. Глубока посуда...» …….. 30
«Высоко иль низко...» …… 30
«Стена стволов...» ……... 32
«Они идут ко Мне...» …….. 32

ДЖОРДЖ ГЕРБЕРТ

ДОБРОДЕТЕЛЬ …… 21
СМЕРТЬ ……. 23

ВИТРАЖИ В ХРАМЕ …… 25
НРАВ …… 25
ЦВЕТОК ……... 29
ПАСХА …… 33
МОЛИТВА …….. 34
ИСКУПЛЕНИЕ …….. 34

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН ……. 38
«Уважаемая миссис Дикинсон...» ……. 40
«Что за странный предвечерний...»…….. 42
ВМЕСТО ПЕРЕВОДА ……... 44

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

«Смиреннее рассветы...» ……... 39
«Тот гость - он злат - малинов...» …… 39
«Листок, и шип, и лепесток...» …… 41
«Когда увянут розы...» …….. 41
«Сердце! Мы забудем...» ……... 41
«Что хуже этих двух потерь...» …… 43
«Благословив простые дни...» ……. 43
«Всего милей удача...» ……... 45
«Ликованье - душ стремленье...» …… 45
«Вечно лететь могли...» ……. 46
«Шаги в саду моем новы...» ……. 46
«Будет ли вправду «утро»?..» …….. 46
«Великий Цезарь! Снизойди...» …… 47
«Осторожней быть хирургам...» …… 47
«Наша доля ночной неволи...»……... 47
«За каждый миг восторга...» …… 48
«Бой на виду отважен...» …….. 48

«Учит жажда воде...» …….. 49
«Пчелиный лепет в дар...» ……... 49
«По сравнению с дневными...» ……... 50
«Что слаще тайных чар!..» ……... 50
«Если до малиновок...» …….. 50
«Пойму- когда иссякнет время...» …….. 51
«До утра на пари пловцы...» …… 51
«Мысль за тончайшей пленкой...» …… 51
«Я пью нерукотворный хмель...» ……... 52
«Мне нравится агония...» …… 52
«Ночь бурь! - ночь бурь!..» …….. 53
«Пернатая «надежда»...» ……... 53
«Я никто! А ты кто?..» ……... 54
«Я знаю, краток прах...» …… 54
«Отчаянье отлично так...» ……... 55
«Кто летний день способен воссоздать...» ……... 55
«Скажу - как всходит солнце...» …….. 55
«Всем - воскресенье - чтоб в церковь ходить....» ……. 56
«Не в умиранье наша боль...» …… 57
«Вослед за сильной болью ты застыл...» ……... 57
«Случилась смерть в доме том, что напротив...» …... 58
«Падут - как снег...» ……... 59
«Мой выход! - Слепнет лик...» …… 59
«Тебе мое посланье-мир...» …….. 60
«Я умерла за красоту...» …… 60
«Багряный отсвет утром...» …….. 61
«Ночь между дней заключена...» …….. 61
«Судьба-жилище без дверей...» …… 61
«Мне ненавидеть некогда...» …….. 62
«Я крохотнее всех в дому...» …… 62
«Коль она жива...» …….. 63
«Что ж делать днесь? - молюсь - молюсь... » …… 63
«Не искома - ЕСТЬ краса...» …… 64

«Иволгу услыхать...» …….. 64
«Вся мощь моя в моей руке...» ……. 65
«Страшусь молчальника - того...» ……. 65
«Рассудка точен - тих...» ……... 65
«Мы познаем любви...» ……. 66
«Отрада живописнее...» …… 66
«Плоть тянется вовне...» ……... 66
«И жаба умрет - от луча...» ……... 67
«Гляжу - как мили он сглотнет...» ……..... 67
«Есть боль столь абсолютна...» …… 68
«Страшиться! Но кого- скажи ?..» …….. 68
«Продвинувшись вперед...» …… 69
«Хоть минул срок людской...» ……..……... 69
«Нерукотворный торный путь...» …….. 70
«У боли есть такой пробел...» ……... 70
«О, долгий сон - о славный сон...» ……... 70
«Живу я в вероятности...» …… 71
«Мир» - то - что зримо нам...» ……. 71
«Душа самой себе...» …….. 72
«Что ж «время лечит», брат?..» ……... 72
«Из шляпы я пошлю перо!..» ……... 72
«Все ниже, ниже солнце - но...» …….. 73
«Навстречу смерти я не шла...» …….. 73
«Сперва мы жаждем - жаждет в нас...» …….. 74
«Изменюсь? - с холмами лишь...» ……... 75
«Не раз мне мнилось - мир настал...» …… 75
«Раскаянье в памяти просвет...» ……. 75
«От бездны к бездне...» ……. 76
«Предчувствие - та тень - что пала на газон...» ……... 76
«Живу я ужасом...» ……. 77
«Того не ущемить...» …….. 77
«Сиянье боли - как...» ……... 77
«Закат отдав тебе...» ……... 78

«Сей мирный прах - он - из господ и дам, из...» ……. 78
«Невмочь мне, милый, пить...» ……... 78
«Всяк срок-простор морской...» …….. 78
«Мне в новость среди дня...» ……... 79
«Шире ту постель...» …….. 79
«Правда стара - как Бог...» …… 80
«Недостижимость - как вино...» …….. 80
«Собой весенний срок...» ……. 80
«Я пела в ожиданье...» ……... 81
«Отчетливое чувство...» …… 81
«Спешите солнце и луна...» ……. 81
«По досточкам я шла...» …… 82
«По разуменью тень проходит...» ……. 82
«Мой острый слух поймет листву...» ……. 82
«Чей это скучный дом?..» ……. 83
«Душе от страшной спутницы...» …….. 83
«Любовь-предтеча жизни...» ……... 83
«Унять одно сердцебиенье...» ……. 84
«Как над ним сомкнулись воды...» …… 84
«Достопочтенна эта мысль...» ……. 84
«Ниже, чем свет, все ниже...» ……... 85
«Закон о сохраненье...» ……. 85
«Болью миг разъят...» …… 86
«Души с ее бессмертьем...» ……... 86
«Смерть это спор меж духом...» ……. 86
«Все упустив - я сберегла...» ……. 87
«Подружка - что скользит в траве...» …….. 87
«Ив узах я петь вольна...» …… 88
«Безмолвствуют колокола...» ……... 88
«Смерть за тебя принять - пустяк...» ……. 88
«Изгнали б мы мороз...» ……... 89
«Дает мне моя ферма...» ……... 89
«Кто умер - успокоит нас...» …… 89

«Изо всех цветов природа...» ……... 90
«Открой ворота, смерть...» ……... 90
«Постигнуть нечто - значит...» ……... 90
«Низки - убоги облака...» …… 91
«Наутро в доме смерти...» …… 91
«Закат - никто не поднял взгляд...» ……... 91
«Дар превосходства над судьбой...» …….. 92
«Мы узнаем, прощаясь...» …… 92
«Огромен слишком - не святой...» ……. 93
«Легко от внешней отличить...» ……. 93
«Ярчайший изо всех пожар...» ……. 93
«Время идет...» ……. 94
«Скажи всю правду- но «сажи...» ……. 94
«Высок ли строит свод...» …….. 94
«Себя хороним мы в насмешке милой...» …… 95
«Через сотню лет...» …… 95
«Душа, рискуй...» …… 95
«Даль это вовсе не царство ли...» ……. 96
«Да, эта жизнь так велика...» …… 96
«Старо - как скорбь...» …… 96
«Вся облачность сошлась плечом к плечу...» ……... 97
«Мне надеяться страшно...» ……. 97
«Уж слишком мало утр...» …… 97
«Далече слово «вечность», коль...» …….. 98
«Сказал бы и все...» ……. 98
«Загадку - отгадав...» …….. 98
«Любовь пришла - но смерть живой...» …… 98
«Не видела бы солнца...» ……... 99
«Коль нищим к славе на порог...» ……... 99
«Бежать от памяти...» …….. 99
«Какой же бриг быстрее книг...» ..……... 100
«Неужто Бог - целитель?..» ..……. 100
«Паук – он - как художник...» ..……. 100

«Вечно юными в той...» …… 101
«Мнят – бесконечность - самый...» …… 101
«В нечистом сердце том...» …….. 101
«Безумье легкое весной...» ……... 102
«Надежней звезд...» ……... 102
«Грезы сделают нас...» …….. 102
«Душа его черней - чем ночь без звезд....» …….. 102
«Иной мне жизни нет...» ……. 103
«А лучший из известных мне...» …… 103
«Ах на крыльях презренья...» ……. 103
«Жилища розы сторонись...» ……. 104
«Сей горестный предлог...» …… 104
«Дней этих жар вести под своды леса...» …… 104
«Боже правый, отреши...» ……... 105
«Будь дьявол склонен к верности...» …… 105
«Одна ль могила предо мной...» …… 105
«Вот мотылек - но невдомек...» …….. 106
«Итак - ложись навеки спать...» …….. 106
«Неразличимо - как печаль...» ……... 106
«Пират сердечных бурь...» …….. 107
«В былые дни...» ……. 107
«Через скромный дар - помехи слов...» ……... 108
«Глядеть ее - картина...» …….. 108
«Как медлит ветр...» …….. 108
«Утро дается всем...» ……. 108
«Отцветает цвет...» …… 109
«Вкушал блаженные слова...»…… 109
«Хоть океаны спят извне...» …… 109
«В седло вскочил и скачет птах...» ……. 110
«У Бога просим только...» …… 110
«Аукцион разлуки...» ……... 110
«Не зная, скоро ли рассвет...» …….. 111
«До родословной меда...» …… 111

«Как от земли воздушный шар...» …… 111
«Верните в смерть меня...» ……. 111
«Молчи о летних деревах...» …….. 112
«Всего лишив вполне, восторг оставьте мне...» …..... 112
«Слава трагична и ярка...» …….. 112
«Всходит желтая звезда...» ……..... 113
«Есть одиночество пространств...» ……... 113
«Лицо без милости в чертах...» …….. 113
«Когда бы жизни срок...» ……. 114
«Бог - Он и впрямь ревнивый Бог...» …… 114
«Когда б все скорби - что я жду...» …… 114
«Кончалась дважды жизнь моя...» ……. 114
«Всем в тягость сей венец...» ……... 115
«Могила-дом мой. Для тебя...» ……... 115
«Нужны лишь клевер и пчела...» …….. 116
«Элизиум не дальше чем...» ……... 116
«Слава-пчела...» ……. 116
«Закат придет длиннейшему...» ……... 116
«Не дай Бог мне жаждать с Рейнвейном у губ...» …. 117
«Рассеется счастливый миг...» …… 117

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ

«Два чернофигурных...» …….. 120
«На декадрахме...» …… 120
«Оттого сошел я...» …… 122
«Посмотри сквозь Ахиллеса...» …….. 122
ЧТО Ж ТОТ ЧУДАК …… 124
«Упадок, где твой Рим...» …… 126
АВЕССАЛОМ ……. 128
«Музыка, ты родилась не подобно Киприде из пены...»… 130
«Пены мхом поросли смехотворно старинные волны...»… 130

КОНСТАНТИНОС КАВАФИС

ОН КЛЯНЕТСЯ ……. 121
КОНЧИНА АНТОНИЯ …….. 121
ИХ ИСТОКИ …….. 123
МАСТЕР ПО ВИННЫМ ЧАШАМ ……... 123
ЖЕЛАНИЯ ……. 125
ФЕРМОПИЛЫ …….. 125
СТАРИК …….. 127
МОЛИТВА ……. 129
CHE FECE... IL GRAN RIFIUTO ……. 129
ТРОЯ …… 131
В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ ……... 132
МОНОТОННОСТЬ …….. 133
ГОРОД ……..... 134
ОКНА …….. 134
СВЕРШИВШЕЕСЯ ……... 135
ИОНИЧЕСКОЕ ……. 135
СЛАВА ПТОЛОМЕЕВ ……. 136
СТРАХИ …….. 136
ИТАКА …… 137
СРОК СМЕРТИ НЕРОНА …….. 138
В ЦЕРКВИ …….. 139
ЦЕЗАРИОН ……... 139
С ДЕВЯТИ …….. 140
ДАРИЙ ……... 141
БЛАГОСКЛОННОСТЬ АЛЕКСАНДРА ВАЛЕСА … 142
В ИСКУССТВО ПЕРЕНЕС Я …….. 143
ИОАНН КАНТАКУЗИН ОДЕРЖИВАЕТ ВЕРХ …... 143
АНА ДАЛАСИНА ……... 144
НА ИТАЛИЙСКОМ БЕРЕГУ …… 144
В БОЛЬШОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИИ В ДВУХСОТОМ ГОДУ ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА …… 145

ТАМ ЖЕ …….. 146
ТИМОЛ-СИРАКУЗЕЦ …… 147
ЭДИП …….. 148
ОДА И ЭЛЕГИЯ УЛИЦ …….. 149
СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ТАЦИТА ……. 149
ГРАЖДАНЕ ТАРАНТО В ЛИКОВАНИИ …….. 150
КОРОЛЬ КЛАВДИЙ ……... 150
«О ПРОЧЕМ ПОВЕДАЮ Я ТЕМ, КТО В АИДЕ» …. 153
КОГДА БЫ ПОЗАБОТИЛИСЬ …….. 154

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ

BOOTTOMLESS BOAT ……. 158
ТРИ ВОРОНА, ТРИ ВОРОГА, ТРИ ДРУГА ……... 160
МОЛЧАНЬЕ …….. 162
В СТРАНЕ, ЧТО ПОД ВОЛНОЙ …….. 164
О, ЛИФФИ ……. 166
БАЛЛАДА О ЗАХОЛУСТЬЕ …….. 168
ДОЛИНА СЛЕЗ …… 170
«Заутра с Елеонской Он сошел ночной горы...» ….. 174

БАЛЛАДЫ

ДЕЙВИС И ЛАЗАРЬ …… 159
КЛАРК КОЛВИЛ …….. 163
ЧАРОДЕЙ И ЧАРОДЕЙКА …….. 167
«Я МИЛОЙ ДАЛ ЦЫПЛЕНКА БЕЗ КОСТЕЙ» …… 173
ТАК БЫЛО В ДЕССЕКСШИРЕ ……. 175
ОДУРАЧЕННЫЙ РЫЦАРЬ ……... 177
ГЕРЦОГ ГРАФТОН …….. 178
ПОТРЕВОЖЕННАЯ МОГИЛА ……. 179
ВИШЕНЬЕ: РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ …… 180
СЭМ ХОЛЛ ……. 181

ИУДА …….. 183
СПАСЕННАЯ ОТ ВИСЕЛИЦЫ ДЕВА …… 184
ЦАРСТВЕННЫЙ РЫБАК ……... 186
БЕДНЯЖКА МИСС БЕЙЛИ ……. 188
ЗЛА ЛОЗА …….. 188
ИСТОЧНИК ХОЛИ-УЭЛЛ …… 190
СВЯТОЙ СТИВЕН И ИРОД ……... 192
ДЕВА И СТРАННИК ……... 194
ЧЕВИ ЧЕЙЗ ……... 195
ГЛАЗГЕРИОН ……... 205
(МАЛЫШ) МУСГРЕЙВ И ЛЕДИ БЕРНАРД …….. 208
КРАСАВЕЦ ДЖОРДЖ КЕМПБЕЛ …….. 213
УМНО РАЗГАДАНЫ ЗАГАДКИ ……. 213
ДВА ВРАНА ……... 215
ТРИ ВОРОНА …… 216
БЕССИ БЕЛЛ И МЕРИ ГРЕЙ …… 217
ЛОРД РЭНДЕЛ ……. 217
ЛИЗЗИ УЭН …….. 218
СЭР ПАТРИК СПЕНС …… 220
ЖЕНА ИЗ АШЕРС-УЭЛЛ …….. 222
ВЕЛИКИЙ СИЛКИ ИЗ СЬЮЛ-СКЕРРИ …… 224
МЛАДАЯ ЛАНЬ ……... 225
НОЖНЫ И НОЖ …… 227
УИЛЛИ УИНСБЕРИ ……... 228
ЭДВАРД …….. 230
ИЗАБЕЛЛА И ВОЛШЕБНЫЙ РЫЦАРЬ …… 232
ДЖЕНЕТ (ЛЕДИ МЕЙЗРИ) ……... 233
ДВА БРАТА ……... 237
ПРЕКРАСНАЯ ЭННИ …… 239
ДУХ МИЛОГО УИЛЬЯМА …… 243
ХАЙНД ХОРН ……... 246
ПЛАЧ ВДОВЫ ИЗ ЗЕМЕЛЬ ПОГРАНИЧНЫХ …… 248
ЛОРД ТОМАС И КРАСА АНЕТ ……... 249

ОКАЯННАЯ МАТЬ …….. 253
БРУМФИЛДСКИЙ ХОЛМ …… 254
ИСПОВЕДЬ РОБЕРТА …… 256
МОЛЛИ БАН ……. 258

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ

«Как на росстани на Божьей...» ……. 260
«Знать случится верное скончанье...»…….. 260
«Как и всяка речка льется своим следом...» …… 262
«Кабы сбылись все проклятьица людские...» ……. 262
«Катится катучий камушек...»……... 264
«Всяко тело на костях стоит...» ……... 264
«В Божий час, в Господне время...» ……... 266
«Во всех землях все по земну...» ……. 266
«Ни отца с того света, ни матушки...» ……. 268
«Нам глаза даны...» …….. 268
«Бог еси на небеси...»…… 270
«Ради красного денька...» ……... 270
«Как на чуждой на сторонке...» …… 272

ГРУЗИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

«Горец, вскормлен горами ты...» …….. 261
«Воин млад он тогда хорош,...» …… 261
«Ах ты, меч горемычный мой...» …….. 261
«Как же зверя настигнешь ты...» …….. 263
«Пховец доблестный боя ждал...» …… 263
«Тот, кто доблестен, станет ли...» ……. 263
«Старый Миндия, славен ты...» …… 265
«Хорнаулт - крепость мнилась мне...» …… 265
«Воин млад он тогда хорош,...» …… 265
«Слава храбрых хевсур сынам...» ……. 265

«То-то любо красавца ждать...» …….. 267
«Звук нагорного выстрела...» ……. 267
«Среди мужей собрания...» …… 267
«Млад Бецикуа, знаешь ли...» …… 269
«Перед тьмой супротивников...»……... 269
«Рек Растем: был и я удал...» …….. 269
«Что, храбрец, убиваешься?..» ……... 269
«Боже, жалость великая...» …….. 271
«Волк, орел или воин млад...» ……..... 271
«Плачет доблестного жена...» ……... 273
«Уж не тяжко, не тяжко ли...» …… 273
«Умер всё ж Рекет Джамрули...» …… 273
«Как добычу охотнику...»…… 273
«По душе смелый юноша...» ……... 274
«Сух ли порох твой, юноша...» …….. 274
«Я убил барса на скале...» …… 274
«Причитал Апшина из Бло...» ……... 274
«Ты медведя убил, Хумар...» ……... 275
«Уж как март ли, апрель и май...» ……. 275
«Я таскал сено вилами...» …… 275
«Уж ружье ли промолвило...» …… 276
«Ты на туров средь скал взгляни...» …….. 276
«Снег ли в Верхнем Бацалиго...» ……... 277
« - Тур печальный почто же ты...» ……. 277
«Погляди на вершины гор...» ……. 278
«Я оленя достал стрелой...» ……. 278
«На лугу в Караязах ли...» ……... 278
«Весть оленю олень принес...» ……... 279
«-Ты же вскормлен в горах, олень...» ……..... 279
«- Куда путь держишь, бел-олень...» ……... 279
«Ты откуда, бежишь, олень?..» ……... 280
«Снег в горах и в долине снег...» ……... 280
«Ах любезен мне сокол был...» ……... 280

«Коршун выше охотится...» …… 281
«Меж собой перекликнулись...» …… 281
«Как друг другу програяли...» …….. 281
«Черный ворон с горы черной...» …… 282
«Как заграяли вороны...» …… 282
«Ворон, Чара окрестности...» …… 282
«Бедолаги вы, вороны...» …… 283
«Пусть же вырастит сына мать...» …… 283
«Пусть же сына вырастит мать...» …… 283
«Иль пошли Вы в своих отцов?..» …… 284
«Поднимайся пораньше, мать...» …….. 284
«Вижу, вижу, что сокол ты...» …… 284
« - Тала, где же твой молод сын...» …… 285
«Обойми меня, сыночек!..» …… 285
«Бай-бай, сыне, бай, мой хороший, бай...» …… 286
«Спи, Нана, Нанукеле, спи...» …… 286
«Вот колыбель, что свечечка...» …… 287
«Тя ль фиалка родила...» …… 287
«Засыпай, нана, нана, спи...» …….. 287
«Солнце - моя матерь...» …….. 287
«Собрались многоумные...» ……... 288
«Стар, не сетуй на старость ты...» …… 288
«Во Гудане возводят храм...» ……..… 288
«Господа всех веселее! Что за господа!..» …… 289
«Шарманаули, сокол ясный...» …… 289
«Со скалы Иванэ летел...» …….. 290
«Натекла средь высоких скал...» …… 290

А. ВЕЛИЧАНСКИЙ

«Стихи - это радость...» …… 292
«Песнь грузинская: прекрасен...» …… 294
«Всяк грузин наполовину...»…….. 294

«О рождении Гомера...» …….. 296
«Этот край ветхозаветен...» …… 296
«На дворе ноябрь, но лето...» …… 298
«Осень поздняя блаженна....» …… 298
«С небесами селянина...» …… 300
«С пышных гор, что к ночи солнце...» ……. 300
«Если кто-то умер в доме...» ……... 302
« - Ненадежен ваш обычай...» ……... 302
«Эта речь - сама горячность...» ……. 304
«Всяк народ - урок другому...» …….. 304
«Нет, не женщины, а звезды...» ……. 306
«Грузии издревней слава!..» …….. 306

НИКО САМАДАШВИЛИ

ГЕНИЙ И ЗВОННИЦА …….. 293
ПОСЛЕДНИЕ ХРИСТИАНЕ (БЕТАНИЯ) …….. 295
«Здесь опирался на посох крестьянин уставший...»… 295
«В праздник Святого Георгия, как говорят нам...»… 297
«Еле виднелась дорога. Внезапно на взгорье...»…… 299
ИССОХШИЙ ……. 299
ПРИ СВЕТЕ …… 301
ВОН …….. 301
ОТВЕТ …….. 301
«Что он создал, кроме вот этих строк?..» ……..... 303
ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ ……... 303
«Человек один на крутом откосе виднелся...» …….. 305
ТУДА ……... 305
«НИКО САМАДАШВИЛИ...» …….. 307
К НИКО САМАДАШВИЛИ …….. 307
АТЕНСКИЙ СИОНИ …….. 309
РУБЕЖ …… 310

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

«Шел тропой одиноко...» …… 312

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ……. 314
СИЯНЬЕ БОЛИ …… 316
СУДЬБЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА …….. 347

Александр Леонидович Величанский

ОХОТА НА ЭХО
Стихотворения. Переводы

Директор издательства *Б.В. Орешин*
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*
Зав. производством *Н.П. Романова*

Художник *А.Б. Орегиина*
Верстка и оригинал-макет *В.А. Севрюгина*
Корректор *А.И.* Сергиенко

ЛР № 065292 от 17.07.1997
Подписано в печать 15.10.2000 Формат 60x84/16 Печать офсетная.
Гарнитура Лазурский. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21,39
Печ. л. 23,0. Тираж 500 экз. Заказ № 6697

Издательство «Прогресс-Традиция»,
117049, Москва, Крымский вал, д. 8

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 5-89826-072-2

9 785898 260729 >